

Движение по спирали

Политическая
система России
в ряду других систем

тема

Дмитрий Фурман

Движение по спирали

Политическая
система России
в ряду других систем

ВЕСЬ
МИР

Москва 2010

УДК 321
ББК 66.3(2Рос)
Ф 94

ISBN 978-5-7777-0480-1

© Фурман Д.Е., 2010
© Издательство «Весь Мир», 2010

Содержание

Введение	7
1. Распад Советского государства и зарождение новых политических систем	17
1.1. Пути трансформации	21
1.2. Слишком трудный путь к демократии	25
1.3. Вариант прямого перехода России к демократии в 1991 г. «не просматривался»	29
1.4. Сила и слабость демократического движения	37
1.5. Одна ликвидация для всех с различными последствиями для каждого	53
2. Развитие российской политической системы	57
2.1. Конфликт с парламентом и принятие Конституции	58
2.2. Первые постсоветские президентские выборы	76
2.3. Кризис передачи власти	86
2.4. Подавление сепаратизма и подчинение региональных властей	97
2.5. Подчинение «олигархов» и СМИ	101
2.6. Создание «Единой России», движение к «квазиоднопартийности» и установление контроля над парламентом	106
2.7. Политика как серия «спецопераций» и усиление роли спецслужб	109
2.8. Идеологические поиски	112
2.9. «Подъем России с колен» и усиление конфронтации с Западом	116

3. «Золотой век». Развитая система	127
3.1. Второй путинский срок	129
3.2. Достижение максимально возможного контроля власти над обществом и «пределы роста» системы	135
3.3. Чего мог испугаться президент?	138
4. Нарастание противоречий и движение к кризису политической системы	143
4.1. Атрофия обратных связей	146
4.2. Социальная мобильность «по-бюрократически»	148
4.3. Единственная идеология — обеспечение лояльности	151
4.4. Неожиданность кризиса — обязательна	154
5. Возможные исходы предстоящего кризиса.	
Вместо заключения	159
5.1. Первый вариант — успешный переход к демократии	160
5.2. Второй вариант — возврат к безальтернативности власти и новый цикл	164

Введение

При возникновении и в ходе становления постсоветского российского государства представление о том, что новая Россия является обществом, переходным от советской системы к демократии и рынку, «от социализма к капитализму», безраздельно господствовало в официальной риторике, публицистике и науке — и российской, и западной¹. Такое представление было совершенно естественным. Оно основывалось на том простом и очевидном факте, что ликвидация коммунистической системы в России, как и во всех ушедших в то время от коммунизма странах, осуществлялась под лозунгами демократии и свободного рынка. Но если люди отвергли коммунизм и провозгласили демократию своей целью, то что еще, кроме демократии, они могли строить, к чему еще они могли «переходить»? Может быть, для России и Казахстана этот переход представлялся более трудным и долгим, чем, скажем, для Чехии и Польши, но то, что траектория движения у всех освободившихся от коммунизма и провозгласивших демократию своей целью стран — общая, казалось несомненным.

Представление о «переходном» характере постсоветского российского общества, как и о других посткоммунистических обществах, было, однако, не только самым простым. Оно еще было

---

¹ См., например: J.J. Linz, F. Stepan. *Problems of Democratic Transition and Consolidation*. The John Hopkins University Press. USA. 1996. Критику «транзитологии» см. в: *Кэп Стивен. Провал крестового похода*. М., 2001.

психологически и политически удобным. На все лады постсоветскими правителями бесконечно повторялась одна и та же мысль: переходный период не может не быть трудным, нельзя требовать всего сразу, полноценные демократию и рынок за год не построишь, сейчас надо потерпеть¹. Идея трудного «перехода» к демократии и рынку как бы вновь актуализировала древний «архетип» похода из «египетского рабства» в «обетованную землю». В раннее советское время власти оправдывали свои действия (а народ, в свою очередь, оправдывал действия властей) тем, что сейчас в борьбе и лишениях преодолевается тяжелое наследие царизма и капитализма, и надо сперва терпеть в ожидании социализма, потом, когда было объявлено, что он уже построен, а счастье так и не наступило, — коммунизма. Точно также в раннее постсоветское время мучительно преодолевалось теперь уже наследие коммунизма, и надо было снова терпеть тяготы ожидания прихода в новую «обетованную землю». Идея неизбежности трудного переходного периода была для правителей и элит прекрасным оправданием того, что они делали, перед самими собой, перед иностранными наблюдателями и перед своими народами. На переходность можно было списать едва ли не все — обычные нормы в переходный период не действуют и, как известно, «коней на переправе не меняют».

Это представление было, однако, удобным не только для постсоветских, но и для западных лидеров и обществ. Оно поддерживало их общее оптимистическое настроение, порожденное перестройкой и неожиданным падением коммунизма, позволяло им закрывать глаза на какие-то явно не демократические тенденции развития постсоветских государств, «списывая» их на трудности

---

¹ Ислам Каримов: «Мы придем к той демократии, о которой вы так мечтаете. Другое дело, мы сделаем это чуть позже вас...» (Общая газета. 10–17.03.1994). Нурсултан Назарбаев: «Нельзя из вчерашнего дня перепрыгнуть в демократию французскую или американскую — так не бывает» (Независимая газета. 21.04.1994). Он же: «...К ним демократия приходила 150–200 лет. Почему же они от нас хотят всего сразу?» (Независимая газета. 15.11.1995). С. Ниязов (Туркменбаши): «Мы хотим создать светское, демократическое государство с многоукладной эффективной экономикой, в котором будут гарантированы все права человека — свобода слова, совести, свобода передвижения, выбора места жительства и другие. Все эти свободы соблюдаются и сейчас, другое дело, что в переходный период государство вынуждено регулировать действие этих категорий в интересах всего общества» (Ритм реформ мы должны определять сами (Интервью С. Ниязова) // Независимая газета. 20.10.1992).

перехода, что освобождало их от лишней «головной боли». Когда постсоветские лидеры говорили, что переход не может не быть трудным, западные с облегчением и радостью соглашались¹. Поддержка Западом Ельцина и российских «демократов» в их многих очевидно незаконных и недемократических действиях была бы психологически и морально невозможна без идеи «трудностей переходного периода». Очевидно, из-за удобства, комфортности этой идеи и для постсоветских, и для западных элит ее очевидное противоречие реальности очень долго оставалось незамеченным.

Сейчас прошло 18 лет после падения СССР и коммунистической системы. Это очень большой срок. За это время все те страны, которые действительно переходили к демократии, уже давно к ней перешли. С. Хантингтон писал, что демократия, система, основанная на единых «правилах игры», в рамках которой в соответствии со свободным выбором избирателей происходит чередование победителей и побежденных, ротация власти, может утвердиться, стать для общества нормой, только после двух-трех таких ротаций. Но если мы примем хантингтоновскую точку зрения (а она представляется совершенно бесспорной), то должны будем признать, что большинство постсоветских стран за почти два десятка лет не сделали еще и первого решающего шага на этом пути. Если исключить страны Балтии, то на всем остальном постсоветском пространстве за весь период с 1991 г. было только пять случаев мирного конституционного перехода власти к оппозиции. Из них три — в очень своеобразно развивающейся Молдове², один — в Белоруссии и один — в Украине, оба — в 1994 г., (вторую украинскую ротацию, сопровождавшуюся «оранжевой революцией», все-таки вполне «мирной и конститу-

---

¹ Вот совершенно гротескный пример такого соглашательства. Побывавший в Туркмении американский сенатор А. Кренстон сказал, фактически полностью повторяя Туркменбаши: «Безусловно, демократическое государство нельзя построить за один день. В Америке этот процесс идет уже 200 лет, однако и сегодня американскую демократию нельзя назвать совершенной. По моему мнению, Туркменистан медленно, но неуклонно идет по пути демократического общества и экономических преобразований» (*Жуков Н.* Курс на демократию внушает оптимизм // Независимая газета. 10.09.1992).

² О развитии Молдовы см.: *Фурман Д.* Молдавские молдаване и молдавские румыны // Научные тетради Института Восточной Европы. № 2. Молдавия. М., 2008.

ционной» назвать нельзя). При этом белорусская ротация, которая теоретически могла знаменовать начало утверждения демократии, привела к созданию победившим на выборах А. Лукашенко жесткого и устойчивого режима «безальтернативной власти», однотипного с российским. А украинская — к попытке создания такого же режима, вскоре сметенного «оранжевой революцией». Во всех остальных странах, в том числе и в России, никаких мирных конституционных ротаций вообще не было. Оппозиция не приходила в них к власти мирным законным, путем ни разу¹.

Но дело не только в этом. Если бы в развитии этих стран мы могли увидеть приближение к первой ротации, если бы, например, у нас в начале 90-х годов конституционный приход оппозиции к власти был бы совершенно невозможен, но в настоящее время представлялся явно более возможным и близким, тогда мы могли бы говорить, что Россия и подобные ей страны движутся, пусть значительно более медленно, пусть «отставая в развитии» и проходя сейчас только подготовительную фазу, но все-таки в том же направлении, что и страны, перешедшие к демократии. Но этого, несомненно, нет. В ходе нашей политической эволюции возможность мирной конституционной ротации власти не увеличивалась, а уменьшалась, и в настоящее время равна нулю. Логика развития российской и других подобных ей систем — отнюдь не логика постепенного изживания черт, унаследованных от коммунистического прошлого, и приближения к демократической модели общества. Скорее, наоборот, мы можем говорить, что в ходе эволюции этих систем изживались элементы демократии, которые были в наших обществах в недолгое действительно «переходное» время конца 80-х — начала 90-х годов, и «на новом витке спирали» в новой и более «мягкой» форме возвращались многие характеристики советской системы. Сейчас в политическом отношении Россия (как и Белоруссия, Казахстан и другие подобные постсоветские страны), несомненно, ближе к позднесоветскому обществу, чем к Рос-

---

¹ Были только перевороты — в Грузии кровавый в 1991 г. (свержение З. Гамсахурдиа) и бескровный («революция роз») в 2003 г., в Азербайджане в 1992 г. (революция Народного фронта) и 1993 г. (свержение А. Эльчибея), гражданская война в Таджикистане в 1992–1997 гг., переворот в Киргизии в 2005 г. («революция тюльпанов»), бескровный переворот (отставка президента в результате ультиматума силовиков) в 1998 г. в Армении, а также много попыток переворотов — и кровавых, и бескровных.

сии (или Белоруссии) конца «перестройки» и начала постсоветской эпохи.

Конечно, в длительной временной перспективе все общества — переходные, откуда-то и куда-то. СССР, например, в контексте истории русского народа вполне можно рассматривать как общество, переходное от самодержавной к постсоветской России. В определенных пределах такой подход может быть даже плодотворен — он нацеливает на выявление того, как внутри советской системы формируются элементы постсоветской. Но ясно, что он совершенно недостаточен. Русский и другие народы, «вошедшие» в СССР, действительно, «прошли» советский период, «вышли» из него (иными, чем вошли) и продолжают жить и развиваться. Но сам СССР умер. СССР был живым организмом, со своими внутренними закономерностями функционирования и развития и со своим уже завершившимся жизненным циклом. И понять советскую историю, ее логику лишь из модели «перехода» невозможно. Но также недостаточна эта модель и для понимания постсоветской России. В большой исторической перспективе, конечно, это — переходное общество. Российский народ «вошел» в постсоветскую систему, как он раньше «вошел» в советскую, и «выйдет» из нее существенно иным. Но вместе с тем постсоветская Россия — живой целостный организм со своей логикой функционирования и развития и своим еще не завершенным жизненным циклом. В некотором роде Россия уже давно «перешла», в ней сложилась относительно стабильная политическая и социальная система, хотя и совершенно иная, чем в демократических странах, в том числе и во всех европейских посткоммунистических странах, кроме Белоруссии.

Это не система, основанная на единых «правилах игры», в которой могут побеждать, приходиться к власти разные политические силы, а система, при которой власть побеждает всегда, а «правила игры», напротив, могут меняться по желанию этого постоянного «победителя». Демократические и правовые нормы и институты в ней играют роль «декорации», камуфляжа, за которым скрывается иная, авторитарная организация власти. Но в отличие от других авторитарных систем власть здесь не основывается ни на «физической силе» армии, как в военных диктатурах, ни на древней традиции, как в неконституционных монархиях, и демократический камуфляж в этой системе является необходимым, имманентным ей элементом.

Принципиально отличаясь от демократических систем¹, российская система в то же время очевидно однотипна со множеством систем, возникших после распада СССР на постсоветском пространстве, в которых демократический и конституционный «фасад» также сочетается с личной властью «безальтернативных» президентов, правящих столько, сколько хотят (обычно они хотят править до своей смерти) и передающих власть кому пожелают. В дальнейшем мы увидим много общих черт в функционировании и эволюции российской и других постсоветских систем, наличие в них общей структуры и логики развития, говорящих об их принадлежности к одному «виду»². Но ареал распространения этого «вида» значительно шире постсоветского пространства. Аналогичные системы существовали и существуют во множестве стран бывшего «третьего мира»³. Как невоз-

¹ Я не пишу: «западных демократических систем», ибо демократия давно уже — не специфическая принадлежность Запада. Демократия в Южной Корее, Индии и Японии принадлежит к тому же типу политического устройства, что и демократия в странах Запада. А в Сирии, Египте или Узбекистане — не какие-то «восточные демократии», а просто политические системы другого типа.

² В нашей политологии существует сильная тенденция преувеличивать особенности российского постсоветского развития. У нас практически нет систематических сравнений российского строя и его эволюции со строем и эволюцией других постсоветских стран, которые, несомненно, отчетливо выявили бы общность «вида» установившихся в большинстве из них систем. Этот недостаток свойственен даже прекрасным работам Л. Шевцовой, в которых Россия сравнивается с кем угодно (Бразилией, ЮАР), но не проводятся, по-моему, очевидно необходимые сравнения со значительно более близкими режимами, например, казахстанским или белорусским (см.: *Шевцова Л.* Режим Бориса Ельцина. М. 1999. С. 502–509). В переведенной на русский работе Р. Саквы «Путин. Выбор России» (М.: Олма-Пресс, 2008), политика В. Путина сравнивается с политикой самых разных персонажей, начиная от Дэн Сяопина кончая де Голлем, но не сравнивается с политикой решавших примерно в одно время с Путиным схожие проблемы в схожих условиях и схожим образом Назарбаева или Алиева. Объяснить это довольно трудно. Если у российских авторов это может объясняться естественной «российскоцентричностью» и какими-то рудиментарными «имперскими комплексами» («как можно сравнивать великую Россию с каким-то Узбекистаном!»), то чем это объяснить у западных авторов, я просто не знаю.

Попытка дать систематическое сравнение постсоветского политического развития в разных странах содержится в статье автора данной работы: «Общее и особенное в политическом развитии России и других стран СНГ» (Пути российского посткоммунизма. Очерки / Под ред. Марии Липман и Андрея Рябова. Московский центр Карнеги. М., 2007).

³ Относительно «массовый» характер такие режимы приобретают лишь после деколонизации. Затем распад СССР расширил ареал их распространения. Более

можно показать какие-либо принципиальные, «видовые» отличия постсоветской России от постсоветского Казахстана или Белоруссии, так нельзя показать такие отличия России (и Казахстана) от Алжира, Туниса, Египта, или режима, который сейчас создает Чавес в Венесуэле¹. Эти системы не имеют самоназвания (все они — «демократии», и в российской системе максимальным приближением к самоназванию был изобретенный в недрах путинской администрации термин «суверенная демократия», который официальным так и не стал). Не имеют эти системы, совершенно недостаточно, насколько я представляю, изученные в политологии, и устойчивого и общепринятого научного наименования. Часто их называют «управляемыми демократиями» или «имитационными демократиями». (Я буду использовать термин «имитационная демократия», но совершенно на нем не настаиваю. Важен не термин, а понимание природы этого вида систем.)

Если российская постсоветская система принадлежит к одному «виду» с казахстанской, белорусской, а также алжирской, тунисской и другими подобными системами, то по отношению к предшествовавшей ей советской она, конечно, принадлежит к другому «виду». В системе СССР также были родственные «имитационной демократии» элементы правового и демократического «камуфлирования» реальных механизмов управления — все-таки в СССР была «социалистическая», но демократия, «скрепленный навеки великой Русью», но федеративный союз,

---

ранние аналоги, очевидно, следует искать в истории Латинской Америки, где раньше, чем в других регионах, возникло сочетание отсутствия или крайней слабости идейных альтернатив демократии и неспособности обществ жить в условиях демократии.

¹ Сами руководители таких режимов прекрасно видят их глубокое родство с российским. Х. Мубарак говорит в интервью: «Демократия на западный манер не является единственным стандартом, пригодным для использования в любом месте и в любое время. Каждому отдельно взятому социуму присущи определенные, характерные только для него условия жизнедеятельности, специфические ситуации и особенности. Ведущиеся разговоры о необходимости распространения демократии по западному образцу игнорируют эту истину. ...Я вспоминаю, как президент Путин... говорил о “российской демократии” и имел в виду именно то, о чем сейчас говорю вам я. У каждого общества свой опыт построения демократии. В основу этого опыта должна быть положена специфика условий, в которых данный конкретный социум существует и функционирует» (*Мубарак Х. Друзья всегда должны быть открытвенны* // Российская газета. 23.03.2008).

хоть и безальтернативные, но выборы и соблюдаемая лишь в тех ее аспектах, которые не мешали всевластию КПСС, но все-таки Конституция, в которой были записаны всякие права и свободы. В «странах народной демократии» такого демократического «камуфлирования» было еще больше — во многих из них даже была квазимногопартийность! Но во всех коммунистических системах эти элементы играли ограниченную роль. Советская и другие коммунистические системы основывались на тоталитарной догматической идеологии, утверждавшей ее отличия от демократических систем как отличия истинной, социалистической демократии от буржуазных псевдодемократий. Поддержание стабильности в таких системах поэтому требовало тотального государственного идеологического контроля.

Однако как я постараюсь показать, в логике развития и функционирования советской и постсоветской систем, несмотря на их разительные идеологические и иные различия, есть много сходных черт, в то время как в логике развития постсоветской российской системы и демократических систем посткоммунистических центрально-европейских и балтийских стран, несмотря на отсутствие явных идеологических различий, напротив, сходные черты минимальны или вообще отсутствуют. Если продолжить аналогию с биологической классификацией (как мне представляется, вполне оправданную), советская и постсоветская российская системы принадлежат не к одному «виду», но к одному «роду».

Однотипность нашей системы с другими системами не означает, разумеется, тождественности. Каждая имитационно-демократическая система по-своему уникальна, и российская система тоже обладает множеством своеобразных черт (достаточно указать на совершенно не характерную для постсоветских имитационных демократий ситуацию теперешнего медведевско-путинского «тангема-двоевластия»), связанных с индивидуальными особенностями русской культуры, историческими обстоятельствами возникновения и эволюции российского постсоветского государства и вообще множеством разнообразных факторов, и все ее развитие — не просто разворачивание во времени изначально заданных черт, а живая история. Принадлежность к «родам» и «видам», наличие общих закономерностей функционирования и жизненного цикла не противоречат уникальности индивида и уникальности его «судьбы», «биографии».

Цель данной работы — показать логику зарождения, развития и функционирования и в дальнейшем — упадка российской постсоветской системы, отмечая как общие с другими подобными системами и с предшествующей ей советской, так и своеобразные, индивидуальные черты. Соответственно, работа делится на пять разделов: 1) зарождение системы; 2) ее развитие; 3) характеристика развитой системы; 4) нарастание противоречий системы и ее движение к «последнему кризису»; 5) возможные исходы этого кризиса.

1. Распад Советского государства и зарождение новых политических систем

Все постсоветские государства и их политические системы возникли в результате распада единого советского государства и единой коммунистической системы практически в одно время и в очень сходных обстоятельствах. (Это делает постсоветское пространство идеальным полем для сравнительных политологических исследований, которых тем не менее практически нет.) Если сравнивать этот процесс с распадом Российской империи и гражданской войной «всех против всех», последовавшей вслед за падением самодержавия, распад казавшегося несокрушимым монолитом советского государства представляется легким и бескровным. Эта относительная легкость и бескровность была обусловлена, очевидно, двумя основными причинами.

Во-первых, ко времени падения СССР эпоха сильных утопических квазирелигиозных идеологий, вызывавших фанатичную преданность, ушла в прошлое.

Коммунистическая идеология за годы своего тотального господства практически полностью утратила свою жизненную силу и не могла ни стать в своем «реформационном» варианте основой горбачевской перестройки (а другой идейной основы у перестройки быть и не могло), ни оказать реального сопротивления поднявшейся антикоммунистической волне. Тоталитарные идеологии всегда борются с видимыми опасностями — внешними врагами, движениями протеста, «ревизионистами», диссидентами. Но они ничего не могут сделать с утратой веры в них, если она сочетается с конформистским поведением. В СССР на каж-

дую ракету потенциального противника приходилось несколько советских, а на каждого диссидента — тысяча работников КГБ и десятки тысяч членов КПСС. Но коммунисты сами давно уже не верили в коммунистическую идеологию, превратившуюся в набор догматических формул. Горбачевские призывы «назад к Ленину», к «социализму с человеческим лицом», его стремление извлечь из первоначальной коммунистической идеологии гуманистическую составляющую, находили отклик лишь постольку, поскольку служили удобной формой выражения протеста и то только до тех пор, пока сохранялись страх и уверенность в прочности коммунистического строя и люди боялись высказываться откровенно. Для реализации горбачевского плана демократизации советского общества при сохранении идеологической преемственности нужен был определенный минимум людей, воспринимавших эти призывы не как риторику, а буквально и серьезно, но этого минимума не было¹.

Как только страх перед властью ослаб, подточенная изнутри система стала распадаться. Банальное выражение «колосс на глиняных ногах» применимо здесь идеально. Интеллигентский «средний класс», мечтающий о свободной и обеспеченной жизни «как на Западе», быстро революционизировался, компенсируя безопасным в условиях «перестройки» радикализмом прежний конформизм и приспособленчество, и обратился против Горбачева, который стал восприниматься как недостаточно радикальный

---

¹ Возникает вопрос: что вообще могла представлять собой «победа перестройки»? Ясно, что это не могло бы быть утверждение реальной и полноценной, с ротацией у власти разных политических сил, демократии в масштабах СССР. Самый оптимистический вариант судьбы перестройки — это преобразование КПСС в партию, идеологически основывающуюся на «марксистско-ленинской реформации», демократическом и гуманистическом прочтении марксизма-ленинизма, что и было идеологией Горбачева и ранней перестройки (как раньше — идеологией «пражской весны»). Такая партия могла бы работать в демократических (или относительно демократических) условиях, оставаясь на долгое время безальтернативной партией власти, которой противостояли бы разные небольшие радикальные партии — что-то между Мексикой дофоксовских времен и Индией эпохи безраздельного господства ИНК. Такая ситуация могла бы теоретически обеспечить относительную стабильность, хотя в конце концов все равно должна была привести к кризису. Я думаю, что для советских республик это был бы значительно лучший вариант, чем тот, который реализовался в действительности, позволявший избежать «кесонной болезни» и шараханья в новые формы авторитаризма. Но для реализации нужна была значительно бо́льшая сила марксистско-ленинской идеологии — такая, какая была в 60-е годы.

и решительный. Партийная и государственная верхушка сама с легкостью, которой нелегко найти прецедент в истории, отказалась от коммунистической идеологии и приняла идеологию демократии и рынка, что и позволило ей в значительной мере удержать свои социальные позиции. Когда после роспуска и запрета КПСС была создана КПРФ¹, из высшего советского руководства в нее не вступил практически никто. Многие партийные руководители даже превратились в страстных антикоммунистов (может быть, наиболее гротескный пример — превращение в яростного антикоммуниста и антимарксиста бывшего заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС А.Н. Яковлева). Реального аналога «белого движения» не возникло — людей, готовых сражаться за КПСС и СССР, практически не осталось. Как пишут Т. и В. Соловей: «...Русские маршалы и генералы сдали страну так же, как сержанты сдают караул»².

С другой стороны, не было и новых некоммунистических и антикоммунистических тоталитарных утопических идеологий — в современной «деидеологизированной» культуре они практически отсутствуют. Целью революционных антикоммунистических движений было не достижение некоего идеального общества, рая на земле, ради которого легко отдать свою жизнь и еще легче — пролить реки чужой крови, а скорее достижение общемировой «нормы». Уже не было аналогов большевиков, эсеров и анархистов, стремившихся сделать Россию маяком для всего человечества, первой освобожденной территорией. Были лишь «демократы», стремившиеся к тому, чтобы в России было все, как в «цивилизованном мире». Элементы утопизма в идеологии антикоммунистических движений были, ибо реальный «цивилизованный мир» приобретал в сознании людей утопические очертания, были и фанатики демократии и антикоммунизма, отношение к которым было скорее ироническое — «демшиза». Но масштабы утопизма и фанатизма несопоставимы с масштабами начала XX в. Предель-

---

¹ Идеология КПРФ — отнюдь не горбачевская идеология «социализма с человеческим лицом, марксистский компонент в ней — ничтожен. Скорее это — идеология народной ностальгии по «доброму старому времени». Об идеологии КПРФ и других постсоветских компартий см. статью Д.Б. Урбан «Коммунистические партии России, Украины и Белоруссии (безуспешный поиск единства в многообразии)» // «Белоруссия и Россия. Общества и государства / Отв. ред. Д.Е. Фурман. М., 1998.

² Соловей Т., Соловей В. Несостоявшаяся революция. М., 2009. С. 279.

ное бессилие коммунистической идеологии и слабость нового революционного утопизма сделали их конфликт (конфликт бессильного со слабым) практически бескровным.

Второй причиной относительной легкости распада коммунистической системы и союзного государства был федеративный характер СССР. Когда-то это была имеющая догматическое идеологическое значение, но фиктивная федеративность. Однако постепенно она стала приобретать некоторое реальное содержание. В республиках сложились системы власти, которые могли функционировать и без союзного центра, а границы между республиками были четко определены. В процессе перестройки, стремившейся вложить демократическое содержание в советские формы, самостоятельность республик стала стремительно расти, приведя в конце концов к распаду государства.

Бессилие коммунистической идеологии, массовый отход от нее коммунистической элиты и слабость утопических квазирелигиозных элементов в антикоммунистической идеологии избавили СССР от кровавого столкновения между коммунистами и их противниками. Но примитивный стихийный национализм остается силой, способной побудить и к героизму, и к зверствам. При распаде Югославии войны шли не между коммунистами и антикоммунистами, а между народами. И при распаде СССР кровь лилась в основном не в идеологических, а в национальных конфликтах (война из-за Карабаха, конфликты с сепаратистами в России, Молдавии и Грузии и внутрirosсийский конфликт Осетии и Ингушетии) и в регионально-субэтническом, лишь слегка идеологически окрашенном таджикском конфликте.

Однако наличие советских республик со своими системами власти и границами облегчило распад СССР. самого страшного потенциального конфликта — России с соседями из-за населенных русскими территорий в других республиках — удалось избежать. Кровавые межнациональные конфликты при распаде СССР по своим масштабам оказались не сопоставимы с войной всех против всех, разгоревшейся после 1917 г. и прекратившейся лишь с установлением коммунистической власти. «Крупнейшая геополитическая катастрофа», как охарактеризовал падение СССР В. Путин, произошла удивительно быстро и легко.

1.1. Пути трансформации

Процессы социально-политической трансформации в период распада СССР, революционные по своему значению, но относительно бескровные, в разных республиках проходили по-разному. В одних (Туркмения, Казахстан, Узбекистан) продолжали править бывшие партийные руководители и старая номенклатурная элита, сменившие без особых проблем идеологические «одежды» и затем благополучно приведшие свои страны от коммунистической к имитационно-демократической системе и к «клановому капитализму». Роль спонтанных антикоммунистических движений здесь была минимальна. В других события разворачивались более бурно и к власти пришли национал-демократические движения, что обусловило значительную вертикальную мобильность в политической сфере. Модели перехода от коммунизма к «посткоммунизму» были очень разными. Тем не менее все пятнадцать новообразовавшихся государств провозгласили одну и ту же цель — создание демократических обществ с рыночной экономикой.

Никакие иные цели и не могли быть провозглашены. В современном мире уже нет сколь-либо «серьезных», жизнеспособных идеологий, предлагающих альтернативную демократии социально-политическую модель и выдвигающих альтернативные демократическим способы легитимации власти (за очень сомнительным исключением исламского фундаментализма). В этом — принципиальное отличие ситуации 1991 г. от ситуации 1917 г., когда существовало множество различных — от протофашистских до анархистских — жизнеспособных идейных альтернатив демократии. Демократия стала восприниматься как современная общечеловеческая «норма» и апелляция к демократическим принципам приобрела всеобщий и «обязательный» характер¹. Апелляция

---

¹ Недемократические режимы, позиционирующие себя как альтернативы демократии, в современном мире представляют собой рудиментарные образования. Это или сохранившиеся в особо благоприятных условиях традиционалистские режимы Саудовской Аравии и некоторых других арабских монархий, Свазиленда, Бутана, недавно вышедшего из этого ряда Непала, или также рудиментарные коммунистические режимы Кубы, Северной Кореи. К ним можно отнести, при всех их экономических достижениях, также Вьетнам и КНР. И те, и другие могут какое-то время сохраняться, но не являются моделями для подражания (КНР может быть примером успешного экономического развития, но политическая система КНР не

к демократии тем более неизбежна в условиях борьбы с какой-либо существующей недемократической системой и низвержения этой системы.

При падении СССР на всем постсоветском пространстве лозунги демократии и «прав человека» были единственно возможным языком, которым пользовались все или практически все политические «акторы». И пользуются до сих пор. В заявленных и даже конституционно закрепленных принципах и целях мы не найдем больших (или вообще никаких) отличий между реальными демократиями и очевидно недемократическими режимами¹. Одну и ту же демократическую лексику используют Назарбаев²,

---

переносима на другую почву) и не способны расширять ареал своего распространения, который постоянно сжимается. Подавляющее большинство современных политических систем — это или реальные, или имитационные демократии. Открытые военные диктатуры представляются (и действительно являются) временными режимами, порожденными некими чрезвычайными обстоятельствами, и переходят или к реальным демократиям (армия уходит в казармы, и проводятся демократические выборы), или к демократиям имитационным (военный диктатор организует «управляемые» выборы и становится «всенародно избранным президентом»).

¹ Вот как конституционно определяют себя постсоветские государства (см.: «Конституции стран СНГ и Балтии». М., 1999): «Азербайджанское государство — демократическая правовая светская унитарная республика» (с. 25); «Республика Армения — суверенное демократическое социальное правовое государство» (с. 86); «Республика Беларусь — унитарное демократическое социальное правовое государство» (с. 118); «Формой политического устройства грузинского государства является демократическая республика» (с. 164); «Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы» (с. 102); «Кыргызская республика — суверенная унитарная демократическая республика...» (с. 246); «Республика Молдова — демократическое правовое государство» (с. 290); «Российская Федерация — Россия — есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» (с. 338); «Республика Таджикистан — суверенное демократическое правовое, светское и унитарное государство» (с. 384); «Туркменистан — демократическое правовое и светское государство» (с. 412); «Узбекистан — суверенная демократическая республика» (с. 440); «Украина есть суверенное демократическое социальное правовое государство» (с. 474); «Латвия есть независимая демократическая республика» (с. 534); «Литовское государство является независимой демократической республикой» (с. 554.); «Эстония — самостоятельная и независимая демократическая республика» (с. 600).

² «Наша цель — утверждение Казахстана в качестве демократического, светского, правового и социального государства, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы», «Демократию нельзя объявить, ее можно лишь выстрадать» (Казахстанская правда. 01.02.2003).

Лукашенко¹, азербайджанские президенты из династии Алиевых², Ислам Каримов³, Эмомали Рахмонов⁴, и даже гротескно авторитарный покойный С. Ниязов — Туркменбаши, ставивший себе золотые статуи и переименовавший месяцы года в честь себя и своих родителей⁵. Ни один из правителей стран СНГ никогда не пытался отрицать демократию и представлять свои режимы как альтернативу демократии⁶. Естественно, что если демократию при падении советской власти провозгласила даже Туркмения, то Россия, с ее более высоким уровнем развития и европейской культурной ориентацией, тем более не могла свергнуть коммунистический режим ни под какими иными лозунгами, кроме демократических, и не могла провозгласить при его свержении ничего иного, кроме демократии. И при всей ожесточенности политической борьбы в России, апеллировали к демократии и использовали (и используют до сих пор) «демократический язык» практи-

---

¹ «Сегодня именно в Беларуси положено начало самому демократическому процессу в мире...» (Лукашэнка А. 3 выступу перад членамі Верхняй палаты Нацыянальнага сходу, 10.06.1997 г.) <http://arche.bymedia.net/4-1999/cytatnik.html>.

² «Руководитель нашей республики, подробно рассказал об успешных результатах реформ, проводимых в Азербайджане, основывающихся на передовом опыте Европы, ...подчеркнул, что в нашей стране утверждены права человека, обеспечена свобода слова и печати, создана многопартийная система, и заявил, что демократические реформы будут продолжены и впредь». <http://library.aliyev-heritage.org/ru/4578573.html>.

³ Ислам Каримов: «Нашей целью является построение открытого правового демократического государства» (Независимая газета. 03.06.2002).

⁴ Э. Рахмонов: «Для Таджикистана главный вывод очевиден: будущее за демократией в государственных суверенных границах и за демократизацией международных политических и экономических отношений. ...Наш собственный опыт подтверждает, что сегодня нет таких стран и народов, которые не приемлют демократию или не готовы к ней. Ценности народов Азии — такие же, как и ценности народов Европы, Америки или Африки». <http://www.un.org/russian/ga/58/plenary/tajikistan.htm>.

⁵ «Мы хотим создать светское, демократическое государство с многоукладной эффективной экономикой, в котором будут гарантированы все права человека — свобода слова, совести, свобода передвижения, выбора места жительства и другие» (Ритм реформ мы должны определять сами (Интервью С. Ниязова) // Независимая газета. 20.10.1992).

⁶ Естественно, что оппозиция в этих странах (поскольку она есть) — это оппозиция президентскому авторитаризму и также выдвигает лозунги демократии (кроме, может быть, только наиболее радикальной части исламистской оппозиции в мусульманских государствах). Таким образом, в странах, где президенты правят с 1990 г. по сей день и где оппозиции или вообще нет, или она — в подполье и «полуподполье», мы не найдем идейных противников демократии ни во власти, ни среди ее оппонентов.

чески все¹ борющиеся и борющиеся в ней политические силы — «гэкачэписты»², лидеры «парламентской партии» 1993 г., назвавший созданную им фракцию «Коммунисты за демократию» А. Руцкой³, и Р. Хасбулатов⁴, коммунисты⁵ и, естественно, Б. Ельцин со своими сторонниками, именующий себя «единственным настоящим демократом» В. Путин⁶ и его преемник, еще больший демократ Д. Медведев⁷. А опросы общественного мнения регуляр-

---

¹ Прямо против демократии из крупных политических фигур иногда позволяет себе высказываться только Жириновский, но понять, за что он выступает, трудно, а партию свою он назвал «либерально-демократической», и на Учредительном съезде его партии в марте 1990 г. было провозглашено: «Главная цель ЛДПСС — построение деидеологизированного правового государства» // НЛО. 1990: опыт изучения недавней истории. Т. 2. № 84. 2007. С. 116. Настоящие «антидемократы» фашистского толка вроде РНЕ Баркашова — маргиналы.

² Из «Обращения ГКЧП к советскому народу»: «...Попирая только что появившиеся ростки демократии, возникли экстремистские силы... На глазах теряют вес и эффективность все демократические институты, созданные народным волеизъявлением... Мы выступаем за истинно демократические процессы, за последовательное проведение реформ...». <http://www.og.com.ua/st1050.php>.

³ «Сегодня проходит испытание на прочность молодая российская демократия, российский парламентаризм». Заявление и.о. президента Российской Федерации А. Руцкого. 23.09.1993 (*Руцкой А.* Кровавая осень. М., 1995. С. 62).

⁴ Из последней речи Р. Хасбулатова перед депутатами в уже осаждаемом здании парламента: «...Я хотел бы подчеркнуть нашу твердую приверженность подлинным демократическим реформам как в области политического переустройства государства, так и в сфере экономической жизни...» (*Хасбулатов Р.* Великая Российская трагедия. М., 1994. С. 335).

⁵ Г. Зюганов: «В торжестве цивилизованной демократии — предсказуемой и ответственной — заинтересованы сегодня все: правые и левые, западники и почвенники, консерваторы и либералы» (*Зюганов Г.* Уроки жизни. М., 1997. С. 370). Он же: «Я хочу, чтобы вы знали реальное положение в стране и понимали, что у вас остались последние защитники свободы слова, личности и прав человека. Больше в России защищать эти демократические ценности некому». <http://www.utro.ru/articles/2008/02/04/713819.shtml>.

⁶ В. Путин на вопрос: «Будем искать особый путь для России?» отвечает: «А искать ничего не надо, все уже найдено. Это — путь демократического развития» (*Путин В.* От первого лица. С. 155). Недавно, выступая на Валдайском форуме, он сказал: «Фундаментальные основы политической и экономической системы России полностью соответствуют мировым стандартам. Если мы возьмем политическую систему, то это выборность, реальная многопартийность». <http://www.rg.ru/2009/09/valday.html>.

⁷ В своей статье «Россия, вперед!» он даже предполагает, что в неопределенном будущем в России «партии и их коалиции будут формировать федеральные и региональные органы исполнительной власти (а не наоборот), выдвигать кандидатов на пост главы государства, руководителей регионов и местного самоуправления». http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml.

но показывают, что за демократию высказывается значительное большинство населения, а против нее — очевидное меньшинство, причем меньшинство, не имеющее никакой внятной артикулированной альтернативной идеи¹.

Но если все за демократию, почему же из всех провозгласивших одни и те же демократические цели и принципы постсоветских стран только страны Балтии с самого начала действительно пошли по демократическому пути? И почему развитие России и других стран пошло в очевидно не демократическом направлении?

1.2. Слишком трудный путь к демократии

Я не думаю, что можно говорить о «демагогии», «лицемерии», «лжи» и т.п. людей, провозглашавших демократию, но реально создававших имитационно-демократические авторитарные системы. Конечно, было бы наивно принимать слова о приверженности демократии за «чистую монету» и полагать, что говорящие приведенные выше демократические фразы Туркменбаши, Каримов, Назарбаев, Зюганов, гекачэписты, Ельцин и Путин действительно глубоко верили в демократию и стремились к ее построению. Но также наивно было бы полагать, что они сознательно «врали», думая про себя нечто прямо противоположное тому, что они говорят. И сознательная ложь, и глубокая убежденность встречаются редко, и между этими двумя полюсами существует громадная зона более или менее бездумного произнесения фраз, которые сейчас

---

¹ Так, по данным «Левада-центра», в 2008 г. 62% россиян считали, что России нужна демократия, а против демократии были только 20%. Разумеется, это не говорит о том, что 62% — действительно за демократию, ибо 13% из них считали, что это должна быть такая демократия, как в СССР, а 45% — «соответствующая национальным особенностям и специфике России». При этом под «соответствующей национальным особенностям и специфике России» демократией может пониматься нечто такое же далекое от демократии, как «социалистическая демократия». 60% включает в понятие демократии, прежде всего, «высокий уровень жизни населения», в то время как контроль над действиями власти — только 31%, разделение властей — 12%, отсутствие государственного контроля над СМИ — 8%. В 2008 г. на вопрос: «Что такое демократия?» наиболее часто выбиравшимся ответом (47%) оказался: «Экономическое процветание страны». Не удивительно, что 54% полагали, что в России происходит развитие демократии (см.: Общественное мнение — 2008. М., 2008. С. 22–24). Но хотя эти данные не говорят о реальном принятии демократических ценностей, они свидетельствуют об отсутствии артикулированных альтернатив демократии и всеобщем характере демократического «языка».

приняты и удобны. Человек не «врет», но и не слишком задумывается над смыслом этих фраз и над тем, какие выводы из них следуют — у него есть много других, более насущных объектов для размышлений¹.

В жизни и в истории мы на каждом шагу сталкиваемся с тем, что принятие, не только чисто словесное и бездумное, но даже вполне осознанное и искреннее, каких-то норм и принципов еще совершенно не означает следования им. Берущий взятку чиновник отнюдь не является «принципиальным сторонником взяток». Он даже может мечтать о честном обществе, где никаких взяток не будет. Просто ему нужны деньги, и когда ему предлагают взятку, ему трудно отказать. (Тем более, когда он живет в обществе, где все берут и дают взятки, и если он будет упорно отказываться от взяток, на него будут смотреть, как на чудака, и когда ясно, что никаких неприятностей из-за взяток у него не будет.) И дающий ему взятку предприниматель вполне может быть сторонником свободного регулируемого правом рынка, просто ему нужно сейчас добиться какой-то конкретной цели. И точно так же для того, чтобы создавать режим «безальтернативной» власти и делать невозможным приход к власти или даже существование оппозиции, правителю совсем не надо быть идейным противником демократии.

---

¹ Точно так же мы не можем принимать официальную риторику позднесоветской эпохи просто за «ложь». После падения КПСС и СССР перед сменившими идеологические одежды людьми встала проблема как-то объяснить для себя и других процесс такой смены. Есть две модели объяснения. Первая — модель «прозрения». Человек утверждает, что он искренне верил в то, что говорил до 1989–1991 гг., а где-то в этот временной промежуток «прозрел». Вторую можно назвать «моделью Штирлица» — человек утверждает, что давно все понимал и старался изнутри, притворяясь коммунистом, как-то вредить коммунистической системе. Но очевидно, что и та, и другая модель являются гротескным преувеличением и рационализацией процессов, происходящих в основном на бессознательном и полубессознательном уровне.

Коммунистические деятели, говорившие о преимуществах социализма, социалистической демократии, борьбе за мир и т.д., не «лгали», то есть не говорили то, в чем они были убеждены, что на самом деле это не так. Действительно понимали, что их слова не соответствуют реальности и что они — лгут, только немногие. Но то, что все это не было предметом реальной глубокой веры для подавляющего большинства из них, очевидно из той легкости, с какой они оставили коммунистическую идеологию и перешли к идеологии демократии и рынка. Эти речи как бы расположены в середине континуума между полюсами сознательной лжи и глубокой веры. То же самое можно сказать и о демократических речах лидеров постсоветской эпохи. Наверное, можно утверждать, что Ельцин, Путин, Назарбаев и др. стали такими же демократами, какими они были коммунистами.

В процессе перехода к демократии есть парадоксальный аспект — этот переход неотделим от поражения на выборах и утраты власти теми, кто пришел к власти с лозунгом демократии. Для установления демократии главное — не способность побеждать в борьбе за власть, а способность проигрывать и признавать свое поражение. Но терять власть никогда не хочется, и если есть возможность продлить ее, «чуть-чуть» нарушив конституционные нормы, не использовать такую возможность очень трудно.

Более того, такой правитель не только может быть сторонником демократии, но может быть даже искренне убежден (убедить себя), что все это он делает именно во имя демократии, чтобы не дать прийти к власти «безответственным демагогам», которые ее погубят. Вот что пишет Б. Ельцин о своем решении разогнать парламент: «Президент формально нарушает конституцию, идет на антидемократические меры, разгоняет парламент — ради того, чтобы демократия и законность утвердились в стране. Парламент защищает конституцию — для того, чтобы свергнуть законно избранного президента, установить советскую власть в ее полном объеме. Как же мы запутались в этих противоречиях!»¹. Я уверен, что, Ельцин действительно верил в то, что говорил, — что парламент он разгоняет для утверждения демократии, как и Путин верит в то, что он — «настоящий демократ», и даже Туркменбаши верил, что строит правовое государство. Авторитарные постсоветские системы создавались не постоянно лгущими властолюбивыми негодями и не тайными «сторонниками авторитаризма», а самими обычными людьми.

И как принятие правителем демократической идеологии и использование им демократической лексики еще не означает, что он не будет, при наличии такой возможности, стараться закрепиться у власти, нарушая демократические нормы, так и отсутствие в обществе идейных альтернатив демократии, всеобщий характер демократического «языка» отнюдь не означает, как мы это видим на громадном числе примеров, что это общество действительно может жить в условиях демократии. Для демократии нужно не просто принятие демократических лозунгов, даже искреннее, и не просто абстрактное желание «жить как во всех цивилизованных странах». Для нее нужна определенная психологическая и моральная база — готовность соблюдать общие конституционные «пра-

---

¹ Ельцин Б. Записки президента. М., 1994. С. 361.

вила игры» и подчиняться им не только, когда ты выигрываешь, что относительно просто, но и когда проигрываешь, что значительно труднее. А это предполагает высокий уровень морали, уважения к закону и терпимости. Прежде всего, конечно, у тех, кто оказался во власти. Но определенный уровень уважения к закону и терпимости необходим не только правителям. Если у противников правителя его нет, то у самого правителя искушение закрепиться во власти, естественно, растет, а его самооправдания при нарушении «правил игры» становятся правдоподобнее и сильнее. (Ясно, например, что Ельцину было бы значительно труднее найти в 1993 г. оправдания для себя и для других, если бы среди защитников парламента не было баркашовых и макашовых.) Правила должны приниматься всеми «участниками игры» и обществом в целом, которое должно «поощрять» их соблюдение и «наказывать» за отступление от них.

Развитие общества способствует постепенному складыванию необходимой для демократии культурной, психологической и моральной базы, что в разных странах может облегчаться или наоборот, усложняться особенностями их традиционных культур. Но кроме очень немногих западных стран, первыми, в силу особенностей своей культуры, пришедших к демократии, выработка этой необходимой базы везде — результат длительного и болезненного процесса. Установление и «укоренение» демократии практически никогда и нигде не достигались с первой попытки. Достаточно вспомнить, сколько времени занял путь от первой «заявки» на демократию до ее действительного «укоренения» даже таких являющихся сейчас образцами устойчивой демократии западноевропейских стран, как Франция, Германия и Италия, и через что им пришлось пройти на этом пути.

В наше время общий мировой «климат» неизмеримо более благоприятен для установления демократий, чем «климат» XIX или первой половины XX в. И какие-то элементы необходимой для демократии базы в республиках СССР были. Однако они были явно недостаточны. Из 15 провозгласивших при распаде СССР демократию бывших советских республик действительно сразу же перейти к реальным демократиям с ротацией у власти разных политических сил смогли только культурно наиболее близкие к Западной Европе протестантские Эстония и Латвия и католическая Литва, обладавшие к тому же опытом независимого развития и некоторым опытом демократического развития. И то, только

при отстранении в Эстонии и Латвии от политической жизни послевоенных инациональных мигрантов. Для большинства же постсоветских стран, не обладавших такой культурой и таким опытом, подобный переход был слишком труден. Слишком труден он был и для России.

1.3. Вариант прямого перехода России к демократии в 1991 г. «не просматривался»

Можно указать два фактора, в какой-то мере благоприятствовавших российской демократии.

Во-первых, это общая культурная ориентация на Запад, Европу. Сам физический тип русских, их, пусть не западное, но христианство, активное участие России с Петровских времен в европейской политике и в европейском культурном процессе заставляют их самих и представителей других народов рассматривать Россию как, может быть, своеобразную и периферийную, но все же часть европейского мира. В. Путин говорил: «...Мы часть западноевропейской культуры. И вот в этом наша ценность, на самом деле. Где бы ни жили наши люди — на Дальнем Востоке или на юге, мы — европейцы»¹.

Правда, российская европейская ориентация отличается от того непосредственного ощущения себя неотъемлемой и органичной частью западного мира, какое свойственно балтийским странам; в ней есть сильный элемент амбивалентности, и она легко переходит в противопоставление себя Западу². У русских нет культурно близких демократических народов, которые при попытке перехода к демократии могли бы выступать в роли моделей, как для Эстонии — Финляндия, и для Эстонии и для Латвии — Швеция, для Литвы — католические европейские страны. Тем не менее

---

¹ Путин В. От первого лица. М. 2000. С. 156. Д. Медведев говорит А. Меркель: «Мы тоже европейцы». <http://pskov.kp.ru/daily/24327/519963/>.

² Утверждение Путина, что «мы — европейцы» разделяется не большинством россиян. На вопрос: «Ощущаете ли вы себя европейцем? Чувствуете ли Вы свою принадлежность культуре и истории европейского общества?», «да» ответили в 1999 г. 30%, в 2008 г. — 32%, «нет» — 54 и 59% (Общественное мнение — 2008. Ежегодник. М., 2008. С. 150). Однако в Казахстане или Узбекистане сам вопрос был бы бессмысленным, и 30% — это все же большое меньшинство.

нее Запад в значительно большей степени выступал в роли «модели» для России, чем для постсоветских мусульманских стран¹.

Во-вторых, это относительно высокий культурный уровень российского общества, достигнутый за годы советской власти. В 1989 г. в России было 13% лиц с высшим и незаконченным высшим образованием. А в 2004 г. законченное высшее образование имели 21% лиц от 25 до 65 лет, что означает, что по этому показателю Россия — на одном уровне с Британией и Швецией и впереди не только всех развивающихся, но и многих развитых стран². Культурный уровень общества, несомненно, влияет на его способность воспринять демократию, хотя является лишь одним из многих разнонаправленных факторов.

Некоторая неопределенно европейская культурная ориентация и относительно высокий культурный уровень общества не могли не влиять на российский политический процесс. Несомненно, этими факторами объясняется относительная (по сравнению с азиатскими республиками СССР) сила западнически-демократического интеллигентского движения на рубеже 80-х и 90-х годов. Отсюда же — и ряд «стилистических» особенностей возникшего в России режима (прежде всего, большая, чем в азиатских республиках, забота о конституционной форме). Однако есть целый ряд более сильных культурных и психологических факторов, действовавших в противоположном направлении и делавших установление демократии в России в 1991 г. психологически и политически крайне трудным, если не просто невозможным.

Как у большинства народов бывшего СССР, у русского народа в его истории не было опыта избрания верховной власти на альтернативных выборах и почти никакого опыта демократии. При первой (или практически первой) попытке перехода к демократии какие-то элементы анархии и хаоса естественны и даже неизбежны, как естественно и возникновение страхов перед этим

---

¹ Запад как модель в какой-то мере присутствует в сознании всех народов. Но у неевропейских народов это — абстрактная, далекая модель. Правда, у мусульманских постсоветских стран есть культурно более близкая демократическая модель — Турция. Но турецкая демократия все же не такая развитая и стабильная, как европейские, и у мусульман есть альтернативные демократической турецкой арабские и иранская модели.

² См.: *Щербакова Е.М.* Тенденции образования в России (по итогам переписи 2002 г.) // Социологические исследования. 2006. № 11. С. 109. См. также: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0375/analit02.php>.

хаосом, ностальгии по «порядку» и искушение спокойно смотреть на отступление или просто отказ от демократии во имя этого «порядка». В той или иной мере это прослеживается в постсоветской истории всех бывших советских республик¹. Но исторический опыт русского народа в ряде аспектов породил стремление к «бегству от свободы» даже более сильное, чем у других советских народов, в том числе и народов с неевропейской культурой.

После татаро-монгольского завоевания русский народ никогда и никем не был завоеван (он сам завоевывал множество народов), и деспотические политические системы (самодержавная и затем советская), в рамках которых проходила фактически вся его история, были для него «своими», а не навязанными извне. Народы Балтии могли апеллировать к реальному демократическому прошлому («забывая» при этом, что демократии межвоенного периода у них пали все же не из-за советского завоевания, а в результате внутренней слабости и бегства от нее под защиту диктатур). Украинцы могли опираться на мифологически приукрашенную память о позднесредневековой полуанархической (и возможно, протодемократической) казацкой государственности, уничтоженной Россией, и Украинской Народной Республике периода Гражданской войны, опять-таки, уничтоженной большевиками. Азербайджанцы, армяне и грузины могли утверждать, что в период Гражданской войны на территории Российской империи они успешно строили демократию, и прервали это строительство опять-таки русские большевистские войска. Даже казахи и киргизы могли вспоминать о «кочевой демократии» и говорить, что «ханов у нас всегда выбирали». Все эти народы могли создавать мифологизированные, но более или менее правдоподобные версии истории, в которых сами они выступают в роли носителей протодемократических и демократических традиций, а деспотизм в их жизнь приносило русское завоевание. И хотя наличия таких мифологизированных версий истории явно не достаточно для пере-

---

¹ В Казахстане в 1998 г. был проведен опрос, результаты которого прекрасно иллюстрируют состояние постсоветских умов далеко не только в этой стране. Respondентам было предложено указать по списку ту общественно-политическую систему, которая могла бы решить основные проблемы казахстанского общества. 4,4% выбрали «коммунизм», 7,3 — «социализм», 5,9 — «капитализм», 2,3 — «ислам», 8,8 — «демократию западного типа» и 56,9% — «любую, лишь бы был порядок» (см.: *Дунаев В.* Конфликтующие структуры казахстанской модели межэтнической интеграции // Центральная Азия и Кавказ. 1999. №5(6). С. 14–15).

хода к демократии, они все же имели реальное психологическое и политическое значение, внушая некоторую уверенность в своих силах, в возможность и естественность демократического пути развития. Русские же не только практически не имели реального опыта демократии (средневековые новгородское и псковское «народоправства» были очень давно и присутствуют в массовом сознании — поскольку они вообще в нем присутствуют — скорее как примеры нежизнеспособного устройства и препятствия, преодоленные на пути создания «нормального» русского самодержавного государства), но и не могли создать мифологическую схему, аналогичную демократической мифологии, создаваемой другими народами, — и самодержавие было русским, и большевистская революция была русской.

Сторонникам «западной модели» в России на рубеже 80-х и 90-х годов было крайне трудно найти какую-то историческую опору демократии, какие-то присутствующие в народном сознании славные героические фигуры российского прошлого, которые можно было бы включить в «демократический пантеон», и они не могли обнаружить в своей истории никого лучше «авторитарных модернизаторов» Петра I и Столыпина. Больше, чем у других народов, демократия воспринималась у русских как нечто непривычное, не имеющее исторических прецедентов (даже полумифических), «чужое» и небывалое. Более того, она больше, чем у других народов, воспринималась и как нечто страшное, несущее в себе угрозы и опасности.

В русской истории были краткие периоды отсутствия деспотической власти, но память о них в народном сознании приобрела травматический характер. Период без прочной царской власти между пресечением династии Рюриковичей и воцарением Романовых остался в народной памяти как «Смутное время» анархии и хаоса, когда Россия оказалась на волосок от гибели и спаслась лишь восстановлением самодержавия при новой династии. И таким же, даже более страшным, «смутным временем», перешедшим в длительный период кровавого террора, обернулась для России неудачная и кратковременная попытка перехода к демократии в 1917 г. Травмы, нанесенные этими событиями, имеют совсем иной и более глубокий характер, чем травмы, нанесенные падением разного рода протодемократических или полудемократических государственных образований, уничтоженных российским завоеванием. Одно дело — демократия, уничтоженная извне, и совсем

другое — демократия, перешедшая в анархию, от которой народ сам бросился спасаться в авторитарном режиме.

Травматический опыт 1917 г. (и в какой-то мере «Смутного времени») довлел над российским сознанием эпохи перестройки и начала 90-х. Стремление к ликвидации старой коммунистической системы и к демократии сочеталось со страхом повторения 1917 г., перехода демократии в анархию и затем в кровавую диктатуру, создававшим общий психологический фон, на котором разворачивались события российской антикоммунистической революции 1990–1991 гг. Это время — пик демократических настроений. Но даже тогда, по данным опроса 1991 г., «порядок» как главную цель общества выбрали 57%, в то время как «предоставление народу больших возможностей влиять на решения властей» — 24%, борьбу с ростом цен — 14%, свободу слова — 2%. В 1989 г., с тем, что «ни в коем случае нельзя допускать, чтобы вся власть была отдана в руки одного человека» согласились 44%. Но и в этом году с утверждением, что «нашему народу постоянно нужна «сильная рука»», согласились 25%, а с тем, что она «нужна в определенных ситуациях, например, сейчас» — еще 16%. В 1989 г. свобода только забрезжила, а к 2008 г., после опыта постсоветского развития, согласных с первым утверждением стало всего 18%, со вторым — 29%, с третьим — 20%¹.

Поскольку коммунистическая система в России возникла в результате русской революции, а не была принесена на иностранных штыках, как в большинстве других коммунистических стран, и именно при этой системе Россия достигла небывалого могущества и стала ядром самой большой империи в мировой истории, векторы национализма и демократического антикоммунизма в России расходились. Если в других странах борьба с коммунизмом означала борьбу с подчинением ионациональному москов-

---

¹ Общественное мнение — 2008. Ежегодник. М., 2008. С. 28. Опросы показывают наличие большого слоя людей, считающих, что народ в России вообще не должен контролировать власть. Так, 67% опрошенных согласились с тем, что граждане России совершенно не могут или могут лишь «крайне незначительно» контролировать деятельность государственных органов, в то время как полагающих, что в странах Запада люди не могут или почти не могут контролировать власть, — только 23%. Но при этом 51% считают, что западная демократическая модель не подходит для России (там же. С. 148), и 76% — что свободы в стране достаточно или слишком много (там же. С. 88). С тем, что порядок важнее прав человека, в 1997 г. согласились 60%, в 2008 г. — 51%, с противоположным утверждением — 27% и 39% (там же. С. 102).

скому центру и за приобретение более высокого национального и государственного статуса, что, естественно, усиливало демократический антикоммунизм, придавало ему общенародный характер, то в России она объективно вела к прямо противоположным следствиям — сначала распаду объединенного вокруг Москвы «соцлагеря», затем распаду СССР, в котором русский народ официально был «старшим братом» других народов, и наконец, к обозначившейся угрозе отпадения от России инациональных окраин и чуть ли не распада самой России.

Очевидно, в значительной мере следствием того, что общественный протест против коммунистической системы не мог в России принять ни национально-русские, ни реально демократические формы, является своеобразный «материализм» русского сознания позднесоветского и постсоветского времени. Так, во всех опросах ВЦИОМ-«Левада-центра» с 1989 по 2008 г. в состоящем из 9 позиций списке того, «чего в первую очередь не хватает сегодня человеку в России», на первом месте с большим отрывом стоит «материальный достаток», который выбирали от 53 до 83% респондентов. Политические права выбирали от 2 до 13%, нравственность — от 11 до 24%¹. (Может быть, здесь сказывается и влияние семидесяти с гаком лет пропаганды марксизма, принявшего в народном сознании форму примитивного материализма — «главное — деньги, выгода, материальные интересы»). Лозунг эстонских митингов: «Мы готовы жить на картофельных очистках, лишь бы стать свободными!» в России был абсолютно не представим. Естественно, что доминирование в системе ценностей «материального благосостояния» и «порядка» — не лучший морально-психологический климат для перехода к демократии.

Еще одним фактором, делавшим переход к демократии в России 1991 г. крайне трудным и практически невероятным, была крайняя атомизация русского общества. Тоталитарная коммунистическая система почти исключала существование независимых от власти общественных структур, «гражданского общества» и способствовала атомизации всех обществ, в которых она господствовала. Но степень этой атомизации в России была особенно большой. В других республиках бывшего СССР существовали в какой-то мере заменяющие гражданское общество региональ-

---

¹ Общественное мнение — 2008. Ежегодник. М., 2008. С. 13.

ные (очень сильные в Украине) и кланово-племенные (в азиатских республиках) лояльности и общности¹. В России же в советский период власти удалось добиться колоссальной культурной однородности титульной нации, единой культуры от Владивостока до Калининграда. Не имея достаточно артикулированных идеологий, создающих близость между людьми и находящих организационное выражение, не имея привычки и навыков к созданию структур, отстаивающих общие интересы, разделенные громадными расстояниями, русские к тому же не имели и возможности опереться на поддержку «своих» по клановой или региональной принадлежности. Они могли искать защиту только у верховной власти, а от верховной власти защиты искать было негде.

Все это создавало психологические условия, препятствующие становлению демократии и благоприятствующие созданию имитационно демократического авторитарного режима. Если в обществе нет «серьезных» альтернативных демократии идеологий, но установление демократической системы для него предельно трудно, то имитация демократии, создание авторитарной системы, камуфлируемой в демократические одежды, становится для него самым естественным путем выхода из кризиса, в котором оно оказалось с распадом коммунистической системы.

То, какой индивидуальный вариант имитационно-демократической системы возникнет из революционного кризиса рубежа 80-х и 90-х годов, зависело от конкретного хода истории, от множества случайных и субъективных факторов. «Ельцинская» Россия, разумеется, не была единственно возможным исходом альтернативной ситуации этого времени. (Представим себе на минуту, как могла бы измениться история, если бы, например, упавший при так и не выясненных обстоятельствах в реку Ельцин, простудился и умер, или если бы среди гэкачэпистов нашелся бы кто-то, кто отдал бы приказ занять Белый дом, и т.д. и т.п.). Но среди этих возможных исходов альтернативной ситуации бы-

---

¹ Сильный региональный культурный плюрализм и, соответственно, сильные региональные лояльности в Украине, несомненно, создают мощные ограничения для авторитарных тенденций и способствуют созданию стабильных партийных структур (см.: *Фурман Д.* «Центры» и «периферии». (Политические системы трех восточнославянских республик) // *Свободная мысль.* 1998. № 6.). Роль такого рода лояльностей в странах Центральной Азии и Кавказа — не ясна и требует изучения. Однако несомненно, что в противостоянии власти индивид в этих странах значительно больше может рассчитывать на помощь «своих», чем в России.

ли очень вероятные, маловероятные и просто невероятные. Просто невероятным было возвращение к прежней коммунистической системе (даже в случае победы коммунистов). И также же невероятным или практически невероятным был прямой переход к реальной демократии по образцу центрально-европейских и балтийских стран. В борьбе могли победить разные силы, но практически все они несли схожую «генетическую информацию», предполагающую дальнейшее развитие какого-то индивидуального варианта (с теми или иными людьми во главе, теми или иными изначальными идеологическими оттенками, более или менее жизнеспособного) имитационно-демократического типа систем. Вариант непосредственного перехода к реальной демократии не «просматривается». Теоретически такую возможность исключать нельзя, но ее реализация требовала бы какой-то очень маловероятной комбинации случайных факторов, которую автор данной работы просто не может себе представить.

Реализовался один из возможных вариантов. Приход к власти в 1991 г. российского антикоммунистического демократического движения во главе с Б. Ельциным был зарождением данной индивидуальной имитационно-демократической системы, которая дальше развивалась по своей внутренней логике¹.

---

¹ Как в одной стране однотипные имитационно-демократические режимы могли возникнуть разными путями, так разными путями такие режимы возникали на постсоветском пространстве. Их создавали последние советские руководители, отрекшиеся от коммунистической идеологии и СССР, объявившие своей целью демократию и при этом так и не выпустившие из рук власть (Н. Назарбаев в Казахстане, И. Каримов в Узбекистане, С. Ниязов в Туркмении), или вернувшиеся к власти после переворотов, низвергнувших правителей — бывших диссидентов и лидеров национал-демократических движений (Э. Шеварднадзе в Грузии и Г. Алиев в Азербайджане), выходцы из номенклатурных низов председатели колхозов А. Лукашенко, пришедший к власти в Белоруссии после первой и последней белорусской ротации, и Э. Рахмонов, пришедший к власти в Таджикистане после гражданской войны.

Но «номенклатурное» происхождение руководителя и нереволюционное или «контрреволюционное» происхождение власти — отнюдь не обязательное условие становления таких режимов. В Киргизии аналогичный режим создавал академик А. Акаев, выдвинутый демократами-антикоммунистами как альтернатива прежним руководителям, и сам демократ и «западник». В Армении такого же типа режим устанавливал интеллеktуал и «полудиссидент» лидер национал-демократического движения Л. Тер-Петросян. Да и свергнутые в Азербайджане и Грузии лидеры — диссиденты З. Гамсахурдиа и А. Эльчибей, хотя не успели утвердить прочные режимы, но конструировали их все по той же схеме. Более того, пришедший к власти в результате свергнувшей имитационно-демократический режим Шеварднадзе

1.4. Сила и слабость демократического движения

Российское демократическое движение «Демократическая Россия» было одним из множества антикоммунистических демократических движений, которые породила горбачевская «перестройка» и которые возникли в этот период во всех, а пришли к власти во многих странах, входивших ранее в соцлагерь и СССР. И его лозунги (рынок и демократия), идеологическая структура (аморфная, без единой целостной идеологии и программы), социальный состав (основной «ударный отряд» — массовая интеллигенция, сосредоточенная в столице и крупных городских центрах), организационные особенности («движение», а не партия, создание которой в тоталитарном государстве было невозможно), методы борьбы (естественно, вначале внепарламентские, но мирные) были близки к тем, которые были у аналогичных движений в других советских республиках и странах «соцлагеря» и диктовались общими условиями разлагающихся и распадающихся коммунистических режимов. Схожа и эволюция этих движений. Все демократические движения в республиках СССР начинаются с лозунгов поддержки Горбачева и «политики партии, направленной на перестройку», и апелляции к «ленинским принципам» и т.п. И все они по мере того, как их участники преодолевают страх и начинают высказывать ранее затаенные мысли и чувства, переходят на радикально антикоммунистические позиции и набрасываются на ту самую горбачевскую власть, которая освободила их от страха.

Однако у российского движения были и значительные, хотя в то время отнюдь не бросающиеся в глаза, отличия от других аналогичных движений, связанные, прежде всего, с культурными и историческими особенностями России.

«революции роз» страстный «западник» М. Саакашвили идет (или пытается идти) по тому же пути, как по нему идет и пришедший к власти после «революции тюльпанов» в Киргизии К. Бакиев. Возникновение имитационно-демократического режима из победы демократического движения, таким образом — не уникально российский случай.

Наоборот, приход к власти в Молдавии на явно «контрреволюционной» волне коммунистов не привел к созданию имитационно-демократического режима. Идеологические различия (скорее надо вести речь об «идеологических нюансах», ибо о своей преданности демократии говорили совершенно одинаково как бывшие диссиденты, так и бывшие кагэбэшники) принципиальной роли не играли.

Единая культура одинаково проявляется и в «правых» и в «левых», и в националистах и в «западниках»-космополитах («русophobia» не менее национальна, чем «русophilia»). Российскому демократическому движению были свойственны общерусские культурные черты ничуть не менее, чем его противникам, его борьба за рынок и демократию приобретает ту же национальную окраску, что и борьба против них.

Слабость русской национальной демократической традиции, трудность апелляции во имя демократических идеалов к национальному прошлому, несовпадение демократически-антикоммунистического и националистического векторов и невозможность для демократов — западников и антикоммунистов — представлять себя как движение национального освобождения — все это и общекультурные характеристики российского общества, и характеристики демократического движения. Если аналогичные движения в Центральной Европе, странах Балтии и даже на Кавказе могли опираться на стихийное и естественное национальное чувство и претендовать на общенациональный характер (или даже реально быть общенациональными), российское движение не имело такой опоры. А с этим связан и ряд других психологических и идеологических характеристик.

Преувеличение анархических и антидемократических, тоталитарных потенций собственного народа в той или иной мере было свойственно всем российским социальным слоям и политическим течениям. Но интеллигентам-демократам страх, что народ, который в 1917 г. пошел за тоталитарной силой, может сделать это еще раз, был свойственен больше, чем кому-либо. Этому способствовал и этнический фактор. Официальный, хотя и камуфлируемый антисемитизм послевоенного СССР привел к тому, что в демократическом движении громадную роль играли евреи (в какой-то мере повторялась ситуация русских революций начала XX в.), страхи которых перед «темной антисемитской массой», естественно, были особенно велики (и также неоправданны, как надежды антисемитов поднять народ против евреев). Угроза «русского фашизма» систематически преувеличивалась демократами и крохотное ультранационалистическое общество «Память» в их сознании становилось страшной и зловещей угрозой. Массовый отъезд евреев и вообще едва ли не всех, кто мог, из России на Запад именно тогда, когда демократия, вроде бы, побеждала и победила, может быть объяснен лишь этими глубокими страхами

и глубоким неверием в то, что Россия может все-таки стать свободным обществом¹.

Для борьбы против горбачевского центра российские демократы очень удачно использовали стихийный русский национализм — пропаганда демократов изображала Россию «ущемленной» в СССР² и эксплуатируемой другими республиками. На встрече с общественностью в Уфе в августе 1990 г. Б. Ельцин говорит: «Россия подкармливает всех, Россия все время жертвовала. Россия все время отдавала... Мы не можем допустить, чтобы мы оплачивали другие государства, направляя помощь туда, да и другим республикам»³. Пропаганда таких идей, естественно, находила отклик в русском массовом сознании и обеспечивала поддержку «суверенизации» России. Но это было именно использование демократами глубоко чуждой им темной силы; союз западников-демократов и стихийного русского национализма не мог быть органичным и устойчивым. Демократы не могли стать «национальными», и их апелляции к национализму имели скорее демагогический характер. А стихийные националисты не могли проникнуться западнически-демократическими идеями и очень скоро осознали, что «попали в ловушку» и, поддерживая «сувере-

---

¹ Присутствие в демократическом движении большого числа евреев принципиально ничего не меняет, ибо участвуя в общественной жизни разных обществ, евреи, естественно, подчиняются их внутренней логике. В России евреи — российские, в США — американские, в Бухаре — бухарские. Основные характерные черты российского движения были бы такими же, даже если бы никаких евреев в нем не было. Но естественно, что у евреев такие черты, как страх русского национализма и тоталитарных потенций народа проявляются резче, отчетливее.

² В СССР Россия, действительно, не имела ряда «статусных атрибутов», которые были у других союзных республики — своего ЦК, Академии наук, творческих союзов. Объяснялось это именно тем, что СССР воспринимался как «большая Россия», продолжение России, и союзные ЦК и академии были «в основном русскими». Кроме того, любые возможные разногласия или даже просто несогласованности между союзной и российской властью были бы неизмеримо более опасны, чем трения между союзной властью и властью любой другой республики. Но для стихийного русского национализма, естественно, это были признаки неполноправия и угнетения русского народа. Одним из парадоксов ситуации конца СССР является то, что русские националисты и коммунистические ортодоксы, «красно-коричневые», недовольные либеральными горбачевскими реформами, борются за усиление российских институтов, объективно оказываясь союзниками демократов, группировавшихся вокруг Ельцина, и способствуя разрушению союзного государства. Создание ортодоксальной российской компартии было не меньшим ударом по горбачевскому центру, чем создание российской президентства.

³ Союз можно было сохранить. Белая книга. М., 2007. С. 165.

низацию» России, объективно способствовали разрушению «империи», где русские все же были главным народом¹. Органического синтеза национализма и демократического антикоммунизма, как в других странах, в России не было и быть не могло.

Характерный для русского сознания страх перед собственным народом находил в российском демократическом движении и другие проявления. Объективно «демократы» были революционерами, но революционерами очень своеобразными, больше всего боявшимися народной стихии и народной революции. Еще в 1969 г. диссидент А. Амальрик писал, выражая отнюдь не только свои личные мысли и страхи: «В случае ослабления режима недовольство масс будет иметь ужасные последствия. Ужасы русской революции 1905–1907 и 1917–1920 гг. тогда покажутся просто идиллическими картинками»². Характерно, что хотя фактически в 1991 г. в России происходит революция, этого «страшного» слова тщательно избегали. Позже Ельцин (или его «теневые» соавторы) писал: «То, что мы обозначаем громоздкими словами «перестройка» или «рыночные реформы», в западной печати называется просто и ясно: демократическая революция. У нас же такое определение переходного периода совершенно не прижилось. Объяснение этому феномену одновременно и простое и сложное: Россия устала от революций. Устала даже от самого слова... Мы против революций. Наелись ими в XX веке»³. А слово «большевизм»,

¹ Первый раз идея выхода России из СССР прозвучала в мае 1989 г. на съезде народных депутатов в выступлении русского националиста писателя В. Распутина, который использовал ее как демагогический прием в полемике с балтийскими депутатами: «Здесь, на съезде, хорошо заметна активность прибалтийских депутатов, добивающихся внесения в Конституцию поправок, которые позволили бы им распрощаться с этой страной. Не мне давать в таких случаях советы. Вы согласно закону и совести распорядитесь сами своей судьбой. Но, может быть, России выйти из состава Союза, если во всех своих бедах вы обвиняете ее и если ее слаборазвитость и неуклюжесть отягощают ваши прогрессивные устремления? Это помогло бы и нам решить многие проблемы». Т. и В. Соловей пишут: «По иронии истории Советский Союз был разрушен именно тем оружием, которым националисты пытались его укрепить... Демократы умело ассимилировали националистическую по своему происхождению доктрину российского суверенитета...» (Соловей Т., Соловей В. Несостоявшаяся революция. С. 271. См. также: Фурман Д. Великое русское государство — идея-ловушка // Свободная мысль. 1992. № 1).

² Цит. по: Гайдар Е. Государство и эволюция. М., 1995. С. 138.

³ Ельцин Б. Президентский марафон. М., 2000. С. 238. При всей очевидном «своекорыстии» этих рассуждений человека, который сначала был во главе революции, а, придя к власти, стал ярким противником революций, в целом оно пра-

означающее на языке того времени радикализм, революционность, становится самым популярным обвинением (причем особенно в устах стремящейся сохранить свои позиции элиты общества, созданного этим самым большевизмом). Демократы изображали, и не только демагогически, но и искренне веря в это, свой приход к власти не как революцию, а как альтернативу какой-то другой, страшной революции, пресловутому «русскому бунту, бессмысленному и беспощадному», который так и не состоялся, но все время мерещился. Е. Боннэр пишет в апреле 1991 г.: «Мы ...до смерти боимся смолоду впитанного ...не дай нам Бог увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный»¹.

Этот порожденный не современной реальностью (антикоммунистическая революция в России прошла практически бескровно, никаких кровавых бунтов не было и в помине, и если бы пришедшие к власти демократы не расстреляли защитников Белого дома в 1993 г. и не пошли на войну в Чечне, пролития крови вообще можно бы было избежать), а исторической памятью и культурой страх собственного народа и его разрушительных потенций играл очень сложную роль. С одной стороны, он, несомненно, удерживал от революционного насилия, и Е. Гайдар совершенно прав, называя его «профилактическим ужасом» и говоря, что «когда интеллигенты начала века жали на «газ», их внуки спешили нажать на «тормоза»². Но с другой стороны, он же порождал стремление ограничить народ, подавить его разрушительные тенденции, силой заставить его выбрать «правильный путь» и одновременно спастись от него под сенью авторитаризма. Тем более, если этот авторитаризм «свой», а ельцинский авторитаризм воспринимался демократами-западниками как «свой».

Выше уже говорилось о своеобразном «материализме» русского массового сознания, доминировании в нем экономических ценностей. В идеологии русского демократического движения это проявлялось в особенно большом месте, которое занимала в нем «рыночная мифология», идея, что переход к рынку и частной собственности быстро приведет к всеобщему материальному благосостоянию и что в связке «рынок-демократия» рынок, несомненно, является

вильно отражает особенности русского массового сознания. После о том, что «...лимит на революции и гражданские распри Россия исчерпала в прошлом веке...» — говорил Путин.

¹ Русская мысль. 12.04.91.

² Гайдар Е. Государство и эволюция. М., 1995. С. 138.

основой, необходимым «базисом», из которого демократия как бы вырастает сама собой¹. Эта идея давала идеологическую санкцию для «временного» (ради конечного торжества демократии) использования неправых и недемократических методов внедрения рынка. Поскольку рынок и частная собственность создают основу демократии, недемократический переход к ним не воспринимался как противоречащий демократическим убеждениям. «Рыночный романтизм» порождал тенденцию к романтизации «прорыночных» диктатур, специфическую именно для российских демократов популярность таких, безусловно, не демократических, но «прорыночных» исторических фигур, как Пиночет и Столыпин, и создавал возможность санкционирования и авторитаризма, и проводимой авторитарной властью «грабительской приватизации».

В этих особенностях российской демократической идеологии, несомненно, проявлялись как сформированная всей российской историей авторитарная психология, свойственная и российским демократам-западникам, так и своеобразное, не осознаваемое самими демократами, влияние марксистского экономического детерминизма. Если о влиянии марксизма на «материализм» народных масс мы можем говорить лишь в порядке предположения, то его влияние на интеллигентов — идеологов-демократов, долго штудировавших марксистские тексты и ставших затем яростными антикоммунистами, несомненно. Чем радикальнее отрицается идеология, меняются местами негатив и позитив в идеологическом нарративе, тем легче сохраняется ее структура. Экономический детерминизм присутствовал в идеологии демократов как бы с «перевернутыми знаками» — общественная собственность мыслилась как источник всякого зла, для разрушения которого хороши едва ли не все средства, а частная, наоборот, как источник всего хорошего, для создания которого, опять-таки, хороши едва ли не все средства². В сознании российских демократов их победа

---

¹ В соответствии с этим для российского демократического движения характерны колоссальная роль экономической антисоциалистической публицистики и роль самих экономистов (Гайдар, Явлинский). В других странах, где больше играли роль идеи национального возрождения, на первый план выходят гуманитарии и представители творческой интеллигенции: в Литве музыковед Ландсбергис, в Таджикистане кинорежиссер Худоназаров, в Узбекистане поэт Солих. Кавказ же в этот период — «царство филологов» (Эльчибей в Азербайджане, Тер-Петросян в Армении, Гамсахурдия в Грузии, Ардзинба в Абхазии).

² См. подробнее: *Фурман Д.* «Перевернутый истмат»? (От идеологии перестройки к идеологии «строительства капитализма в России»). Свободная мысль. 1995. № 3.

была неотделима от победы демократии. Простая и очевидная мысль, что демократия утверждается не с победой какой-то одной, пусть самой демократической партии, а с ее последующим поражением, с победой оппозиции, утверждающей значение общих для всех участников политического процесса «правил игры», в умах демократов просто отсутствовала.

Все это — малозаметные тогда «нюансы», которые составляли своеобразие российского демократического движения и делали его в идейном и моральном отношении значительно слабее своих центральноевропейских и балтийских аналогов, видевших себя (и действительно являвшихся) общенациональными движениями, совершенно не боявшихся своих народных масс и апеллировавших скорее к нематериальным ценностям национальной и личной свободы, чем к обещаниям богатой жизни, «как на Западе». И эта относительная идейная и моральная слабость естественно сочеталась с авторитарными тенденциями — темную народную массу надо держать в узде и железной рукой загнать в рынок, который станет основой демократии. С «перевернутыми знаками» и в очень смягченном виде восстанавливалась идеологическая схема революции 1917 г. (затем, после победы демократов, это сходство идеологических схем приведет к сходству их политических следствий).

С идейной и моральной слабостью российского демократического движения связана и его относительная «физическая», численная и электоральная слабость — это две стороны одного и того же. Российское демократическое антикоммунистическое движение даже на самом пике своего влияния не было не только общенародным, но и движением большинства¹.

Такой «рыночный романтизм» был свойственен не только российским демократам, но и находившимся под их влиянием демократам в некоторых других постсоветских странах. А. Кажегельдин, одно время премьер Казахстана, затем прогнанный Назарбаевым и ставший противником назарбаевского авторитаризма (как в России отставленный Путиным М. Касьянов стал противником авторитаризма путинского), пишет: «Я и мои коллеги реформаторы думали, что если будет рынок, то будет и демократия» (*Кажегельдин А.* Оппозиция средневековой. Лондон—Москва, 2002. С. 247).

¹ На пике популярности демократического движения на 1-м и 2-м съездах народных депутатов России в 1990 г. в списке «Демократической России» было около 20% депутатов, а голосовали за предложения «демороссов» не менее, чем в 2/3 случаев — 44%. После этого число депутатов-демократов только уменьшалось — все больше депутатов переходили на иные позиции (см.: *Шейнис В.* Взлет и падение парламента. М., 2005. Т. 1. С. 281—283).

Это было движение активного и сильного меньшинства. В той или иной степени и форме в нем участвовали большинство представителей интеллигентской элиты, а массовую базу его составляла «низовая» интеллигенция, сосредоточенная в крупных «стратегически важных» городских центрах, прежде всего — Москве и Ленинграде. Естественно, что в революционный период позиция населения столицы играет особенно большую роль и значит больше, чем позиция большинства народа, как это особенно четко видно из французской истории. Московская «интеллигентская» толпа могла оказывать на расположенные в Москве органы власти значительно большее давление, чем численно преобладающая, но далекая периферия.

Это социально-активное меньшинство с более или менее определенной антикоммунистической и западнически-демократической идеологией могло опираться на идеологически неоформленное, неопределенное социальное недовольство широких народных масс. Настроения и установки этих масс, однако, были очень далеки от западничества и культа рынка российских демократов. Все опросы на протяжении позднесоветского и постсоветского периодов демонстрируют приверженность большинства населения социалистической системе социальных гарантий и эгалитаризму и отвержение «полномасштабного» капитализма¹. Но демократы могли использовать социальный протест народных масс против номенклатурной элиты, их растущее недовольство либеральным горбачевским центром и даже их стихийный русский национализм, который они стремились канализировать в антисоюзное русло.

Демократическое движение могло также находить поддержку у части правящей советской номенклатурной элиты, которая ут-

---

¹ Даже в теперешнее время, когда люди уже привыкли к капитализму, в апреле 2008 г. 41% опрошенных считали, что «все крупные предприятия должны принадлежать государству», 53% считают, что государству должны принадлежать «самые важные для страны предприятия», и только 2% — что все предприятия должны быть в частных руках. Ни в одном из 19 опросов, выполненных ВЦИОМом и «Левада-центром» с 1997 по 2008 г., число сторонников капитализма не превышало число сторонников социализма (Общественное мнение — 2008. М., 2008. С. 32–33). На вопрос: «Какую экономическую систему Вы хотели бы видеть в России?» ответ «рыночная экономика» в 2003 г. выбрали 16%, в 2006 г. — 17, «смешанная» — 45 и 44, «плановая» — 20 и 25% (Общественное мнение — 2006. Ежегодник. М., 2006. С. 38). Создается впечатление, что неартикулированным социально-экономическим идеалом народного большинства в России является что-то вроде НЭПа.

ратила веру в коммунистическую идеологию, стремилась избавиться от пут партийной дисциплины и завидовала западной элите. Демократическая антикоммунистическая идеология занимала очень прочные позиции в формально коммунистической властной верхушке, включая ЦК и Политбюро. Вполне готовая отказаться от коммунистической идеологии и от СССР (естественно, при условии сохранения своего социального положения) номенклатура «поставила» российскому демократическому движению и его лидера — «мятежного» члена Политбюро Б. Ельцина¹.

Роль Ельцина, которого Б. Клинтон, не знавший, как это звучит для русских, читавших Ильфа и Петрова, назвал «отцом русской демократии», в победе российских демократов и появлении нового российского государства, действительно, колоссальна. Его ближайший в это время советник (впоследствии им отставленный) Г. Бурбулис говорил: «Личность Ельцина была хорошим «мостиком» между прошлой и создаваемой системами. Его опыт волевой публичной политики, желание и умение всячески эксплуатировать вождистки-лидерский тип власти оказались крайне востребованными»². Ельцин был человеком с очень смутными, аморфными и лабильными идеологическими установками (он с поразительной даже для того времени быстротой прошел за один-два года путь от ортодоксального коммуниста-«ленинца»³ до яростного антиком-

---

¹ Российская революция 1991 г. занимает как бы промежуточное место между антикоммунистическими революциями в центральнойвропейских странах и странах Балтии и теми процессами, которые произошли в этот период в центральноазиатских Казахстане, Узбекистане и Туркменистане. Это была не победа общенародного движения, но и не трансформация «сверху». И вряд ли случайно, что и Ельцин занимает как бы среднее место между ставшими первыми президентами своих стран их бывшими советскими руководителями, вроде Назарбаева, и революционерами-диссидентами типа Валенсы или Ландсбергиса. Это — бывший член Политбюро, но «мятежный».

² Бурбулис Г. Профессия — политик. М., 1999. С. 196.

³ М. Горбачев вспоминает: «Он вплоть до 1991 г. оставался коммунистом-ленинцем. Уже став председателем Верховного совета России, в одну из ленинских годовщин писал мне приветственную бумагу и призывал следовать заветам Ленина» (Неоконченная история. Три цвета времени. Беседы М.С. Горбачева с политологом Б.Ф. Славиным. М., 2005. С. 53).

Выступления Ельцина на Политбюро отличаются даже несколько большей ортодоксальностью, чем других членов. Так, в январе 1987 г. он возражал против использования в докладе ЦК термина «производственная демократия», ибо «это не ленинская позиция, а Бухарина и Троцкого» (В Политбюро ЦК КПСС. По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова. М., 2006. С. 130).

муниста, демократа и рыночника), но с сильнейшей волей к власти и готовностью использовать в борьбе за нее любые выигрышные лозунги, в какой-то мере, очевидно, веря в них. «Не оценивших» и унизивших его Горбачева и партийное руководство¹ он возненавидел, и его политическая деятельность в громадной мере приобрела характер личной «вендетты».

Ельцин и демократы «нашли друг друга». Ельцин в лице демократов приобрел готовую «армию» преданных сторонников, а демократы — вождя, психологически понятного и широким народным массам, которым импонировали его «решительность», грубость, авторитарный стиль поведения, и номенклатурной элите, которая в специфических условиях советской социальной мобильности была значительно ближе к «простому народу», чем к интеллигентскому «среднему слою». Своей «народностью» и психологической близостью к партаппарату Ельцин смягчал страхи перед революцией и «прыжком в неизвестность». Появление такого лидера в громадной мере усилило демократическое движение, позволило ему выйти за пределы относительно узкого интеллигентского слоя. Представить себе победу демократов без Ельцина очень трудно.

Сильное демократическое меньшинство имело еще более сильных союзников вне России. Сосредоточение демократов на борьбе с союзным центром сделало их союзниками все сепаратистские силы и движения в других республиках СССР. Союзником вне СССР были и страны Запада, которые хотя в это время и опасались распада СССР и скорее поддерживали Горбачева,

---

¹ При том что о конфликте Ельцина с Лигачевым и Горбачевым, выплеснувшимся в выступлении Ельцина на пленуме ЦК 21 октября 1987 г. и превратившим его в изгнанного из высшего руководства оппозиционера, писали и Горбачев и Ельцин, понять его основу и тем более найти в нем идейную составляющую очень трудно. Создается ощущение, что мотивы конфликта были скорее личные и психологические. Речь Ельцина на пленуме ЦК, приведшая к его падению, производит совершенно невразумительное впечатление, и ельцинские соратники позже сочинили и распространяли апокрифическую речь с более или менее ясным критическим содержанием. Но изгнание Ельцина сразу выдвинуло его в народном сознании на роль «народного заступника», что в тех условиях открывало большие политические перспективы, а демократическое движение и идеология дали ему идейное обоснование его действий.

Тем не менее, позже сам Ельцин писал о своих встречах с Валенсой и Гавелом: «Нас объединяет и то, что впервые на мировую политическую арену так смело шагнули бывшие диссиденты. Гонимые» (*Ельцин Б. Записки президента. С. 179*).

но относились к «демократам» с симпатией и «пониманием», боялись коммунистической и националистически-имперской реакции в России и формировали свои представления о российских процессах в основном из информации, идущей от интеллигентов-«западников», которые нахлынули в это время на Запад и выражали свои взгляды на бесчисленных встречах и конференциях.

Демократы, таким образом, представляли собой сильное меньшинство с очень «удачным» лидером и с мощными «попутчиками» и союзниками и внутри, и вне России. Этому активному и сильному меньшинству противостояли разрозненные и деморализованные силы и атомизированное, растерянное, не знающее, чего оно хочет, большинство общества, которое утратило веру в старую идеологию и перестало ощущать власть горбачевского союзного центра психологически необходимой ему «сильной властью». Сильное и активное меньшинство с удачным лидером вполне могло завоевать власть, как это было в 1917 г. и как это действительно произошло и в 1991 г. Однако оно «по определению» не могло прийти к власти и тем более прочно закрепиться у власти демократическим путем.

Хотя среди избранных 4 марта 1990 г. народных депутатов РСФСР сторонников «Демократической России» — только около 20%, 28 мая 1990 г. демократам удается одержать первую крупную победу — с третьей попытки большинством в 4 голоса из более тысячи голосовавших депутатов Б. Ельцин избирается Председателем Верховного Совета РСФСР. Свидетель и участник этих событий В. Шейнис пишет: «Ельцин был избран в результате сочетания митинга, оркестрированного демократами, и закулисных соглашений, в соответствии с которыми была обещана «раздача слонов» после победы»¹. В мемуарах Ельцина «Записки президента» есть такое яркое воспоминание. Только что избранный Ельцин входит в свой новый кабинет. «...Весь этот блеск и комфорт меня как-то приятно кольнули. “Ну и что дальше? — подумал я. — Ведь мы не просто кабинет, целую Россию отхватили. И сам испугался этой крамольной мысли”»².

---

¹ Шейнис В. Взлет и падение парламента. Т. 1. С. 306.

² Ельцин Б. Записки президента. М., 1994. С. 33.

До этого момента демократы во властных структурах присутствовали только в качестве активного, но несомненного меньшинства народных депутатов СССР, где они могли выступать как оппозиция большинству съезда и как группа давления на Горбачева, и как большое, но все-таки тоже меньшинство депутатов РСФСР. Теперь они завоевывают властную позицию, с которой могут вести борьбу за власть с союзным центром. Ельцин и демократы постепенно нащупывают путь, ведущий их к победе и реальной власти, — это путь «суверенизации» России и разрушения СССР. Наиболее радикальные и идеалистические их представители прямо призывают к ликвидации союзного государства. Е. Боннэр пишет: «Сломать тоталитарную коммунистическую империю может только образование на ее месте независимых государств»¹, «единственный путь, который дает возможность сломать имперское тоталитарное государство, — это становление на его месте многих государств. 15-ти, 20-ти, 50-ти»². «Ответственное» руководство демократов не решается так говорить и даже пока не решается так думать. Р. Хасбулатов пишет за 9 месяцев до беловежских соглашений: «Всякие разговоры о том, что Россия делает какие-то попытки сепарироваться — наглая лож. Мы объективно «за» Союз, причем это не зависит ни от Ельцина, ни от Хасбулатова. Любой другой политик, который будет руководить Россией, скажет: да, я за Союз!»³ Но логика борьбы за власть с горбачевским руководством толкает их в этом направлении, где они встречают поддержку сепаратистов в других республиках и стихийного русского национализма.

12 июня 1990 г. съезд народных депутатов принимает Декларацию о государственном суверенитете России (за — 907 голосов, против — 13, воздержались — 9), провозглашавшую верховенство российских законов над союзными. (Позже этот день будет объявлен государственным праздником и первое время будет называться «День независимости России», а затем просто «Днем России» — то, что Россия стала независимой в 1991 г., выглядело уж слишком нелепо.) Прimitивный российский патриотизм массы депутатов и их стремление получить более высокий статус и власть оказались неспособными сопротивляться искушению «суверенизации», тем бо-

---

¹ Пейзаж после битвы. Русская мысль. 15.03.1991. С. 1, 6.

² Куранты. 12.05.1991.

³ Смена. 14.03.1991.

лее что к этому времени ряд республик уже приняли такие декларации, и Россия не может быть «хуже». Коммунисты, 20 июня создавшие КП РСФСР, и «патриоты» идут за «демократами», помогая Ельцину и его окружению в разрушении союзного государства. Съезды народных депутатов и Верховный совет России начинают один за другим принимать законы и постановления, направленные на перераспределение власти от союзного руководства к российскому. Российское правительство И. Силаева занялось в основном переподчинением России союзных предприятий. Начинается необратимый процесс распада СССР, который мог быть приостановлен только силовым путем, на что горбачевский центр не идет.

17 марта 1991 г. по инициативе М. Горбачева проходит общесоюзный референдум о судьбе СССР. В России за сохранение союзного государства высказались 71,3% участвовавших в голосовании. «Нет» ответили 26,4%. Это довольно большая цифра, чуть меньше украинской (28%) и больше, чем во всех других республиках, где референдум состоялся (наиболее далеко ушедшие в сепаратизме республики Балтии, Армения, Грузия и Молдавия его не проводили). Но ее нельзя воспринимать буквально — такое голосование было, прежде всего, выражением протеста против Горбачева, его стиля и его политики, о реальной ликвидации СССР речи еще не шло. Но одновременно с этим по инициативе российского съезда в бюллетени был включен и другой вопрос — о введении поста российского президента, и за это высказались 71,38%. Громадное число людей проголосовали одновременно и за сохранение СССР и за российское президентство, делавшее это сохранение практически невозможным.

12 июня 1991 г. всенародным голосованием Б. Ельцин избирается президентом в первом же туре, получив 57,3% голосов. Вице-президентом в последний момент Б. Ельцин «подбирает» для себя героя афганской войны и лидера депутатской фракции «Коммунисты за демократию» А. Руцкого. Эти проходившие еще при советской власти выборы были неизмеримо более свободными и честными, чем все президентские выборы после победы демократов, и избрание Б. Ельцина президентом — ситуация, наиболее близкая к демократической ротации власти во всей русской истории. Тем не менее это все же не был конституционный демократический приход оппозиции к власти.

Голосовавшие за Ельцина в большинстве своем совершенно не представляли его программу (да никакой внятной программы

у обещавшего всем все Ельцина и не было¹, а о ликвидации СССР он, скорее всего, еще и сам не думал). Но главное — голосование за него не было голосованием за реальную верховную власть, принадлежавшую в тот момент (и самое важное — воспринимавшуюся как принадлежащую) М. Горбачеву. Б. Ельцин был избран не как глава государства, а скорее как главный оппонент главе государства, который в то время начал казаться слишком мягким и нерешительным и сторонникам реформ, и сторонникам «порядка». Как оппонент главе государства, защищенный народным избранием, придавшим ему легитимный статус, но не предоставившим ему реальную верховную власть². Практически никому из голосовавших в то время за Ельцина, как, очевидно, и ему самому, не могло прийти в голову, что уже в течение этого же 1991 г. СССР распадется, и он станет полновластным президентом независимой России.

Избрание Ельцина еще не принесло ему и демократам реальной верховной власти. Пока существовала союзная власть, власть Ельцина в России могла быть только неполной и непрочной. Для реальной власти нужна была ликвидация СССР. Однако борьба российской власти за уничтожение СССР конституционным

---

¹ Ельцин в этот период не скупился на обещания: «Переходный период будет... год, год с небольшим. В этот период... перехода к рынку не будет снижен жизненный уровень людей. Третий год — повышение! Поддержите нас эти два-три года» (Союз можно было сохранить. Белая книга. М., 2007. С. 166). Значительное место в эклектическом наборе ельцинских лозунгов играл эгалитаристский и созвучный настроениям народных масс, отражающий их социальный протест лозунг «борьбы с привилегиями номенклатуры». «...Пока мы живем так бедно и убого, я не могу есть осетрину и заедать ее черной икрой, не могу мчать на машине, минуя семафоры и шарахающиеся автомобили, не могу глотать импортные суперлекарства, зная, что у соседки нет аспирина для ребенка. Потому что мне стыдно». (*Ельцин Б.* Исповедь на заданную тему. Л.: Час пик, 1990. С. 126). «...Если чего-то не хватает у нас, в социалистическом обществе, то нехватку должен ощущать в равной степени каждый без исключения» (там же. С. 169).

Один из многих парадоксов российской революции 1991 г. заключается в том, что в результате прихода к власти Ельцина и демократов номенклатура, в большинстве своем превратившаяся в ходе приватизации в новую буржуазию и бюрократию, необычайно разбогатела, разрыв между уровнем жизни верхов и низов общества достиг размеров, невообразимых в советскую эпоху и резко превышающих западные, а привлеченные лозунгом «борьбы с привилегиями» массы обнищали. О том, как быстро Ельцин перестал стыдиться есть икру, говорить не приходится.

² Значение голосования за Ельцина психологически было близко к значению голосования за либерал-демократов Жириновского и коммунистов на выборах в Думу при президентстве Ельцина. В обоих случаях выбирались оппоненты власти, а не власть. Ни Думы в постсоветский период, ни российские власти в 1991 г. не воспринимались как «настоящие» власти.

и демократическим путем была практически исключена. Никакого «народного мандата» на ликвидацию СССР российское общество не дало и дать не могло.

Громадную помощь Ельцину и демократам оказал провалившийся августовский «путч» ГКЧП — робкая, нерешительная и запоздавшая попытка приостановить даже не силой, а ее демонстрацией, процесс распада союзного государства. Провал путча привел к приостановке деятельности, а затем и запрету скрепляющей союзное государство КПСС (в 1993 г. на базе КПСС была создана КПрФ) и крайнему ослаблению власти горбачевского руководства и дал «зеленый свет» сепаратистским стремлениям союзных республик и захвату ими у союзного центра «явочным порядком» все новых и новых функций. Союзное руководство остается без денег — 16 октября Россия заявляет о прекращении финансирования союзных органов. Ельцин наслаждается унижением и бессилием своего врага, играя с ним, как кошка с мышкой — то что-то обещая, то отказываясь от этого. Символом возвышения Ельцина (и одновременно символом начавшейся полуосознанной переориентации российской власти на традиционные символы и ценности) становится перенос его резиденции в Кремль, где с тех пор до ухода Горбачева располагались резиденции сразу двух президентов. Ельцин позже пишет об этом решении: «Идея переехать в Кремль стала для многих из моего окружения достаточно неожиданной... Однако, взвесив все «за» и «против», я все-таки принял это решение... Если говорить грубо: чтобы выбить человека из Кремля — для этого нужен как минимум новый ГКЧП. Кремль — символ устойчивости, долготы и прочности проводимой политической линии»¹.

Власть стремительно «утекает» от Горбачева и союзного центра. Этот процесс завершился 8 декабря 1991 г. беловежским соглашением руководителей России, Украины и Белоруссии о ликвидации СССР и создании «Содружества независимых государств». Другие республики поставили перед совершившимся фактом, и 21 декабря в Алма-Ате большинство из них присоединились к соглашениям.

Российское общество не только не дало «мандата» на эти соглашения, но и не было подготовлено к ним. О предстоящем акте не знали, очевидно, даже сменивший Ельцина после его избрания президентом на посту Председателя Верховного Совета Р. Хасбу-

---

¹ Ельцин Б. Записки президента. С. 161–162.

латов и вице-президент А. Руцкой. Более того, очевидно, сама идея такого «ропуска» СССР возникла у Ельцина и его соратников очень поздно. После августовского путча ГКЧП Ельцин явно намеревался сохранить Союз, как-то «переформатировав» его и поставив российскую власть на место центра и себя на место Горбачева. До самого последнего момента он говорил о готовности подписать новый союзный договор и о том, что «Россия никогда не выступит инициатором развала Союза» и даже угрожал пересмотром границ республикам, которые пожелают уйти из СССР — т.е. фактически повторением «югославского сценария», который развернулся бы в стране, напичканной ядерными боеголовками. Но Ельцин быстро понял, что на этом пути подстерегают большие опасности, — пример Югославии был перед глазами, да и ядерное оружие сыграло свою сдерживающую роль¹ — и избрал более простой и безопасный путь.

Характерно, что хотя Б. Ельцину удалось добиться ратификации беловежских соглашений ошеломленными и растерянными депутатами российского Верховного Совета, узнавшими о них из СМИ (за ратификацию проголосовали 188 человек, подавляющее большинство, включая коммунистическую и «патриотическую» оппозицию, не менее демократов стремившуюся избавиться от Горбачева, против — 6, воздержались — 7), он все же так и не решился даже постфактум легитимизировать их каким-либо референдумом. Беловежские соглашения, решившие судьбу государства тайно, без какой-либо консультации с народом и без какого-либо народного мандата, были абсолютно недемократическим и неконституционным актом². И именно этот акт превратил Ельцина в реально-

---

¹ Когда в печати появились сообщения, что в окружении Ельцина обсуждается вопрос о возможности обмена ядерными ударами между Россией и Украиной, Ельцин прокомментировал их так: «Технически — я обсуждал этот вопрос с военными — это абсолютно невозможно». Цит. по: *Гайдар Е.* Власть и собственность. М., 2009. С. 127.

² Ситуация Ельцина принципиально отличалась от ситуации украинского участника беловежских соглашений Л. Кравчука, который имел народный мандат в лице одобрения украинским референдумом Декларации о независимости. И ясно, что это отличие ельцинской и кравчуковской ситуаций в Беловежье прямо связано с различием в их дальнейшем поведении и различиями российской и украинской политической эволюций. Защищенный референдумом Кравчук был гарантирован от обвинений в государственных измене и перевороте и мог позволить себе проиграть следующие президентские выборы, уйдя от власти и оставшись одним из влиятельных украинских политиков. У Ельцина такой возможности не было.

го главу независимого российского государства, а его соратников-демократов в политическую верхушку этого государства.

Особенность российской «бархатной революции» 1991 г., таким образом, заключалась в том, что движение, по своим постулируемым и субъективным идеологическим целям являвшееся демократическим, пришло к власти недемократическим путем.

Именно эта ситуация и является тем «зародышем», из которого возникает российская имитационно-демократическая политическая система и из которого никакая иная система возникнуть и не могла. Победа демократов означала ликвидацию достаточно смутных перспектив российского демократического развития на этом отрезке истории.

При всех колоссальных различиях революций 1917 и 1991 г. между ними есть весьма существенное сходство. И в 1917, и в 1991 г. к власти неправым путем приходит меньшинство, убежденное, что оно призвано привести темную народную массу к светлому будущему. И после этого пришедшее к власти революционное меньшинство уже не может от власти уйти и обречено создавать систему, делающую такой уход невозможным. Это сходство начальных ситуаций «зарождения» российских советского и постсоветского режимов обуславливает и сходство их последующих эволюций.

1.5. Одна ликвидация для всех с различными последствиями для каждого

Ликвидация СССР для политического развития входивших в него республик имела разные и даже противоположные следствия в зависимости от их культурной и психологической готовности к демократии. Пребывание в СССР сдерживало начавшуюся дивергенцию их политических систем. Внутри СССР не могло быть ни полноценных балтийских демократий, ни режима Туркменбаши. Лишившись сдерживающего центра политические системы республик стали быстро эволюционировать в разных направлениях.

Поэтому для республик, подготовленных к переходу к демократии, как государства Балтии, ликвидация союзного центра, несомненно, была благом. Но для перспектив демократии большинства республик, включая Россию, это было страшным ударом. Те ростки демократии, которые в них возникли, могли произрастать

лишь в условиях разделения власти между республиканскими и союзным руководствами. Без контроля союзной власти, освободившиеся от необходимости оглядываться на Москву и Горбачева и предоставленные самим себе большинство республик сразу же пошли по наиболее естественному для них пути построения имитирующих демократию авторитарных систем.

В России действительная демократичность президентских выборов в июне 1991 г. гарантировалась именно наличием либерального союзного центра, и эти выборы стали последними реально альтернативными. Победа демократов означала конец демократического развития. После беловежских соглашений российские демократы и их лидер Ельцин фактически закрыли для себя путь к отступлению и уходу из власти. Сама форма их прихода к власти исключала возможность становления «нормальной», лояльной системе оппозиции, по типу объединявших элиту старых режимов оппозиций радикальным демократам — победителям «бархатных революций» в центральнойвропейских странах, передать власть которым для демократов-революционеров было, естественно, неприятно, но все же не смертельно опасно. Лозунгами противников власти в России отныне должны были стать не просто обвинения в неверной политике, а обвинения в узурпации и в разрушении государства, мандата на которое у правящей группы не было («Банду Ельцина — под суд!»). Беловежские соглашения привели к тому, что политический протест, оппозиция стали «внесистемными» и радикальными, «контрреволюционными». Поэтому уйти от власти, допустить к власти оппозицию уже сразу после беловежских соглашений для Ельцина и его соратников означало, с очень большой вероятностью, отправиться в эмиграцию или даже пойти в тюрьму. Борьба за сохранение своей власти отныне мотивируется для них уже не только желанием реализовать свои социально-политические планы (провести «реформы») и не только честолюбием и властолюбием, но и «инстинктом самосохранения», становится «борьбой за жизнь». Альтернатива установлению «безальтернативности» власти для них закрывается.

Но закрепление меньшинства у власти неизбежно совершается столь же неправовым или квазиправовым путем, как и сам его приход к власти. Таким образом, каждый шаг на пути закрепления у власти Ельцина и правящей группировки делает их уход из власти еще более чреватой гибелью и, следовательно, еще менее возможным. Если теоретически еще можно как-то представить себе

Б. Ельцина, уступившего власть оппозиции сразу после беловежских соглашений, то после приватизации и расстрела парламента в 1993 г. это уже просто не представимо. Поэтому у Б. Ельцина и его окружения был только один путь — не назад, а вперед, ко все более прочному закреплению у власти президента, а затем и его «династии» — тех, кого будут назначать своими преемниками стоящие у власти президенты, то есть по пути все большего выхолащивания демократического содержания при сохранении демократической формы.

Этот единственно возможный (если исключить открытую диктатуру)¹ для победителей 1991 г. путь одновременно был в российских условиях относительно легким. Напуганное перспективой анархии (и в какой-то мере действительно впадающее в анархию) растерянное и атомизированное общество с радостью воспринимало все меры, направленные на возвращение «порядка», понимаемого в традиционном русском духе как сильная единоличная центральная власть. Тем более если возникающая система единоличной власти камуфлируется в демократическую форму и общество в какой-то мере может воспринимать эту власть как проистекающую от его выбора, легитимную.

Чем меньше в ходе последующего политического развития становилась степень влияния общества на власть, тем более возвращающееся к привычным для него, традиционным формам существования общество успокаивалось и даже становилось довольным властью. Реакция на революционное «безвластие» конца

---

¹ Планы перехода к открытой диктатуре обсуждались Б. Ельциным и его окружением неоднократно, и большинство российских «демократов», несомненно, одобрили бы диктатуру как средство ускоренного перехода к рынку и предотвращения «коммунистического реванша». Но для такой диктатуры не было достаточных ресурсов, ни силовых (Ельцин — отнюдь не популярный в армии военачальник, и в октябре 1993 г. ему лишь с большим трудом удалось заставить военных участвовать в перевороте), ни «моральных». Кроме того, такая открытая диктатура могла восприниматься только как некое временное, чрезвычайное состояние.

Был и еще один важный фактор, препятствующий становлению открытой диктатуры, — российская власть была в тот период в сильной зависимости от Запада. Боящийся прихода в России к власти коммунистической оппозиции Запад, конечно, мог бы санкционировать и диктатуру, как он многократно санкционировал различные антикоммунистические диктатуры в разных странах (и даже активно помогал им возникнуть). Но такая санкция могла быть дана только в самом крайнем случае, при разного рода оговорках и затем обязательно началось бы давление Запада, направленное на либерализацию и восстановление демократических норм. Кроме того, диктатура исключила бы принятие Ельцина на Западе «как равного».

80-х — начала 90-х годов, стремление как можно скорее отойти от «революционного хаоса» парадоксальным образом вели к укреплению возникшей революционным путем власти¹.

Таким образом, в 1991 г. мы как бы вступили на эскалатор, сойти с которого было уже практически невозможно и который сам вез нас вперед, к теперешней развитой (и уже начинающей «стать») имитационно-демократической системе.

---

¹ Реакция на антикоммунистические демократические революции, появление ностальгии по коммунистическому прошлому — явление закономерное, поскольку все революции связаны с завышенными ожиданиями и в той или иной мере приводят к разочарованию. Но в разных условиях эти реакции ведут к разным и даже к прямо противоположным следствиям. В странах с сильной демократической традицией и благоприятствующей построению демократии культурой они приводят к отстранению от власти конституционным выборным путем радикалов, стоявших во главе революций, и приходу к власти «умеренных» представителей «перестроившейся» старой номенклатуры, как это произошло в Литве, когда Ландсбергис был отстранен от власти Бразаускасом, или в Польше, где Квасневский отстранил Валенсу. Именно эти первые ротации приводят к утверждению примата демократических норм, «правил игры», превращают победу демократов в победу демократии. Напротив, в таких странах, как Россия, Казахстан, Узбекистан аналогичные реакции ведут к прямо противоположному результату — укреплению личной власти президентов. Реакции в первом случае обращаются против осуществляющих власть лиц, укрепляя демократические институты, во втором — против слабых демократических институтов, укрепляя власть лиц.

2. Развитие российской политической системы

Главной движущей силой и главным направлением развития российской постсоветской системы является последовательная ликвидация угроз сохранению верховной власти в руках президентов и ее передаче избранным ими преемникам. При этом развитие «политического организма» аналогично развитию любого организма. Вначале он слаб, его могут уничтожить какие-то внешние воздействия или «болезни роста», и он борется с реальными и опасными угрозами, преодолевает кризисы, которые действительно могут иметь летальный исход. Эти кризисы в развитии нашей системы приходится на ельцинский период, когда закладываются ее основы. Но, преодолевая эти кризисы, организм развивается, растет, становится все крепче.

В последующий, путинский период организм уже достаточно крепок, власть достаточно сильна и действительно опасных для нее угроз нет. (Эти угрозы возникнут вновь позже, на следующем, завершающем этапе развития.) Но обеспечение гарантированной безальтернативности верховной власти предполагает последовательное устранение все более отдаленных опасностей. В путинский период власть борется уже не столько с реальными угрозами, сколько с угрозами потенциальными, которые только могут когда-то превратиться в непосредственные.

Последовательное устранение сначала непосредственных, затем — потенциальных угроз означает расширение сферы контроля власти над обществом. Развитие идет от безальтернативности президентской власти к «безальтернативному» (то есть определяемому

самой президентской властью) составу парламента, «безальтернативным», назначаемым губернаторам и даже — «безальтернативным» комментариям политических событий по телевидению. Это развитие идет «по восходящей», пока на самом пике могущества системы не обозначаются «пределы роста» и появляются новые признаки слабости.

В модифицированной и очень ослабленной форме этот цикл повторяет цикл советского развития, тоже шедшего от «детской» слабости советской власти, которая в период 1917–1921 гг. при ином стечении обстоятельств вполне могла погибнуть, но, преодолевая один кризис за другим, становилась все сильнее, устраняя уже самые отдаленные и потенциальные угрозы и расширяя контроль над обществом, пока в ней не появились черты уже новой, не «детской», а «старческой» слабости. Советское и постсоветское развитие — как бы изображения с одним сюжетом и композицией, но первое — монументальное, вырезанное на скале, а второе — выполненное «в пастельных тонах» на бумаге.

И одновременно российский цикл аналогичен циклам развития других постсоветских систем этого вида, имевших общую с российской системой исходную точку — распад коммунистической системы и провозглашение демократии при культурной и психологической неготовности общества жить в условиях этой провозглашенной демократии.

2.1. Конфликт с парламентом и принятие Конституции

На ельцинскую эпоху приходится три больших политических кризиса. Первый из них — кризис 1993 г. Проявился он, прежде всего, в конфликте ветвей власти — президента и парламента, первые признаки которого наблюдались уже на рубеже 1991 и 1992 гг. И отчасти — в конфликте президента и Конституционного суда. Последний в ситуации ожесточенной борьбы двух основных политических сил — президентской и парламентской «партий», приобрел относительную самостоятельность и пытался ввести противоборствующие стороны в правовое русло. На основной конфликт ветвей власти «наложился» и ряд других противоречий. Возник целый «пучок» болезней, осложнявший течение каждой их них. Кризис 1993 г. был очень опасен для еще молодой и слабой, только

формирующейся системы, и мог закончиться для нее «летальным» исходом.

Противостояние президентов и парламентов было закономерным явлением для раннего этапа складывающихся на постсоветском пространстве имитационно-демократических систем, и через подобные конфликты, разной формы и степени интенсивности, прошли вслед за Россией практически все страны СНГ¹. И хотя президенты других постсоветских государств имели перед глазами вдохновлявший их российский пример², ясно, что действовали они отнюдь не из простого подражания. Противостояние ветвей власти порождалось общими причинами. Российский конфликт лишь отличался особо грубыми и кровавыми формами, отчасти из-за того, что был первым по времени (после поражения российского парламента другие парламента сдавались практически без сопротивления), а возможно, и из-за влияния личных факторов, в частности, особенностей характера первого российского президента.

Отношения президентов и парламентов в начале 1990-х гг. были объективно «конфликтогенными». Власть победителей 1991 г. вначале не имела адекватного институционального оформления. Конституции, при которых осуществлялась эта власть, — это неподходящие к новым условиям советские республиканские основные законы, в которые лишь были внесены многочисленные и разнообразные поправки. В результате эти конституции приобрели крайне противоречивый вид. Даже вне зависимости от иных политических обстоятельств, такие конституции не могли не порождать постоянных конфликтов ветвей власти, чьи компетенции не были в них ясно и четко определены. Принятие новых конституций было необ-

---

¹ Постсоветские президенты не раз распускали мешающие им парламента: Акаев это сделал в Киргизии в 1995 г., а Назарбаев в Казахстане даже дважды — он распустил парламент первый раз в 1993 г., а второй раз проделал это в 1995 г. с новым составом парламента, тоже оказавшимся непослушным. Лукашенко распустил парламент в Белоруссии в 1996 г. И только в одном случае — молдавском, конфликт президента Лучинского и парламента завершился победой последнего и переходом к парламентарской республике.

² Возможно, иногда российское влияние не ограничивалось примером. В Казахстане говорили, что Ельцин прямо просил Назарбаева разогнать свой парламент, чтобы не выглядеть одиноком на постсоветском пространстве (см.: *Ертысбаев Е.* Казахстан и Назарбаев. Логика перемен. Астана. 2001. С. 355). Отказать в такой просьбе Назарбаев не мог.

ходимым, а это еще более обостряло борьбу ветвей власти вокруг того, как в них будут определены их prerogatives.

Конфликты обостряли также специфические идеологические традиции. Наряду с доминирующей авторитарной традицией единой и безраздельной персонифицированной власти советский период оставил за собой и специфическую традицию демократически-популистского лозунга — «*Вся власть Советам*». В России ее значение было особенно велико. Российские демократы в ранний период борьбы за власть апеллировали, как и Горбачев, к «*идеалам 1917 года*» и активно использовали лозунг «*власти Советов*»¹. Однако после победы, этот лозунг начал работать уже против них самих и их лидера-президента. В текст российской Конституции была включена статья 104, гласящая, что съезд народных депутатов «*правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению РСФСР*», которая дамokkalовым мечом висела над ельцинской властью.

Разделению властей противоречили обе эти традиции. Столкновение претензий на всевластие президента и претензий на всевластие парламента делали какой-либо компромисс трудно достижимым².

---

¹ Вот какими словами кончалось «Обращение к народу группы народных депутатов СССР», подписанное А. Сахаровым, Г. Поповым, Ю. Афанасьевым, В. Тихоновым и А. Мурашовым 1 декабря 1989 г.: «*Собственность — народу! Земля — крестьянам! Заводы — рабочим! Вся власть — Советам!*» (<http://www.rfbr.ru/old/pub/knigi/sakharov/append-6.htm>). В созданном А. Сахаровым проекте «Конституции Союза Советских республик Европы и Азии» записано: «*Съезд народных депутатов... обладает высшей законодательной властью в стране*» (*Сахаров А.Д.* Тревога и надежда. М., 1991. С. 273). Есть фотография, на которой запечатлен А. Сахаров, стоящий у входа во Дворец съездов перед открытием Первого съезда народных депутатов с плакатом: «*Вся власть советам!*». После Первого съезда народных депутатов СССР А. Сахаров говорил в интервью: «...Съезд, на мой взгляд, не выполнил той основной задачи, которая исторически стояла перед ним и выражена в лозунге “*Вся власть Советам!*” ...Без власти Советов не преодолеть диктат ведомств никоим образом. Невозможно создать подлинно самоуправляемые свободные предприятия. Нельзя осуществить земельную реформу...» (http://www.sakharov-archive.ru/Raboty/Rabot_68.html).

В свете последующей истории все это выглядит бессовестной демагогией, но в какой-то мере, очевидно, в это время люди действительно верили в эти лозунги.

² Аналогичные, «изоморфные», конфликты разворачиваются в это же время между Советами и главами исполнительной власти большинства российских регионов. Во время решающего столкновения президента и парламента парламент поддержали 63 совета и только 4 главы администрации регионов. См.: *Рукой А. Кровавая осень*. С. 55.

Конфликт президентов и парламентов аналитически следует отличать от конфликта другого типа, который, однако, в ранний постсоветский период всегда «накладывался» на конфликт ветвей власти и переплетался с ним. Это столкновение новых правителей со «старыми товарищами», помогавшими им прийти к власти, — тип конфликта, который в истории повторялся сотни раз. В истории СССР каждый новый правитель стремился избавиться от тех, с кем вместе он боролся за власть и кто помогал ему стать правителем (Сталин — от старой ленинской гвардии, Хрущев — от «антипартийной группы», Брежнев — от Шелепина, Подгорного и других). Так же будет поступать каждый новый правитель и в постсоветское время.

Все президенты возникших в результате распада СССР независимых республик, вне зависимости от того, были ли они партийными руководителями, или лидерами массовых демократических движений, шли к власти со своими «командами», в которых они были «первыми среди равных», а не «хозяевами» и «боссами». Когда же они становятся правителями государств, старые соратники, с трудом адаптирующиеся к своей новой роли подчиненных и постоянно напоминающие лидерам об их прежнем положении, начинают им мешать. Возникает конфликт. В начале 90-х годов волна таких столкновений прокатилась по всем ставшим независимыми республикам¹.

Российским вариантом конфликта подобного рода было противостояние Ельцина, превратившегося из лидера демократического движения в главу российского государства, с его прежними «соратниками» и «товарищами по борьбе», Горбачевым и ГКЧП, вице-президентом А. Руцким и спикером Р. Хасбулатовым, организовавшими вместе с Ельциным «оборону» Белого дома в августе 1991 г. Руцкой и Хасбулатов встали во главе «парламентской партии».

---

¹ В Казахстане это конфликт Назарбаева и спикера Серикболсына Абдильдина и отстранение Назарбаевым вице-президента Ерика Асанбаева, в Кыргызстане — столкновение Аскара Акаева с вице-президентом Феликсом Куловым, в Узбекистане — противостояние Ислама Каримова с вице-президентом Шукурулло Мирсаидовым, в Азербайджане — конфликт Гейдара Алиева со спикером Расимом Кулиевым, в Белоруссии — борьба Александра Лукашенко со многими его прежними приверженцами и сподвижниками. Практически везде соперничают президенты с вице-президентами и спикерами, то есть со своими ближайшими соратниками, занявшими самые важные после президентской должности. Естественно, побеждают всегда президенты, а спикеры и вице-президенты уходят в оппозицию (Абдильдин), эмиграцию (Мирсаидов, Кулиев) или тюрьму (Кулов).

С обезоруживающей откровенностью Б. Ельцин пишет о своем конфликте с А. Руцким: «Главной... ошибкой Руцкого... было упорное нежелание понять и принять собственный статус»¹.

Конфликты президентов и парламентов везде осложнялись и усиливались общей нервной обстановкой, порожденной началом рыночных реформ. Приватизация усиливала общую социальную напряженность и затрагивала материальные интересы всех участников конфликтов — от того, кто и как будет проводить приватизацию и реформы, зависело, кто будет миллионером, а кто — упустившим свой шанс «лузером».

Везде президенты требовали себе дополнительных полномочий для проведения реформ, поскольку в «переходный период» нужна концентрация власти и действовать надо решительно и энергично. Демократические движения с их «рыночным романтизмом» (российское — особенно) их в этом активно поддерживали, а депутаты, в психологии которых присутствовало общенациональное стремление к «сильной власти» и которые представляли собой плохо структурированную «митинговую» массу (в России, где был не только Верховный Совет, но и Съезд народных депутатов, психология толпы проявлялась у парламентариев даже ярче, чем в других республиках) вначале легко шли им навстречу. На пятом съезде народных депутатов России в конце октября — начале ноября 1991 г. Ельцин получил дополнительные полномочия издавать указы, имеющие силу закона. Но очень скоро депутаты стали в этом раскаиваться, осознав, что утратили возможность влиять на процесс приватизации и что реальная власть начинает перетекать от них к президенту и его окружению.

В ходе рыночных реформ популярные у демократов на раннем этапе идеи рабочего самоуправления и прав трудовых коллективов были быстро отброшены и забыты, и идеология реформ трансформировалась в идеологию ускоренного «строительства капитализма». Реформы везде сопровождались падением жизненного уровня большинства населения при обогащении правящих элит и добившихся благосклонности власти нуворишей. Демократы-рыночники в соответствии со своей идеологией приветствовали оргию растаскивания государственной собственности (и в какой-то мере сами в ней участвовали). Один из членов возглавлявшейся

---

¹ Ельцин Б. Записки президента. С. 49.

А.П. Чубайсом команды приватизаторов А. Казаков писал: «Мы исходили из того, что спустя некоторое время логика рыночного саморазвития приведет к тому, что имущество попадет к эффективному собственнику»¹.

Естественно, что в стране росло социальное напряжение и протест широких масс населения. Депутаты, теснее связанные с народными массами, чем бюрократия и демократические политики-интеллигенты, в какой-то мере «аккумулировали» этот социальный протест и апеллировали к нему. Конфликт ветвей власти приобрел аспект социального конфликта «низов» и «верхов», центра (места сосредоточения «верхов») и периферии. Символом «антинародной» политики и главной мишенью нападок народных депутатов и социального протеста большинства населения стало правительство радикального «рыночника» Е. Гайдара, молодых министров которого А. Руцкой назвал «мальчиками в розовых штанах»².

Притом что социальный аспект в конфликте президента и парламента — очевиден, говорить о нем как о конфликте идеологий очень трудно. Естественно, что обе стороны конфликта апеллировали к демократии и обе обвиняли друг друга в стремлении возродить «тоталитаризм». О лидерах парламентской партии нельзя также сказать, что они были «противниками рыночных реформ». При этом мировоззренческие позиции обоих «партий» были очень размыты и эклектичны, и в обе «партии» входили люди с самыми разными и неустойчивыми идейными ориентациями. Тем

---

¹ Приватизация по-русски / Под ред. А. Чубайса. М., 1999. С. 66, 208.

² Е. Гайдар, внук знаменитого детского писателя — коммуниста и чекиста — и номенклатурный советский экономист, член редколлегии журнала «Коммунист», ставший радикальным «рыночником» и поклонником «чикагской школы» экономики, как бы воплощает в своей эволюции эволюцию советской элиты. Г. Бурбулис приводит его к Ельцину, и он делает головокружительную карьеру, становится заместителем премьера и министром экономики и финансов. Когда в сентябре 1991 г. И. Силаев ушел с поста премьера, функции премьера взял на себя сам Ельцин, но главную роль в экономической политике играл Гайдар. С июня по декабрь 1992 г. Гайдар был исполняющим обязанности премьера (как премьера депутаты его не утвердили бы).

В народном сознании Гайдар и его реформы до сих пор остаются синонимами всякого зла. С тем, что они «оказали безусловно положительное влияние на экономику России», в 1997 и 2008 гг. согласились только 3%, с тем, что они были «болезненны, но необходимы», — 19% и 20%, что «в них не было никакой необходимости», — 15% и 21%, что «они оказали разрушительное действие на экономику России», — 41% и 33% (Общественное мнение — 2008. Ежегодник. М., 2008. С. 31).

не менее некоторые идеологические различия между «партиями» были.

«Рыночный романтизм» демократов, понимание ими того, что они — меньшинство, и их страх перед «реакционными» тенденциями народных масс, которые озвучивали депутаты, толкали их к поддержке президентского авторитаризма. Страх перед реакционными потенциями народных масс претворился в страх перед Советами. С поразительной быстротой и легкостью лозунг «Вся власть Советам!» был отброшен наряду с другими аналогичными лозунгами, апеллирующими к идеалам раннего советского периода, и заменен прямо противоположными: «Советы и демократия несовместимы!», «Советы — последнее прибежище партократии». Е. Боннэр пишет о чувствах, возникших у нее, когда она наблюдала в 1992 г. съезд народных депутатов: «Мне все время хотелось, чтобы Борис Николаевич стукнул кулаком и сказал: “Хватит, прекратите эту бодягу!”»¹ Радикальные демократы-западники прямо подталкивают Ельцина к насильственному роспуску Советов, упрекая его в излишнем «либерализме»: «Главной ошибкой Ельцина и вместе с ним истинных демократов, — пишет Е. Боннэр, — столь немногочисленных в исполнительной (и особенно в законодательной) власти, оказалась абсолютизация идеи демократии, их чрезмерная, до фанатизма, приверженность демократическим институтам и демократическим механизмам власти в недемократической стране. Стремление действовать только правовыми, конституционными методами в неконституционном, неправовом государстве, парламент которого был избран в додемократическую эпоху, в другой стране и потому, строго говоря, — не легитимен!»² Но если западническое и субъективно радикально-демократическое и радикально-рыночное меньшинство активно поддерживало построение системы президентского авторитаризма, лагерь защитников парламента стал привлекать скорее антизападнические элементы и транслировать растущие, свя-

---

¹ Боннэр Е. «Ни земли, ни воли» // Куранты 25.04.1992.

² Боннэр Е. «Поражения и победы Бориса Ельцина» // Русская мысль. 19–25.03.1993. Упрек Ельцину в фанатичной приверженности демократии и законности звучит, по-моему, почти так же, как звучал бы упрек Сталину в излишнем гуманизме.

Боннэр не только забывает, что совсем недавно ее покойный муж, ставший «иконой» демократов, призывал отдать Советам всю власть, но и забывает, что президент точно так же, как и парламента, был избран «в другой стране» и не как президент независимого государства.

занные с ностальгией по советской «империи», антизападнические и антикапиталистические настроения народа. Действия демократов, их поддержка президентского авторитаризма в значительной мере мотивировались страхом перед реакционными и тоталитарными потенциями народных масс. Но эти действия сами создавали ситуацию, при которой народный протест не мог не принимать реакционные формы. И чем более реакционные формы он принимал, тем более демократам представлялись необходимыми авторитаризм и подавление протеста силой.

Парламент, разумеется, не был «коммунистическим, большевистским», стремящимся вернуть советские порядки, как его изображали Ельцин и демократы¹. Но «парламентская партия» представляла собой очень пестрый и аморфный блок, и логика борьбы с радикальными демократами стала привлекать к ней коммунистов и русских националистов, даже близких к фашизму, возмущенных разрушением СССР, «унижением России» и рыночными реформами. Во время блокады Белого дома телевидение показало фантастическую картину одетых в черную форму, марширующих и поднимающих руку в фашистском приветствии «баркашовцев» в роли защитников конституции и парламентаризма. Логика борьбы заставляла и самих лидеров парламентской «партии» занимать позиции, соответствующие настроениям их социальной базы. Ручкой и Хасбулатов теперь обвиняют Ельцина в разрушении СССР, а их апелляции к опыту западных демократий сочетаются с обвинениями в том, что президент продает Россию эти самым демократиям² и, во всяком случае, у Хасбулатова — с несколько завуалированным антисемитизмом. (Позже он даже утверждал, что в штурме Белого дома принимали участие «отряды еврейской молодежи».)

Другой стороной парадокса демократов-западников — сторонников авторитаризма был парадокс «антизападников» — защитников конституционализма, разделения властей и демократии.

---

¹ «Все последние месяцы они жили в иллюзии, — пишет Ельцин о лидерах парламентской партии — что стоит только подтолкнуть, и вся страна ...рванется за коммунистическим, большевистским парламентом назад в прошлое» (*Ельцин Б. Записки президента. С. 373*).

² «...Нам нет необходимости заимствовать чужие законы, чужую мораль, чужие ценности... Мы ни при каких обстоятельствах не должны позволить чуждым силам совершить над Россией такое же насилие, какое было совершено над Советским союзом». Доклад Р. Хасбулатова на X Чрезвычайном съезде народных депутатов РФ (*Ручкой А. Кровавая осень. С. 67*).

В России с ее советски-федеральным¹ устройством и наличием многих национальных меньшинств конфликт ветвей власти осложнялся также ростом сепаратистских движений и совершенно неопределенными отношениями центра и региональных властей.

Распад «советской империи» не мог остановиться на границах союзных республик, в громадной мере установленных произвольно. Сепаратистские и ирредентистские движения разной степени интенсивности в это время возникают во всех постсоветских республиках, кроме мононациональных Туркмении и Армении. В России таким народам, как чеченцы, вся история которых — история кровавой борьбы с империей, было трудно смириться с мыслью, что не очень-то стремившиеся к независимости и никогда особенно не боровшиеся за нее народы, вроде белорусов, оказались «вытолкнутыми» в независимость только потому, что в СССР их республики имели фиктивный статус союзных, а они не имеют права на создание своего государства, потому что их республики имели лишь статус автономных. Как и в разных союзных республиках, в различных российских автономиях по-разному складывались отношения номенклатурной верхушки и спонтанных национальных движений. Действительно революционная смена власти произошла только в Чечне. Но к большей или даже полной независимости стремились как национальные движения, так и более осторожные «партократы». Автономные республики стали провозглашать свои «суверенитеты» и «независимости».

Конфликты в центре (сначала между российскими и союзными властями, затем между ветвями российской власти) создавали для властей национальных республик, которые все конфликтующие «партии» пытались привлечь на свою сторону (знаменитая фраза Ельцина в период его шествия к власти и раздачи обещаний: «Берите столько суверенитета, сколько сможете про-

---

¹ Естественно, говорить о РСФСР как о реальной федерации так же нельзя, как нельзя говорить об СССР как о федеративном государстве, Союзе республик. Тоталитарное государство реально не может быть федеральным, а его федерализм может быть только формальным. Но и равноправие союзных республик, и наличие в РСФСР автономных национальных образований были не просто формой, а непререкаемыми идеологическими догмами. В конце советской эпохи эти формы стали постепенно наполняться некоторым реальным содержанием, поскольку в республиках, и союзных и автономных, хозяйничала местная национальная номенклатура, а стремящаяся лишь к стабильности центральная власть все меньше вмешивалась в реальное управление. Формальный федерализм приобретал контуры реальной системы «вассальных княжеств».

глотить»¹), исключительно благоприятную ситуацию². Национальные республики — бывшие автономии — могли апеллировать и к занимавшей видное место в ранней идеологии демократов (пока они не пришли к власти в России и боролись с союзным центром) идеи права наций на самоопределение. В идеалистически-утопических проектах А. Сахарова автономные республики должны были, как и союзные, стать независимыми и как таковые участвовать в выработке и заключении нового Союзного договора.

В Федеративном договоре, заключенном в июне 1992 г., и несколько сдержавшим процесс бесконтрольного присвоения республиками все большей власти³, бывшие автономии именовались «суверенными государствами» в составе Российской Федерации. А в поисках союзников и институциональных опор в борьбе с парламентом Ельцин даже создал бесследно исчезнувший сразу после его победы Совет глав республик.

Национальный автономизм и сепаратизм оказывали влияние и на русские регионы, власти которых с ревностью и завистью смотрели на национальные республики. Они тоже стремились к большей самостоятельности, захватывали в свои руки находящуюся на их территориях собственность (как это делали автономии и как раньше это делали союзные республики в отношении союзной собственности), отказывались перечислять налоги в Москву (опять-таки, как это делала Россия в отношении союзной власти). В некоторых русских регионах также возникли сепаратистские движения, хотя, естественно, значительно более слабые и «искусственные», чем национальные движения в бывших автономиях. Появились призраки уральских, сибирских, дальневосточных и прочих республик.

---

¹ Это фраза 1990 г. В 1993 г. он говорил уже иначе: «Во-первых, абсолютного суверенитета не бывает. Права любой республики ограничены правами других субъектов федерации. Во-вторых, суверенитет республик в составе Российской Федерации ограничен рамками сохранения России как целостного и неделимого государства». <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=56630>.

² В. Шляпентох сравнивает воздействие этой борьбы на рост регионализма и сепаратизма с воздействием борьбы императоров и пап в средневековой Германии (см.: *Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество*. М., 2008. С. 171).

³ Договор не подписали две самые сепаратистские республики — Чечня, где национальное движение свергло руководство партократии, и Татарстан, где советский партийный руководитель М. Шаймиев использовал его в своей борьбе-торге с Москвой.

Все аспекты кризиса 1993 г. были закономерны, но их сочетание, формы, которые принял конфликт, и способ его решения зависели от множества случайных и субъективных факторов. Это была ситуация реального и опасного для системы кризиса и, как и в 1991 г., определенного веера возможных альтернатив его разрешения. Полностью исключать возможность победы «парламентской партии» в России нельзя. Эта теоретически возможная победа означала бы ликвидацию еще очень слабого, делающего только первые шаги ельцинского режима, и появление вновь каких-то возможностей демократического развития. Построение нового режима имитационно-демократического типа было бы значительно более сложным (хотя и отнюдь не невозможным), ибо резко усилилось бы идеологическое значение конституционализма и разделения властей, был бы прецедент неудачной ельцинской авторитарной попытки, и, кроме того, в парламентской партии не было несомненного вождя ельцинского типа. Однако силы и шансы конфликтующих сторон были не равны, и у Ельцина и «демократов» шансов на победу было больше.

Естественно, что Ельцина продолжали поддерживать большинство приведших его к власти (и отчасти приведенных им к власти) интеллигентов-демократов, хотя их способность вести за собой народные массы после распада СССР и начала рыночных реформ резко уменьшилась. Однако рыночные реформы в какой-то мере способствовали консолидации вокруг ельцинской власти и старой номенклатурной элиты, поскольку открыли перед ней перспективу превращения в собственников и громадные возможности обогащения. Новые собственники (и представители и старой номенклатуры, и нувориши, чье обогащение в значительной мере зависело от произвольных решений власти, «назначения в миллионеры») были заинтересованы в усилении ельцинской власти, что означало для них закрепление их собственности. Стихийный протест низов, транслируемый депутатами, пугал их¹. В Москве, естественном сосредоточении поддерживающих Ельцина интеллигенции и чиновничьей и бизнес-элит, депутаты были во враждебной им среде,

---

¹ Один из гайдаровско-чубайсовской команды приватизаторов М. Бойко позже писал: «Думаю, что если бы не приватизация, то и весной 1992 г. и в ходе осеннего кризиса 1993 г. ...баланс политических сил мог бы оказаться не в пользу реформ» (Приватизация по-российски / Под ред. А. Чубайса. М. 1999. С. 66). «В пользу реформ» на идеологическом языке авторов книги значит «в пользу президентской власти».

под прессом постоянных митингов, пикетов и атак со стороны контролируемых демократами СМИ, а поддержка в провинции значила не так много.

Международная среда также не была благоприятной для парламентской партии. Все руководители стран СНГ, стремившиеся, как и Ельцин, сосредоточить власть в своих руках и стать «безальтернативными», поддерживали российского президента, прекрасно понимая, что разгон парламента в России откроет для них «зеленый свет» для расправы с их собственной парламентской оппозицией. Ельцина поддерживали и руководители стран Запада, имевшие очень смутное представление о российских процессах, черпавшие представления о том, что здесь происходит, от «западной» интеллигенции, боявшиеся коммунистического реванша в России и напуганные националистической риторикой парламентариев и усиливающейся ностальгией по СССР.

А в сознании народа, несмотря на пережитый шок от неожиданного распада СССР, и на порожденные рыночными реформами всеобщие обнищание и протест, усиливалось стремление к возвращению «порядка» и «сильной власти»¹. И хотя парламентская «партия» активно апеллировала к социальному протесту народных масс, эти порядок и сильная власть связывались в народном сознании не с депутатами, олицетворяющими для народа скорее тот революционный хаос, который он стремился как можно быстрее преодолеть, а с единоличной властью президента, в которой легко угадывалась новая форма старой и привычной власти генсеков и царей. Стремление к сильной власти было сильнее социального протеста, а ностальгия по советской стабильности работала на президента, который был одним из главных разрушителей этой стабильности. Желание оставить революцию позади работало на возникшую из этой революции власть.

Весь 1992 и начало 1993 гг. прошли в «позиционной» войне между президентом и депутатами. Ни попытки депутатской оппо-

---

¹ При перечислении разных целей государства (можно было выбрать первую и вторую по значимости из 4 целей) «сохранение порядка» как первую и вторую цель выбрали в 1991 г. 79%, а в 1993 г. 86% участников общероссийских опросов «предоставление народу возможности больше влиять на важные решения правительства» — 57 и 31%, «борьбу с ростом цен» — 50 и 70%, «защиту свободы слова» — 13 и 7% (см.: *Фурман Д., Каарияйнен К.* Религиозность в России в 90-х гг. XX — начале XXI в. (в книге: *Новые церкви, старые верующие — старые церкви, новые верующие*) / Под ред. К. Каарияйнена и Д. Фурмана. М., 2007. С. 34).

зиции объявить импичмент президенту, ни попытки президента распустить депутатов (в декабре 1992 г. и в марте 1993 г.) успехом не увенчались. Вспышки чередовались с временными затишьями и даже позиционными отступлениями Ельцина (самым важным была замена ненавистного депутатам и большинству народа Е. Гайдара на представителя старой советской элиты бюрократов-хозяйственников В. Черномырдина).

Но в апреле 1993 г. Ельцин одержал громадную победу на референдуме по доверию президенту и парламенту. Большинство голосовавших (58,7%) не только выразило ему доверие, но, несмотря на тяжелейшее экономическое положение, особо одобрило его социально-экономическую политику (53%). За досрочные выборы президента на референдуме проголосовали 44,8%, а за досрочные выборы народных депутатов — 67,2%. Никакого решения конфликта референдум не дал¹, но он продемонстрировал соотношение сил президентской и парламентской «партий» и окрылил президента, его сторонников. В. Шейнис, в то время активный политик демократического лагеря, пишет, что это был результат, «который не решались предсказывать аналитики президентской стороны в своих самых смелых предположениях»². Страх безвластия оказался для народа значительно сильнее его недовольства действиями власти, страха перед нищетой и возмущения растаскиванием «общенародной» собственности, и народ скорее поддерживал президента, чем парламент. Было ясно, что если в такой ситуации народ проголосовал за Ельцина и даже за одобрение его экономической политики, президент и его «партия» могут не слишком бояться народа. Фактически референдум открыл для Ельцина дорогу к силовому решению конфликта с депутатами.

Ельцин преодолевает свои «мучительные раздумья», о которых он пишет с характерным для него простодушием: «Нарушать закон ради того, чтобы выпутаться, ох как не хотелось»³. Он открыто объявляет, что в августе он проведет «артподготовку», а в сентябре

---

¹ По решению Конституционного суда для принятия решения по вопросам о досрочных выборах нужно было получить большинство не от участвовавших в голосовании, а от всех избирателей. Такого большинства не набиралось ни по вопросу о новых выборах президента, ни по вопросу о новых выборах депутатов.

² Шейнис В. Указ. соч. М., 2005. Т. 2. С. 301. То же пишет пресс-секретарь Ельцина В. Костиков: «Масштаб победы был неожиданным даже для самых оптимистических аналитиков» (Костиков В. Роман с президентом. М., 1997. С. 180).

³ Ельцин Б. Записки президента. С. 372.

проблема будет им решена. Атмосферу того времени, царившую в поддерживавшем Ельцина и толкавшем его к большей решительности демократическом лагере, хорошо демонстрируют приведенные в мемуарах пресс-секретаря президента В. Костикова стенограммы заседания Президентского совета (состоявшего только из известных интеллектуалов-демократов) 10 августа 1993 г. Один из участников (В. Костиков не приводит имен) говорит: «Конечно, лучше пользоваться легитимными методами. Но нужно иметь в резерве и другие варианты. Положение в армии удовлетворительное. А вот в министерстве безопасности положение тревожное.... В отношении телевидения я — экстремист. Надо сохранять контроль. Непримируемую оппозицию — не пускать». Остальные говорили примерно то же самое¹. 21 сентября Ельцин издает указ о приостановке действия Конституции и роспуске депутатов, затем начинается осада здания парламента, от которого были отключены линии связи, электричество и снабжение водой, а 4 октября 1993 г. все телекомпании мира передают картину расстрела «Белого дома» танками. В уличных боях погибло от 123 (официальная цифра) до 2000 человек.

Если в августе 1991 г. демократы — сторонники Ельцина — организовывали оборону Белого дома от танков ГКЧП, то в октябре 1993 г. они сами осаждали этот же Белый дом при помощи танков. Но в отличие от «реакционеров» гэкачэпистов у них было значительно меньше страхов перед пролитием крови (чужой). Виднейшие представители интеллигенции приветствовали переворот. Группа писателей, в которую входили большинство крупных литературных имен этого времени, включая Б. Ахмадулину, Д. Гранина, В. Астафьева, Б. Окуджаву и др., обращается к гражданам и президенту: «Эти тупые негодяи уважают только силу. Так не пора ли ее продемонстрировать нашей юной, но уже, как мы вновь с радостным удивлением убедились, достаточно окрепшей демократии?!»² А актриса Л. Ахеджакова даже кричала, выступая по телевидению:

¹ Костиков В. Роман с президентом. С. 204–205. Приводимые автором цитаты не мешают ему на той же странице с поразительной наивностью утверждать: «...Все записи бесед и дискуссий вокруг ВС свидетельствуют только о поисках мирных путей ликвидации конфликта...»

² Руцкой А. Кровавая осень. С. 441. Даже много лет спустя Е. Гайдар пишет: «Большинство в Верховном Совете подчинялось людям, которые не признают никаких этических рамок и демократических норм» (*Гайдар Е.* Власть и собственность. С. 179).

«А где же наша армия?! Почему она нас не защищает от этой проклятой конституции?» Никакого массового выступления в поддержку парламента, на которое надеялись лидеры парламентской «партии», не произошло.

Большинство народа не поддерживало переворота, но даже те, кто был возмущен действиями Ельцина, вздохнули с облегчением — угроза гражданской войны отступила, порядок восторжествовал, и двоевластие кончилось. Кровавые события октября 1993 г. напугали общество. Они были кульминацией той анархии, которой оно так боялось, и еще более усилили стремление к «сильной власти». К сохраняемым в исторической памяти страхам «Смутного времени» и 1917 г. теперь прибавился «свежий» страх, порожденный событиями октября 1993 г.

Президенты стран СНГ направили Ельцину послание, в котором говорилось: «Мы верим, что президент и правительство России сделают все для того, чтобы остановить провокаторов и защитить демократию». Западные демократии тоже вздохнули с облегчением. Лидер демократического большинства в сенате США Дж. Митчелл говорит: «У президента Ельцина нет другого выхода, как сделать все возможное, чтобы навести в Москве порядок, используя все необходимые для этого средства». Премьер Великобритании Дж. Мейджор: «Выражаю полную и безоговорочную поддержку президенту России Б. Ельцину и его действиям, направленным на восстановление в стране законности и порядка. Нет никаких сомнений, что сейчас — критический момент для процесса реформ и для будущего России». Совет министров СБСЕ принимает заявление, в котором говорится: «Необходимо, чтобы все демократические государства громко и выразительно заявили о поддержке демократических сил в России, а тем самым и президента Ельцина»¹.

После победы в Москве распускаются и самораспускаются региональные советы. Сопrotивление они уже не оказывают. «Приостанавливается» и деятельность осудившего переворот Конституционного суда.

Расстрел Белого дома делает ненужными для Ельцина какие-либо компромиссы и согласования по поводу текста новой Конституции, и 12 декабря 1993 г. на референдуме, организованном

---

¹ Руцкой А. Кровавая осень. С. 435—437.

по указу президента, принимается Конституция, полностью удовлетворяющая Ельцина. По официальным данным, за нее проголосовали 57,1% от 54, 8% избирателей, принимавших участия в голосовании. Фальсификация результатов голосования практически несомненна, и не случайно, что ЦИК вскоре уничтожила все бюллетени, но масштабы ее оценить невозможно¹. Тем не менее очевидно, что за Конституцию проголосовало больше людей, чем против — люди хотели порядка и стабильности.

Очень правильным, с точки зрения интересов власти, ходом Ельцина было совмещение референдума с выборами в Думу. Лидеры коммунистов и «либерал-демократов» поняли, что освободилось место, ранее занятое сидящими в это время в тюрьме Руцким и Хасбулатовым. Оппозиционные партии ринулись на выборы и не агитировали против новой Конституции, фактически санкционировав государственный переворот, а народный протест выразился в голосовании за эти партии, а не в голосовании против Конституции.

Результаты выборов в Думу были страшным разочарованием для пропрезидентского демократического блока «Выбор России». Пришлось даже прекратить телетрансляцию «банкета победителей», на котором демократические лидеры праздновали победу, в которой были уверены, глядя на монитор с результатами голосования. Когда эти результаты стали ясны, один из интеллектуальных лидеров демократов Ю. Карякин сказал: «Россия, ты одурела!» Не решавшийся голосовать против власти на дихотомических голосованиях народ дал выход своему протесту при голосовании по партийным спискам. «Выбор России», несмотря на заполнившую телевидение агитацию в его пользу, получил только 15,5% голосов. Популистски-эпатажная ЛДПР получила 22,92%, и КПРФ — 12,4% голосов. На выборах во вторую Думу в декабре 1995 г. преемник «Выбора России» блок «Демократический выбор России — Объединенные демократы» получил только 3,86% голосов, а КПРФ — 39,4% и ЛДПР — 11,3%.

Голосование за оппозицию было несомненным выражением протеста против политики президента и демократов, но не означало серьезного стремления сменить верховную власть. Это выражение протеста было уже бессильным «размахиванием кулаками

---

¹ См.: *Собянин А., Суховольский В.* Демократия, ограниченная фальсификация-ми. М., 1995.

после драки». При новой Конституции оппозиционный состав парламента уже не был непосредственной угрозой для президентской власти. Действительно опасные для президента фигуры лидеров парламентской «партии» сошли со сцены, уступив место значительно более «системной», принимающей новые «правила игры» оппозиции КПрФ и эксцентричной, но совершенно безопасной квазиоппозиции Жириновского.

В новой Конституции, естественно, прописаны все права и свободы. Но полномочия президента значительно расширяются¹. Президент — глава государства, «гарант Конституции, прав и свобод человека и гражданина». Он — верховный главнокомандующий и осуществляет руководство внешней политикой. Президент назначает правительство, может сам председательствовать на его заседаниях и принимать решение об его отставке. Правительство утверждается Думой, но президент имеет право распускать Думу, если она трижды отклонит предложенную им кандидатуру премьера (причем это может быть одна и та же кандидатура) или дважды в течении трех месяцев проголосует за недоверие правительству. Более того, председатель правительства может сам потребовать голосования о доверии, и если Дума в доверии отказывает, президент может ее распустить в течение семи дней. Таким образом, над депутатами постоянно висит дамоклов меч роспуска, и законодательная власть оказывается в полной зависимости от исполнительной, которая всегда может «отправить в отставку» неудобный парламента. Президент издает указы, предлагает законопроекты, подписывает законы (для преодоления президентского вето нужно две трети голосов депутатов обеих палат), может вводить чрезвычайное положение, а в случае военной угрозы — военное положение, предлагает кандидатуры членов высших судебных инстанций, генерального прокурора, председателя Центрального банка. Процедура импичмента президента прописана, но, в отличие от предельно простой процедуры роспуска парламента, она настолько сложна, что это делает импичмент практически невозможным. (Эта 93-я статья явно обдумывалась особенно тщательно

---

¹ Хороший анализ российской конституции содержится в статье С. Нистен-Хаарала. Сравнение политических органов и конституций России и балтийских стран (В кн.: Страны Балтии и Россия Общества и государства / Под ред. Д. Фурмана. М., 2002).

но.) Пост вице-президента ликвидируется — теперь в стране есть только один «всенародно избранный», а в случае неожиданной смерти или недееспособности президента его обязанности выполняет назначенный им премьер.

Для противовеса нижней палате, Государственной Думе, половина депутатов которой избиралась по партийным спискам, а половина — в мажоритарных округах, создается верхняя палата, Совет Федерации, в которой заседают по два представителя от каждого субъекта федерации. Совет Федерации, процедура формирования которого в Конституции не прописана, вначале избирался прямым голосованием, а с декабря 1995 г. в нем стали заседать по должности главы администраций и председатели законодательных собраний «субъектов федерации». (Оппозиционная Дума проголосовала за этот закон, поскольку по соглашению с президентом одновременно был принят закон о прямых выборах глав регионов, которых Ельцин категорически не хотел, что стало некоторой победой «реакционной оппозиции» над «демократической властью» и единственным случаем усиления роли демократических институтов за весь постсоветский период.)

Конституция останавливает процесс дальнейшего «расползания» страны, уравнивая в правах русские «субъекты федерации» и национальные автономии, провозглашая верховенство федеральных законов и право президента отменять законы субъектов федерации, противоречащие федеральному законодательству. Ссылки на Федеративный договор в Конституции нет, и он фактически утрачивает силу. С ликвидацией конфликта ветвей власти у региональных властей и властей национальных республик исчезла возможность играть на противоречиях между ними, и перед президентской властью открылся путь к постепенному ограничению федерализма.

При имитационно-демократическом режиме не конституция устанавливает неизменные «правила игры», в которой победители и побежденные могут меняться местами, но пришедший к власти победитель устанавливает удобные для него, периодически меняющиеся, но гарантирующие ему постоянную победу «правила игры». Любая конституция для «безальтернативной» президентской власти, конечно, в той или иной мере является помехой. Но именно поэтому то, что было бы недостатком принятой на декабрьском 1993 г. референдуме Конституции в демократическом обществе — неопределенные формулировки, лакуны, — в имитационно-демократической системе становится достоинством. Радикальные из-

менения нашего политического устройства в направлении установления все большего контроля власти над обществом (переход от избирания Совета Федерации населением регионов к Совету, в котором «по должности» заседают губернаторы и главы региональных собраний, а от него — к фактически назначаемому Совету, переход от избрания губернаторов к их назначению, удлинение президентского срока) могли производиться без нарушения буквы Конституции и без принятия каких-либо требующих референдумов поправок. Конституция 1993 г. позволяла власти и дальше выстраивать систему гарантий своей безальтернативности, не вступая с ней в резкие и очевидные противоречия.

П. Реддевей и Д. Глински пишут, что «президентские полномочия Ельцина и Путина превосходят права американского и французского президентов, вместе взятых, и приближаются к власти царя... в квазиконституционной системе 1905 года»¹. И совсем не случайно, что нижняя палата парламента стала называться «Думой», как назывался совещательный орган при особе царя в допетровской Руси и как назывался парламент в последний «полуконституционный» период существования Российской империи. Ельцина полушутя называют «царем Борисом», и он сам стал произносить фразы вроде: «Не царское это дело!» Появились даже не слишком серьезные монархические проекты. Но они были слишком эксцентричны и излишни — Ельцин уже добился всей полноты власти.

Период революционного хаоса остался позади. До расцвета, «акме» постсоветской системы было еще далеко, и он наступил уже при преемнике Ельцина, но система уже преодолела самый острый кризис своего «детства» и вышла из него более консолидированной, сильной, «взрослой».

2.2. Первые постсоветские президентские выборы

Выборы в Думу в 1993 и 1995 гг. принесли поражение пропрезидентским демократическим партиям и стали громадным успехом ЛДПР и воссозданной компартии. Было совершенно очевидно, что электоральная база демократов быстро сужается, радикально-западническая идеология демократов и политика президента

---

¹ Reddaway P., Glinisky D. The Tragedy of Russian Reforms. Washington. 2001. P. 633.

отвергается большинством избирателей. Для громадного числа людей слова «демократия» и «демократы» (их даже называли «дерьмократы») стали ругательствами. Ностальгия по советскому прошлому росла, и было очевидно, что главным соперником Ельцина на первых постсоветских президентских выборах 16 июня 1996 г., будет лидер коммунистов Зюганов. С приближением выборов Ельцин и его окружение чувствовали себя все неувереннее. Нервозному состоянию Ельцина способствовало и то, что в 1994 г. потерпели поражение на выборах и утратили власть двое из трех подписавших Беловежские соглашения лидеров — украинский Л. Кравчук и белорусский С. Шушкевич.

То, что власть коммунистам независимо от исходов выборов все равно не отдадут, было очевидно, и об этом говорилось совершенно открыто. Возможность передачи власти оппозиции правящей группой просто не рассматривалась. О настроениях в правящей верхушке прекрасное представление дает сделанная главой превратившейся в это время в мощную «тайную полицию» Службы безопасности президента А. Коржаковым запись его разговора с В. Черномырдиным, приведенная им в его мемуарах. А. Коржаков: «Я им (коммунистам) сказал: «Смотрите, ребята, не шутите, мы власть не отдадим. ...70 лет рулили, теперь дайте нам 70 лет порулить. Вот если мы за этот срок не вырулим, тогда обратно власть отдадим». Черномырдин: «Обратно нет». А. Коржаков: «Да это я условно говорю...»¹

Вначале Ельцин, не уверенный в исходе голосования и боящийся связанного с выборами напряжения (к этому времени он перенес уже два инфаркта, третий — между первым и вторым турами и четвертый произошел сразу же после его переизбрания), планировал перенести выборы на два года, распустить Думу и запретить компартию. Соответствующие указы уже были готовы. Позже Ельцин писал: «Ситуацию я для себя сформулировал так: ценой... выхода за пределы конституционного поля — я решаю одну из своих главных задач... С компартией в России будет покончено навсегда...»². На этот путь Ельцина подталкивали «силовики» во главе с человеком, неоднократно доказывавшим свою преданность

¹ Коржаков А. Борис Ельцин: От рассвета до заката. М., 1997. С. 367, 369.

² Ельцин Б. Президентский марафон. М. 2000. С. 32. Но это не помешало ему сказать в обращении к народу в 2000 г., когда он объявил о своем уходе: «Я всегда говорил, что не отступлю от Конституции ни на шаг» (там же. С. 422).

Ельцину, всесильным тогда ельцинским фаворитом А. Коржаковым. Но победила другая точка зрения и другая, враждующая с Коржаковым и его компанией «плебеев»-силовиков «интеллигентская» и «прогрессивная» придворная группировка во главе с главным российским приватизатором и в то время — вице-премьером А. Чубайсом, призывавшая идти на выборы и победить. Группировку Чубайса поддержала ельцинская семья — жена и дочь Татьяна, которые вытолкнули на изматывающую избирательную кампанию еле живого отца и мужа. А. Коржакова и его друзей прогнали. Впоследствии Коржаков написал мемуары, рисующие жуткую картину нравов ельцинского «двора» (на мой взгляд, самые яркие и интересные мемуары этой эпохи).

С точки зрения стабильности системы группа Чубайса, безусловно, была права. Новый переворот был вполне возможен, но он означал бы создание чрезвычайной, временной ситуации, из которой потом все равно пришлось бы как-то выходить. Только что принятая Конституция была бы тут же снова нарушена, и «нормализации», которая была достигнута принятием этой Конституции, был бы нанесен удар. Россия стала бы страной переворотов, один за другим организуемых все тем же президентом, постоянно нарушающим свои присяги на верность разным конституциям. Это подрывало бы легитимность власти и разрушало бы иллюзию России, как общества, пусть с большими трудностями, но идущего по демократическому пути. Для поддерживающего Ельцина Запада это был бы уже «перебор». Между тем предлагаемый Чубайсом план организации победы на выборах только внешне казался смелым и рискованным. Ельцин не только мог победить, но фактически не мог не победить.

Говорить об общенародной поддержке в 1996 г. политики тех, кто победил в схватках за власть в 1991 и 1993 гг., никак нельзя. Нельзя говорить и о личной популярности президента, рейтинг которого в начале 1996 г. был крайне низким. То, что Ельцин очень болен, страдает запоями (на официальном языке периодические отсутствия президента объяснялись «работой с документами») и психически не всегда «адекватен»¹, было очевидно. Наблю-

---

¹ Ельцину было свойственно какое-то странное фантазирование, которое трудно назвать просто ложью, ибо, очевидно, он частично сам в него верил. Он говорил о своих никогда не бывших спортивных успехах, выдумал какую-то детективную историю вокруг своего падения с моста в 1991 г., в 1996 г. мог рассказывать,

датели и политики, не понимавшие особенностей русского народного сознания, в котором страх смены верховной власти и принятие этой власти как чего-то неизбежного и не зависящего от народа вполне может сочетаться с недовольством ее действиями и личными качествами ее носителя, пророчествовали о неминуемом поражении президента. И также ошиблись, как те, кто не верил в победу Ельцина на референдуме о доверии в 1993 г.

Как бы ни был непопулярен Ельцин, уже всю работу механизмов переноса традиционалистской лояльности к персонифицированной верховной власти на новую президентскую власть. К сожалению, не могу вспомнить, где это вычитал, но рассказ, который я запомнил, настолько ярок и так прекрасно иллюстрирует ситуацию, что я его приведу. Журналист беседовал с какой-то бедной старушкой. Старушка очень долго ругала Ельцина и добром вспоминала советскую власть. Затем журналист спрашивает ее, за кого она будет голосовать на предстоящих президентских выборах. Старушка отвечает: «За Ельцина». «Почему же не за Зюганова?». «Вот когда Зюганов станет президентом, тогда мы и будем за него голосовать». Таких старушек было очень много, и все, включая и активных противников Ельцина, и интеллигентов-демократов, в той или иной мере были такими старушками.

Страх перед сменой власти, перед возвращением революционного хаоса был сильнее недовольства властью. Даже заявления сторонников Ельцина, что власть коммунистам не отдадут вне зависимости от исхода выборов, которые в другой стране вызвали бы всеобщее возмущение, в российских условиях работали на президента. Журналист Б. Вишневецкий писал: «Немало моих знакомых, не питающих к президенту никаких симпатий, рассуждали цинично, но точно: стоит Зюганову получить больше голосов — Ельцин не уйдет из Кремля, а вызовет танки, и прольется большая кровь. Лучше уж не допускать такого развития событий»¹. (Автор тоже слышал подобные речи от своих знакомых.) Избиратели да-

---

что каждый год уже президентом, сам сажает картошку для своей семьи, рассказывал совершенно фантастические истории о рейде чеченских боевиков в село Первомайское. Разные самодурские выходки в духе купцов из пьес А. Островского вроде бросания в реку на теплоходе надоевшего ему пресс-секретаря или управление оркестром в Берлине также с очевидностью говорят о болезненных психических явлениях, естественно возникающих у человека, неожиданно оказавшегося вне всякого контроля на самой вершине власти.

¹ http://www.yabloko.ru/Publ/Book/Freedom/freedom_012.html.

вали выход своему недовольству только на выборах в Думу, которая не осознавалась как реальная власть и на деле ею не была. На действительно значимых дихотомических голосованиях, на которых проигрыш власти мог привести к серьезной дестабилизации и смене власти, они и в апреле и в декабре 1993 г. в большинстве своем голосовали за власть, не видя ей альтернативы и боясь потрясений. И «демократическая» и «реформаторская» группировка Чубайса, подтолкнувшая Ельцина к выборам, объективно делала ставку именно на это авторитарное и традиционалистское сознание народных масс.

Ельцин согласился с Чубайсом, потому что сам давно уже осознавал (или чувствовал) значение этой мощной традиционалистской поддержки, более важной для него, чем поддержка демократического меньшинства. Ельцин дистанцируется от мешающих ему своей идеологизированностью и амбициозностью, распавшихся на множество партий демократов, отодвигая их от власти. Он старается позиционировать себя уже не столько как «лидер демократического движения», сколько как традиционный русский правитель, «президент всех россиян» или даже «царь Борис», устанавливающий порядок и вновь «собирающий» русские земли. Ельцин активно вступает в интеграционную «игру» с белорусским Лукашенко, которая должна была показать народу, что начался процесс воссоздания СССР. В значительной мере для этого им предпринимается и война с сепаратистской Чечней (как и в октябре 1993 г., новая демократическая власть демонстрирует, что ей не свойственны характерные для поздней «тоталитарной» власти страхи перед пролитием крови), которая, однако, кончилась неудачей. Но и эта неудача, к выборам 1996 г. уже очевидная, не могла особенно поколебать безальтернативности президента в традиционалистском сознании большинства.

Кроме страха безвластия, боязни повторения 1991 и 1993 гг. или даже 1917 г., победе Ельцина способствовали и специфические характеристики оппозиции. Когда у власти оказывается меньшинство, пришедшее к ней неправым путем и таким же неправым путем закрепляющее власть за собой, оппозиция естественно становится «внесистемной» — «революционной» (или «контрреволюционной»). Внешне именно такой и была наша главная оппозиционная сила этого времени — КПРФ. КПРФ лишь очень условно можно считать преемницей КПСС, ибо подавляющее большинст-

во старой партноменклатурной элиты в нее не вошло и интегрировалось в новый «демократический» режим, без особых переживаний сменив идеологию. Это партия, во главе которой — представители второго и третьего эшелона советской номенклатуры, чью основную электоральную базу составляют социальные низы, лишившиеся в результате антикоммунистической революции прежнего минимального благосостояния и привычного образа жизни. В идеологии этой партии центральное место занимает ностальгия по социальным гарантиям советского прошлого и СССР как великой державе. КПРФ называла ельцинский режим антинародным и оккупационным, и на митингах коммунистов можно было услышать: «Банду Ельцина — под суд». Угрожавший сослать демократов в Сибирь и призывавший к «броску на юг» Жириновский по своей риторике также представлял собой «внесистемную» оппозицию. Однако эта «внесистемность» в громадной мере была внешней, фасадной.

Во-первых, именно своей внешней «революционностью» такая оппозиция объективно работала на власть, «подыгрывала» ей, ибо давала Ельцину возможность говорить, что альтернатива ему — ужасна, и усиливала в обществе страхи, связанные с тем, что победа оппозиционных партий на выборах будет означать возвращение хаоса и угрозу гражданской войны. Внешняя «внесистемность» оппозиции, таким образом, обслуживала систему, была ее составным элементом.

Во-вторых, в идеологии и политике оппозиции своеобразным образом отражался не только протест народных масс, который не мог принять «нормальную» демократическую форму и принимал форму «революционную», «экстремистскую», но и готовность этих масс принять власть, их страх перемены власти. Радикализм и экстремизм оппозиции были в громадной мере риторическими, эпатажными и компенсаторными. После 1993 г. внешний радикализм коммунистической (и еще более — «жириновской») оппозиции сочетался с готовностью к компромиссам и сделкам с властью, крики об оккупационном режиме — с голосованием за бюджет и за правительство. Главной мишенью нападок оппозиции были скорее «антинародный курс» и воплощавшие его президентские назначенцы, вроде Гайдара и Чубайса, а не президент, который всегда мог «скорректировать курс» и прогнать наиболее одиозных чиновников. Лидеры оппозиции добились для себя удобной и относительно стабильной политической ниши и не хотели

ею рисковать в борьбе за власть. Многие наблюдатели отмечали, что в 1996 г. Зюганов проводил свою кампанию без какой-либо надежды на успех и без энтузиазма, скорее «для видимости».

Еще одной характеристикой оппозиции, делавшей ее безопасной для власти, была ее крайняя разобщенность. Союз основной оппозиционной силы — коммунистов с «жириновцами» был невозможен. Это были конкуренты, работающие на близком «протестном» электоральном поле, их лидеры боялись утратить свои позиции, и Жириновский периодически раздражался страстными антикоммунистическими филиппиками. Фактически Жириновский выступал как «спойлер» более серьезной и идейной коммунистической оппозиции.

Но коммунистический «квазиэкстремизм» делал также невозможным и объединение «левой», коммунистической, оппозиции с оформившейся к тому времени либеральной оппозицией. Эта оппозиция, представленная, прежде всего, партией «Яблоко», имела ограниченную, в основном интеллигентскую, социальную базу и привлекала часть демократов, недовольных авторитарной трансформацией режима¹. Но как бы оппозиционные демократы ни протестовали против ельцинского авторитаризма и чеченской войны (при этом не доходя до требования предоставления независимости Чечне — лозунг «права наций на самоопределение» остался в романтическом прошлом), Ельцин все равно оставался для них «меньшим» злом по сравнению с представлявшейся совершенно ужасной перспективой коммунистического реванша². В критических ситуациях их поддержка была Ельцину гарантирована. В начале 1996 г. отвечая на вопрос, поддержат ли его на

---

¹ Даже легкие попытки взаимного «прощупывания» между коммунистами и наиболее оппозиционной демократической партией «Яблоко» вызвали большую озабоченность власти. Но лидер «Яблока» Г. Явлинский сказал, что «коммунизм — это педикулез, он появляется от бедности». И Зюганов, и Явлинский рискованным союзом предпочитали удобные оппозиционные ниши.

² Г. Явлинский в 1995 г. пишет: «Она (власть. — Д.Ф.) ...создает питательную среду для фашистов и ортодоксальных коммунистов. Поэтому мы — демократическая оппозиция власти. По отношению же к жириновцам, национал-патриотам и ортодоксальным коммунистам мы — непримиримая оппозиция» (*Явлинский Г. О российской политике. Выступления и статьи (1994–1999 гг.)*. М., 1999. С. 68). За месяц до выборов 1996 г. он заявляет: «Последовательные демократы и либералы — противники «партии власти» и, само собой, партии коммунистов» (там же. С. 169). О советском прошлом в 1999 г. он говорит как «о власти обнаглевших мерзавцев, презиравших и ненавидящих свой народ» (там же. С. 408–409).

выборах демократические силы, Ельцин сказал: «А куда они денутся!»¹

Именно такая — достаточно радикальная по своим лозунгам, чтобы давать выход протестным чувствам, достаточно внешне «страшная», чтобы пугать избирателей перспективой своего прихода к власти, довольная своей относительно стабильной политической нишей, не спешащая ее покидать, компромиссная, вялая на деле и видящая в других оппозиционных силах большее зло, чем в Ельцине, оппозиция и нужна была для победы президента в 1996 г. Квазиэкстремизм коммунистов и догматический антикоммунизм демократов дополняли друг друга и вместе обеспечивали ельцинскую «безальтернативность».

Чем ближе подходили выборы, тем выше поднимался президентский рейтинг. По данным опросов, если бы выборы состоялись в ближайшее воскресенье, за Ельцина готовы были проголосовать в январе 1996 г. — 8, в феврале — 11, в марте — 15, в апреле — 18, в мае — 28, в июне — 36%².

Власть организовала фантастическую избирательную кампанию. В ходе этой кампании объективная информация в СМИ вообще исчезла, и появление главного соперника Ельцина Г. Зюганова на телеэкранах без сопровождения какого-либо негативного комментария было практически невозможным. Деньги — и бюджетные, и взятые у напуганных «олигархов» — раздавались пресловутыми «коробками из-под ксерокса». Для молодежи организовывались бесчисленные агитационные концерты звезд шоу-бизнеса. Ельцин ездил по стране, танцевал с молодежью и обещал всем все, что угодно. Германия и Франция срочно предоставили кредиты, чтобы Ельцин смог расплатиться по долгам бюджетникам (их организовывал будущий первый путинский премьер М. Касьянов). Приглашались, очевидно, «на всякий случай — вдруг помогут», американские специалисты по избирательным кампаниям, явно мало что понимающие в российских реалиях. Перед выборами десятиmillionным тиражом издавалась специальная бесплатная газета под названием «Не дай Бог!», посвященная живописанию ужасов, которые ждут Россию в случае победы коммунистов. Для пущей убедительности опубликовали даже под-

---

¹ Явлинский Г. О российской политике. Выступления и статьи. С. 154.

² Президентские выборы 1996 года и общественное мнение. М.: ВЦИОМ. С. 64.

ложную экономическую программу КПРФ. И естественно, задействовались все возможные «административные ресурсы» (возникший тогда эвфемизм, обозначающий разные способы незаконного и квазизаконного воздействия на избирателей и фальсификации результатов выборов) местных властей. (Один из анекдотов того времени: «Победит Ельцин, он получит 52%, а Зюганов — только 51%».) Но вся эта кампания в значительной мере была «избыточной».

Громадный рост рейтинга Ельцина в 1996 г. был обусловлен не столько усилиями пропагандистов, сколько более глубокими причинами. Люди, которых страшила смена власти и сама перспектива голосования за оппозицию, были готовы убедить себя, что Ельцин не так уж плох и, во всяком случае, лучше, чем его соперники. «Триумф профессиональных имиджмейкеров» произошел только потому, что их пропаганда ложилась на готовую почву.

В первом туре выборов 16 июня президент смог обогнать всех других кандидатов, получив 35,3% (Зюганов — 32,03%, остальные голоса достались некоммунистическим оппозиционным кандидатам генералу-харизматiku А. Лебедю — 14,32, Г. Явлинскому — 7,34 и В. Жириновскому — 5,7%). После первого тура Ельцин сделал А. Лебеда секретарем Совета безопасности, и он стал агитировать за президента. «Яблоко» предоставило своим членам и сторонникам право голосовать, как они хотят, и большинству «сердце» (один из лозунгов ельцинской кампании был: «Голосуй сердцем!») подсказывало, что за коммуниста голосовать никак нельзя. Таким образом, на втором туре 3 июля большая часть голосов непрошедших некоммунистических кандидатов естественно переходила к Ельцину — «меньшему злу» для всех. В результате Ельцин получил 53,8, а Зюганов — 40,3% голосов¹.

---

¹ Есть точка зрения, что реально победил Зюганов, а преимущество Ельцина достигнуто фальсификацией. М. Делягин пишет: «Сегодня уже практически не вызывает сомнений, что на президентских выборах 1996 г. большинство проголосовало за Зюганова... Однако тот, не желая ответственности и страшась конфликта с ельцинским окружением, не стал протестовать против очевидных подтасовок и практически отказался от власти, чем и гарантировал для себя пожизненное положение “главного оппозиционера его императорского величества”» (*Делягин М. Дефолт? // Новая газета. 14.08.2009. С. 6*). Я думаю, что фальсификации в пользу Ельцина были, но несомненно, что большинство голосовавших за Явлинского, Лебеда и, очевидно, часть голосов Жириновского перешли к Ельцину, что обеспечивало бы ему победу и без фальсификаций.

Осуществись победа Зюганова, она бы стала первым случаем победы оппозиции на выборах верховной власти в русской истории. Теоретически это мог бы быть первый шаг на пути к реальной демократии, ибо возможности реставрации советского прошлого не было вообще, а возможности Зюганова построить режим безальтернативной власти были неизмеримо меньше, чем у Ельцина. Но эта победа была невозможна. В отличие от кризиса 1993 г., «смертельной» угрозы власти в 1996 г. уже не было. (Единственная угроза заключалась в том, что Ельцин мог просто не выдержать напряжения кампании и умереть.)

Второй кризис ельцинской эпохи не был настолько опасным для президентской власти и российской имитационно-демократической системы, как кризис 1993 г. Та атмосфера «судьбоносности», которая была создана вокруг выборов 1996 г. («Голосуй или проиграешь!»), отчасти была порождением естественных страхов Ельцина и его окружения, отчасти же создавалась ими сознательно для запугивания народа страшной перспективой хаоса и гражданской войны, которые могут возникнуть в случае победы оппозиции.

Тем не менее выборы 1996 г. были важной вехой в развитии нашего постсоветского режима. Они продемонстрировали и самой власти, и обществу всю мощь сформировавшейся в общих чертах системы, в которой верховная власть практически уже не зависела от одобрения народом ее политики и от общественной оценки человеческих качеств ее носителя. Не одобрение народом и воля народа определяли, кто будет президентом, а наоборот, пребывание на посту президента обеспечивало ему народное одобрение, во всяком случае, в критических ситуациях. Выборы 1996 г. в громадной мере объясняют последующую популярность и электоральную поддержку В. Путина. Если в 1996 г. мог победить Ельцин, сделавший к этому времени все возможное для падения своей популярности 1991 г., практически любой назначенный Ельциным преемник был «обречен» на электоральные триумфы.

Выборы 1996 г. фактически ликвидировали иллюзии возможности конституционной смены власти в рамках складывающейся системы. Стало очевидно, что отныне оппозиция может ставить своей целью не достижение власти, а лишь все более трудное для нее прохождение в бессильную Думу и какое-то (все более слабое) давление на власть. У электората исчезают стимулы голосовать за оппозицию, о которой заранее известно, что прийти к власти она не может (и даже не собирается). Начинается процесс отмирания оппозиции.

2.3. Кризис передачи власти

Новый острый кризис, который мог привести к падению системы, наступил в 1999 г. Это кризис передачи власти. Как во всех кризисах, в кризисе 1999 г. присутствовали и элементы случайные и элементы закономерные, «системные». Он мог разразиться раньше или позже и принять совсем иные формы, но не возникнуть он не мог.

Постсоветская российская система создавалась как система личной власти Ельцина. Но любая личная власть, даже если она никак не ограничена политически, ограничена «биологически». И переход власти от одного лица к другому в авторитарной системе — всегда в той или иной мере кризис, ибо новый правитель обязательно меняет кого-то в окружении и что-то в политике. Это всегда для одних катастрофа, для других — счастье. Если же смерть правителя наступает внезапно, а законного порядка наследования нет, это может привести к очень острому кризису, схватке за власть. Кризис, естественно, смягчается, если правитель заранее объявил наследника. Но при этом возникают другие трудности — сам факт наличия наследника порождает некоторое ослабление власти правителя. Всегда будут недовольные и мечтающие о том, что правитель «перерешит», и обязательно появится «партия наследника» — те, кто с нетерпением ждут смерти или ухода старого правителя.

В системе российского самодержавия практически каждая смерть правителя сопровождалась кризисом, и даже после принятия закона о престолонаследии, когда элемент произвола и неопределенности при переходе власти был сведен к минимуму, «партия наследника», с согласия самого наследника, Александра Первого, убила его отца Павла, а переход власти от Александра Первого к Николаю Первому сопровождался восстанием декабристов.

В советской системе наследование власти также каждый раз сопровождалось борьбой в правящей верхушке. Советскому строю было имманентно противоречие между реальными единовластием и несменяемостью руководителя и формальными процедурами его избрания партийными органами, что всегда порождало некоторую неопределенность. Формально правитель не был пожизненным, и Хрущев даже был снят. При такой системе на-

следник заранее не мог быть объявлен, и у правителя не было возможности гарантировать после своей смерти приход к власти именно того, кого он хочет, — преемника избирает Политбюро, затем происходит его утверждение, уже скорее ритуальное, Центральным комитетом и съездом партии. Но приход к власти кого-то из вне известного и узкого круга Политбюро был исключен, и переход власти к новому правителю все же был значительно более институционализирован и упорядочен, чем в постсоветских системах.

В имитационно-демократических системах разрыв между формальным и реальным механизмами управления значительно больше, чем в системе советской и, тем более, царской власти, и соответственно — значительно больше неопределенности в процессе передачи властных полномочий. «Политбюро» стало «семьей», «неформальным», с размытыми границами и очень лабильным членством, кругом близких к правителю людей, принадлежность к которому может быть никак не связана с должностью (при Ельцине — в него входили руководитель охраны Коржаков, миллиардеры Березовский и Абрамович). Формально по конституции президент выбирается народом, но поскольку это именно формально, получается, что никакого институционализованного, упорядоченного способа передачи власти просто нет. Президент может объявить преемником практически кого угодно, но в случае смерти президента его окружение может и не подчиниться его решению¹. Здесь возникает «зазор», который может привести к расколам в правящей элите, активизации общества и даже — к гибели системы. На постсоветском пространстве, кроме России, было только два случая передачи власти в подобных системах, связан-

---

¹ Естественно, что часто правители делают преемниками своих детей и создающиеся таким способом «квазидинастии» в имитационно-демократических системах имеют тенденцию максимально приближаться к «нормальным» монархическим династиям. Сын-наследник тем не менее потом все равно всенародно избирается (квазидинастии Сомосы в Никарагуа, Асадов в Сирии, Дювалье в Гаити, очевидно, Каддафи в Ливии и Мубарака в Египте). Династия Кимов возникла и в коммунистической Северной Корее. На постсоветском пространстве аналогичная династия пока что возникла только в Азербайджане. Но очень вероятно, что это не последняя такая династия в СНГ. В России идея передачи власти дочери Ельцина Татьяне Дьяченко обсуждалась, но до серьезных планов в этом направлении дело не дошло. Очень интересно, как могла бы повернуться наша история, если бы у Б. Ельцина, как у Г. Алиева, был сын, тем более — взрослый и стремящийся к власти.

ные со смертью правителя (Азербайджан и Туркмения) и оба сопровождались борьбой за наследство и острыми кризисами¹.

Россия прошла через кризис передачи власти первой, и он произошел и был разрешен не после смерти правителя, как в Азербайджане и Туркмении, а при его жизни, когда Ельцин решил добровольно уйти в отставку, гарантировав переход поста президента к избранному им преемнику.

Вряд ли стоит искать какие-то глубокие причины этого российского своеобразия, связанные с особенностями российской системы и русской культуры. Скорее всего, причины были более просты и очевидны. Это катастрофическое ухудшение здоровья Ельцина после выборов 1996 г., которое ставило его перед дилеммой — уйти и продлить жизнь, или не уходить (идти на изменение конституции и третий срок) и умереть очень скоро. Для его семьи и окружения дилемма выглядела иначе — организовать уход президента и передачу власти доверенному лицу или идти на риск преследований в случае неконтролируемого ими прихода к власти кого-то, кто таким доверенным лицом не является.

Вначале проблема преемника использовалась Ельциным скорее для проверки своего окружения на лояльность (периодически он говорил разным людям, например, Лужкову и Черномырдину, что думает о них, как о преемниках, и они, будучи умными людьми, категорически заявляли о своей неспособности и ельцинской незаменимости) и для сраживания друг с другом потенциальных претендентов. При этом человека, который действительно решал, что он — преемник, президент вскоре так или иначе убирал со сцены, как это произошло с Руцким, Лебедем, Черномырдиным. Ельцин совершенно не хотел ослаблять свою власть появлением какого-то более или менее официального «наследника», который постоянно напоминал бы ему о неизбежности его смерти или ухода,

---

¹ Несмотря на то, что в Азербайджане преемник был давно подготовлен (сын Гейдара Алиева Ильхам), его приход к власти сопровождался не только борьбой внутри алиевского клана, но и попыткой оппозиции организовать при избрании Ильхама «цветную революцию». Смерть Ниязова также привела к схватке в туркменской правящей верхушке. Спикер Атаев, который по конституции должен был встать на место Ниязова в случае его смерти, был арестован и лишен должности, а новым правителем стал Бердымухамедов. К кризисам наследования власти можно отнести и ожесточенную борьбу в семье Назарбаева, которая разгоралась в предвосхищении его смерти.

лишал бы его самого и общество в целом ощущения «безальтернативности» президента и вокруг которого неизбежно формировалась бы «партия наследника». После ликвидации не совместимой с президентским единовластием должности вице-президента по конституции 1994 г. вторым лицом в государстве становится назначаемый президентом премьер, к которому в случае смерти или отставки президента временно до новых президентских выборов должна была бы перейти власть. Таким образом, должность премьера приобретала дополнительное неформальное значение — наиболее вероятного наследника. Пока президент был относительно здоров и об уходе не думал, этот второй аспект премьерской должности был не так уж важен, но по мере быстрого дряхления Ельцина и утраты им работоспособности он становился все более значим.

С 1992 г. по март 1998 г. премьером был В. Черномырдин. И хотя он был полностью лоялен президенту, постепенно власть все более сама собой перетекала к премьеру, который в глазах общества превращался в очевидного наследника. В 1996 г., когда Ельцин был в больнице с операцией на сердце, премьер в течении суток по ельцинскому указу даже исполнял обязанности президента. (Первое, что сделал Ельцин, придя в сознание после операции, — отменил указ.) Черномырдин стал вести себя все более уверенно и самостоятельно. Его популярность особенно возросла, когда он самостоятельно публично в отсутствие находившегося за границей президента разрешил кризис с заложниками в Буденновске. Ельцин не мог смириться с этим ростом популярности и власти премьера, и после того, как Черномырдин побывал с визитом в США, где его принимали фактически как будущего главу российского государства, президент отправляет его в отставку. Впоследствии Ельцин сам говорил, что это было его ошибкой. Власть, очевидно, перешла бы к Черномырдину без особых проблем, и он явно не стал бы организовывать преследование «семьи» своего предшественника. Властолюбие и эгоизм Ельцина поставили его в трудную ситуацию — теперь ему нужно было искать не просто премьера, но именно премьера — преемника и гарантировать передачу ему власти. Начались судорожные поиски наследника и чехарда премьеров.

Отставив Черномырдина, Ельцин делает премьером не так давно приехавшего из Нижнего Новгорода и ставшего первым заместителем министра топлива и энергетики молодого и малоизвест-

ного С. Кириенко (которого народ окрестил «киндер-сюрпризом»). Не имеющий никакой своей «партии» Кириенко полностью зависим от президента. Рядом с ним Ельцин чувствовал себя одновременно и моложе, и умудренным старцем, пестующим молодежь. При этом назначением Кириенко Ельцин также демонстрирует свою власть — «кого хочу, того и назначаю». Депутатское большинство не решилось проголосовать против Кириенко и рискнуть роспуском Думы, тем более, что Ельцин грубо и открыто воздействовал на материальную заинтересованность депутатов — все телеканалы демонстрировали Ельцина, говорящего, что даст указание управделами президента решить их житейские проблемы (речь шла в основном о получении квартир в Москве).

Но именно при «реформаторском» правительстве Кириенко в августе 1998 г. разразился острейший финансовый кризис — одновременно девальвируется рубль и объявляется дефолт. Растерявшийся Ельцин отправляет Кириенко в отставку и решает вернуть Черномырдина, смирившись с мыслью о нем как об официальном преемнике. В телеобращении от 24 августа 1998 г. Ельцин говорит об этом решении: «За этим предложением стоит еще одно важное соображение: обеспечить преемственность власти в 2000 г.»¹. Но тут события принимают неожиданный для президента оборот.

Дефолт, ощущение, что президент в растерянности, бессилен и дни его сочтены, и унижение, пережитое Думой при назначении Кириенко, активизирует коммунистическую оппозицию и побуждает политическую элиту к самоорганизации и попытке самой определить преемника. Парламент, более или менее послушно проголосовавший за Кириенко, дважды отказался голосовать за вроде бы значительно более приемлемого для него Черномырдина. Перепуганный Ельцин не только не решился распустить парламент, но даже, забыв о своем антикоммунизме, предлагал пост премьер-министра коммунисту Ю. Маслюкову². В премьеры с прицелом на получение затем ельцинского наследства теперь уже открыто рвется мэр Москвы Ю. Лужков, вызывающий активное раздражение президента и его окружения. В конце концов, сошлись на более приемлемой для Ельцина, предложенной Г. Явлинским и поддерживаемой думским большинством кандидатуре бывшего

---

¹ Ельцин Б. Президентский марафон. С. 218.

² См.: *Примаков Е.* Восемь месяцев плюс... М., 2001. С. 8.

руководителя разведки, затем министра иностранных дел академика Е. Примакова.

Правительство Примакова было первым и последним правительством в постсоветской России, глава которого был реально выдвинут большинством парламента, избранного на относительно свободных выборах и которое опиралось на это большинство. Затем расхрипавшийся парламент даже возбуждает процедуру импичмента президента (импичмент был практически невозможен, но все это стоило Ельцину нервов и, очевидно, укрепило его решимость уйти).

Если Черномырдин само собой постепенно становился альтернативой президенту, человеком, ограничивающим его власть, и его естественным преемником, то опирающийся на парламентское большинство популярный Примаков, с деятельностью которого общественное мнение связывало выход из кризиса 1998 г., стал такой альтернативой с самого начала. Большинство элиты начало переориентацию на премьера, личность которого олицетворяла те черты стабильности, уравновешенности и «солидности» позднесоветского времени, которые все более вызывали ностальгические чувства. Для Ельцина Примаков стал символом конца его эпохи. А ельцинской «семьей» не зависящий от президента, ничем ему не обязанный и начавший кампанию по борьбе с коррупцией¹ премьер — потенциальный наследник стал восприниматься просто как смертельная угроза.

Но Примаков стал угрозой не только для конкретных лиц — Ельцина, его родственников, друзей и приближенных. Объективно он стал угрозой для системы. При правительстве Примакова возникло нечто вроде реального разделения власти — не классическое разделение ветвей власти, но все же наличие двух центров власти, взаимно ограничивающих друг друга, создававшее условия для усиления роли парламента и судебной системы и приближающее к «нормальному» разделению властей. Кроме того, впереди маячили выборы, которые могли стать реально альтернативными. Если Примаков выставил бы свою кандидатуру против воли Ельцина и победил какого-либо назначенного в последнюю минуту ельцинского ставленника, это был бы приход к власти не

---

¹ Примаков говорит, что амнистия должна «освободить место для тех, кого сажать будем за экономические преступления». Это высказывание Ельцин комментирует так: «Стало окончательно ясно, что популярный премьер-министр... живет в плену советских стереотипов» (*Ельцин Б. Президентский марафон. С. 298*).

назначенного правителем человека, и Россия оказалась бы очень недалеко от конца имитационно-демократической системы «безальтернативной» власти и от перехода к демократической системе ротаций. В преддверие президентских выборов уже создаются большие блоки вокруг кандидатур Примакова и Лужкова, заключивших нечто вроде союза. Но Ельцин и система в очередной раз справились с опасностями.

12 мая 1999 г. Ельцин отправляет Примакова в отставку. В написанных немного позже мемуарах он говорит: «Имел ли я право позволять Примакову... вести страну обратно к социализму...? Глубоко убежден — нет, не имел»¹. Ельцин предполагал назначить премьером министра путей сообщения Н. Аксененко, кандидатура которого уже была заявлена спикеру Думы, но буквально в последние часы передумал (или его переубедили). Новым премьером становится министр внутренних дел, а раньше — глава контрразведки и ФСБ С. Степашин. Но и «слабый» Степашин не подошел президенту и, возможно, изначально воспринимался им как временная фигура. Наконец, Ельцин и его «семья» определили преемника, выбрав человека, в то время очень мало известного не только в народе, но и в элите. Совершенно неожиданно Ельцин в августе 1999 г., отставил Степашина и назначил премьер-министром быстро поднявшегося с должности скромного чиновника петербургской мэрии до поста руководителя ФСБ, бывшего при советской власти работником КГБ среднего уровня В. Путина. Путина особенно продвигал пользовавшийся тогда большим влиянием в «семье» олигарх Б. Березовский, очень опасавшийся Примакова, при котором против него было заведено уголовное дело об отмывании денег².

Выбор Путина, произведенный в ситуации «цейтнота», несомненно, во многом был случайным. Ельцин вполне мог остановиться на какой-то иной фигуре. Хотя в своих мемуарах «Президентский марафон» он изображает дело так, как будто он давно уже принял решение сделать наследником Путина, но держал его в тайне, президент, очевидно, некоторое время колебался между

---

¹ Ельцин Б. Президентский марафон. С. 295.

² Даже много позже ставший эмигрантом и заклятым врагом Путина Б. Березовский говорит в интервью: «Если бы президентом стал Примаков, в стране уже сейчас бы случилась катастрофа» (*Медведев Ф. Я устал от XX века. Интервью на грани фола.* М., 2009. С. 472).

Путиным и ставшим вице-премьером в правительстве Степашина Н. Аксененко. Тем не менее в выборе именно Путина можно увидеть и определенные закономерные тенденции.

Самым важным, несомненно, было то, что Путин показал себя человеком «с понятиями», способным честно служить своим патронам, не слишком скованным соображениями «абстрактной законности» и способным проводить «спецоперации». После того как на выборах потерпел поражение его шеф, ленинградско-петербургский мэром и один из лидеров демократов в горбачевское время А. Собчак, он не предал его и, когда стал руководителем ФСБ, помог обвинявшемуся в коррупции Собчаку ускользнуть в Париж. Позже Путин даже плакал на похоронах Собчака. Он также доказал свою преданность ельцинской «семье», когда помог компрометации «мятежного» генерального прокурора Ю. Скуратова, что избавило ельцинское окружение от угрозы разоблачений семейной коррупции. Сочетание такой личной верности и способности проводить «спецоперации» было именно тем, что «семья» требовала от преемника. И конечно, не случайно, что в своих поисках преемника Ельцин в последние годы часто останавливался на работниках спецслужб — Примакове, Степашине, наконец, Путине. Передача власти от Ельцина — лидера «демократов», сподвижника и в какой-то мере преемника Сахарова, человека, который сам на рубеже 1980-х и 1990-х гг. испытывал большие страхи перед КГБ, к «кагэбэшнику», выглядит «иронией истории». Но это одна из очень многих «ироний» постсоветской истории и является проявлением естественной трансформации системы, возникшей в результате победы демократов в 1991 г.

Но в выборе Путина можно усмотреть и другие закономерные моменты. Ельцин выбрал человека, психологически очень отличающегося от него самого. Ельцин был крайне властолюбивым, импульсивным, плохо контролирующим себя, способным на неожиданные поступки и неуравновешенным человеком. А выбрал он человека, скорее всего, о президентстве никогда и не мечтавшего, дисциплинированного, исполнительного, почти гротескно скрытного и «застегнутого на все пуговицы»¹. В этих различиях,

---

¹ Впоследствии Путин неоднократно «срывался» и переходил на блатной язык. Но это или делалось скорее специально, чтобы понравиться народу, или эти срывы были внезапными взрывами ярости, естественными у постоянно держащего себя в руках человека. Это совсем иное, чем ельцинская невоздержанность.

как я думаю, также проявляются различия этапов развития системы. Импульсивный и властолюбивый Ельцин — «революционная» фигура. Это «харизматик», разрушитель старой системы, роль, которую никогда не смог бы выполнить Путин. Но именно те качества, которые позволили Ельцину сыграть главную роль в разрушении советской системы и СССР и прийти к власти «революционным» путем, становились дисфункциональными на этапе консолидации и упорядочения новой системы. Для этого требовался человек с совсем иными качествами. Ельцин, очевидно, в какой-то мере понимал это. Он пишет о своем выборе Путина: «Новая Россия прошла этап демократической революции. Пора возвращаться к идее государственности...»¹ Возможно также, что неизвестность Путина, то, что в 1991 г. он не играл никакой политической роли, также могла импонировать Ельцину, стремившемуся, чтобы власть перестала слишком ассоциироваться с революцией 1991 г. и разрушением СССР.

Таким образом, в избрании Ельциным и «семьей» именно Путина случайное и закономерное переплетаются, случайное предстает как форма проявления закономерных тенденций.

Естественно, что, как и в 1996 г., власть нервничает и старается «застраховываться» от всяких непредвиденных случайностей. Одним из таких «перестраховочных» актов была, очевидно, вторая чеченская война (приближение первых президентских выборов привело к первой чеченской войне, вторые выборы привели ко второй), начало которой сопровождалось темными и таинственными событиями — взрывами домов в Москве, предотвращенным взрывом в Рязани, объявленным учением ФСБ, и вторжением чеченцев в Дагестан, которому предшествовали какие-то переговоры Березовского с чеченскими командирами. Были ли они результатами «спецопераций», как в то время полагали многие, и из числа противников, и из числа сторонников Путина (журналист В. Третьяков писал о «блестящей операции наших спецслужб, заманивших Басаева и Хаттаба в Дагестан»), или нет, мы вряд ли когда-нибудь узнаем, но несомненно, что война и террор способствовали сплочению общества вокруг власти, и, прежде всего, — вокруг возглавившего борьбу с террором премьера. Путин умело пользуется ситуацией, создавая имидж жесткого и решительного человека — именно такого, о котором мечтал

---

¹ Ельцин Б. Президентский марафон. С. 238.

истосковавшийся по «сильной руке» народ. О террористах он говорит: «Мы будем преследовать террористов везде. В аэропорту — в аэропорту. Значит, вы уж меня извините, в туалете поймаем, мы и в сортире их замочим, в конце концов. Все, вопрос закрыт окончательно». Война отодвинула на второй план другие проблемы и избавила Путина от необходимости выдвигать какие-то программы — он «спасал Россию».

Перед выборами в третью Думу, назначенными на 19 декабря 1999 г., в поддержку Путина «на ровном месте» срочно создается, в громадной мере благодаря кипучей энергии и деньгам Березовского, движение «Единство», фактически имеющее в своей программе только один пункт — поддержка премьера-наследника. Кроме того, в поддержку Путина выступает правая партия СПС (остаток и отпрыск когда-то мощного демократического движения), для которой Примаков казался слишком связанным с коммунистами и недостаточно «прорыночным» — при всей традиционной ненависти демократов к КГБ, их антикоммунизм был сильнее и в очередной раз подсказал им политический выбор в пользу имитационной, а не реальной демократии. Власть предпринимает все возможные усилия, чтобы «Единство» и СПС обогнали на выборах примаковско-лужковский блок «Отечество — вся Россия». Губернаторам угрожают компроматом и приманивают их денежными субсидиями. Блок «Отечество—Вся Россия», робкая попытка самоорганизации элиты, тает в лучах восходящего солнца. Как только обозначился «настоящий» преемник, элита тут же начинает переориентацию на него. «Единство» на выборах выходит на второе место после коммунистов. КПРФ получила 24,2% голосов, «Единство» — 23,3%, «Отечество — Вся Россия» — 13,3%, СПС — 8,5%, Блок Жириновского — 6%, «Яблоко» — 3,9%.

Тридцать первого декабря 1999 г. Ельцин объявил о своем уходе в отставку, сделав Путина, таким образом, исполняющим обязанности президента, в соответствии с Конституцией. «Историческая фраза», которую он произнес при передаче полномочий была: «Берегите Россию!» Позже в телеобращении 23 апреля 2007 г. в связи со смертью Ельцина Путин скажет: «Мы сделаем все, чтобы память о Борисе Николаевиче Ельцине, его благородные помыслы, его слова “берегите Россию” всегда служили нам нравственным и политическим ориентиром»¹. Естественно, что

¹ <http://www.rian.ru/society/20070423/64220385.html>.

первый путинский указ гарантировал Ельцину и членам его семьи иммунитет от судебных преследований в связи с действиями, совершенными в период ельцинского президентства. Телевидение показало сцену, напоминающую сцены из детективов, — как Ельцин, только получив из рук Путина этот его указ, передал ему свой о назначении его исполняющим обязанности президента.

К досрочным выборам Путин приходит уже как человек, обладающий всей полнотой власти и опирающийся на массовую поддержку, организуемую «Единым» и СПС. Действительно опасные для Путина противники — затравленные контролируемыми Березовским СМИ Примаков, типичный позднесоветский вельможа, психологически не способный к открытой публичной борьбе, и московский мэр Лужков, против которого по телевидению стали звучать обвинения не только в коррупции (жена Лужкова — бизнес-леди, стоящая во главе строительной фирмы, за годы мэрства своего мужа сколотившая многомиллиардное состояние и ставшая самой богатой женщиной Европы), но даже в организации убийства мешавшего ему бизнесмена, отказываются от борьбы. Остаются только старые соперники Ельцина, уже проигравшие в 1996 г. Зюганов, Жириновский и Явлинский, и совсем несерьезные кандидаты, выдвигавшиеся только для того, чтобы их имя прозвучало в СМИ. Путин, понимая (или ощущая) традиционалистский источник своей поддержки, ведет себя не как кандидат — соперник других кандидатов. Он не выдвигает никакой программы и ни с кем не полемизирует. Он — власть, и голосование за него должно быть не голосованием за одну из возможных альтернатив, а выражением лояльности российской власти. Тем более — тогда, когда страна в опасности и целостность России под угрозой. 22 марта 2000 г. Путин побеждает в первом же туре, что не удалось Ельцину в 1996 г. Путин получил 52,94, Зюганов — 29,2, Явлинский — 5,2, Жириновский — 2,7% голосов. Блок «Отечество — Вся Россия» быстро рассыпается, и его «остатки» затем объединяются с созданным в поддержку Путина «Единым» в «Единую Россию».

Большинство народа с энтузиазмом проголосовало за нового президента, сменившего нелюбимого Ельцина и одновременно олицетворяющего возвращение традиционного характера власти, ее фактической независимости от народа (и даже от элиты). Часть низших социальных слоев, наиболее потерявших от реформ и являющихся носителями традиционалистского сознания, которые

раньше голосовали против Ельцина, против власти, которая не воспринималась ими как «настоящая», легитимная, на этот раз проголосовали за власть, «признали» ее.

Опаснейший кризис преемственности власти, в ходе которого возникла возможность краха системы и начала реального перехода к демократии, был благополучно разрешен. И его преодоление означало громадное укрепление системы. Власть продемонстрировала свою колоссальную силу и независимость от общества. Непопулярный президент назначает «в последнюю минуту» никому не известного человека, и этот человек избирается триумфально. Попытка элиты самоорганизоваться пресекается на корню. Система «деперсонифицируется», освобождается от слишком большой связи с личностью ее создателя, зависимости от его жизни. Она входит в период своей зрелости и расцвета.

С избранием Путина процесс построения системы безальтернативной президентской власти был в основном завершен, через самые острые политические кризисы, «болезни роста», система уже прошла, и никаких сколь-либо серьезных и опасных для власти кризисов на путинскую эпоху уже не приходится. Путин не борется, как Ельцин, за сохранение своей власти (а фактически — и своей жизни) с многочисленными врагами, а «спокойно достраивает» уже в основном построенное его предшественником (а можно сказать и — построенное при его предшественнике всем российским обществом) здание. Поэтому далее я буду описывать эволюцию системы не в хронологической последовательности, от кризиса к кризису, а по функциональным направлениям.

2.4. Подавление сепаратизма и подчинение региональных властей

Одной из важнейших задач, стоявших перед Путиным, была централизация управления российским пространством и подавление сепаратистских, автономистских и федералистских тенденций. Субъективно Путин, очевидно, именно в этом («сохранении целостности России») видел свою основную задачу и в своей книге-интервью «От первого лица» он рисует эсхатологическую картину распада государства, который может произойти, если не остановить чеченцев и не упорядочить отношения центра и периферии:

«Кавказ отошел бы весь, это же понятно... потом вверх по Волге — Башкортостан, Татарстан. Вы знаете, когда я представлял себе реальные последствия — меня оторопь брала. Я думал... сколько беженцев смогут принять Европа, Америка?.. Или пришлось бы согласиться на раздел страны...»¹. Психологически такое преувеличение понятно — задача укрепления своей власти приобретает, таким образом, характер миссии по спасению не только России, но чуть ли не всего человечества, включая Европу и Америку, ради осуществления которой можно быть не слишком разборчивым в средствах. Но на деле здесь, как и в других сферах, основная работа была уже проделана при Ельцине. Принятие конституции уже приостановило процессы «расползания» российского пространства, а истерзанная, впадающая в анархию и оказавшаяся после хасавюртовских соглашений в неопределенном и безнадежном положении Чечня никак не могла служить вдохновляющим примером для потенциальных сепаратистов в других республиках. Но Путин закрепляет достигнутое до него и проводит линию на централизацию дальше.

Прежде всего Путин предпринимает вторую русско-чеченскую войну (реальная картина начала этой войны совершенно не ясна и будет воссоздана, скорее всего, только через много лет). На этот раз Российской армии удастся разбить организованные формирования чеченского сопротивления, и Чечня формально вновь вводится в административное пространство Российской Федерации (фактически она скорее — вассальное авторитарное государство, во внутренние отношения в котором Москва вмешивается очень мало). Это способствовало некоторому психологическому подъему в российском обществе и росту популярности Путина («Россия перестала отступать, русское оружие вновь побеждает») и открыло для нового президента путь дальнейшей централизации управления страной.

При Ельцине контроль центра над региональными властями, особенно после перехода к прямым выборам губернаторов, был очень относительным и, скорее, косвенным. Он осуществлялся через финансовые рычаги, через представителей президента в регионах (последний инструмент не был очень эффективным, ибо они или отторгались местными элитами, или, наоборот, кооптировались ими) и через поддержку соперничающих с губернатором

---

¹ От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. М., 2000. С. 135–136.

ми мэров региональных столиц. Теперь Путин стремится включить региональные власти в единую бюрократическую властную вертикаль. В мае 2000 года президентским указом страна разделяется на семь федеральных округов, каждый из которых включает в себя ряд субъектов федерации. Во главе них — назначаемые президентом представители, в основном — «силовики». Это усиливает управляемость и контроль над избираемыми губернаторами и местными элитами и резко снижает статус национальных автономных образований («республик в составе Российской Федерации»). Еще недавно претендующие на «суверенитет» и договорные отношения с Россией национальные республики оказываются не просто частью российской территории, но частью ее административных подразделений¹. Проводится работа по приведению принятого регионами законодательства в соответствие с российской конституцией. Путин также резко ограничивает финансовую самостоятельность регионов, сосредотачивая в Центре большую часть налоговых поступлений.

Меняется способ формирования Совета Федерации. Вначале (январь 1994 — январь 1996 гг.) он состоял из представителей регионов, избираемых населением. В 1995 г. был принят закон о Совете Федерации, в соответствии с которым в нем стали «по должности» заседать все избранные губернаторы и председатели законодательных собраний. В 2000 г. по новому закону «сенаторы» стали назначаться губернаторами и законодательными собраниями. Это означало лишение губернаторов депутатского иммунитета и одновременно ослабило значение Совета, который перестал быть собранием региональных «баронов», успевшим несколько раз продемонстрировать свою строптивость.

Следующим этапом становится переход в 2004 г. от прямых выборов глав областей и республик к их фактическому назначению президентом. Кандидатуры отныне предлагаются президентом региональным законодательным собраниям, которые их утверждают, президент может указом сместить губернатора и имеет право временно отстранить его от должности. (Путин почему-то вос-

---

¹ Позже происходит несколько слияний субъектов федерации, причем маленькие национальные регионы — Коми-Пермяцкий и бурятские Усть-Ордынский и Агинский — в ходе этих слияний растворяются в больших русских. Но попытка включить Адыгею в Краснодарский край вызывает сильное сопротивление и слияния прекращаются. Трогать взрывоопасные северокавказские республики власть опасается.

пользовался для введения этой меры террористическим актом-захватом заложников в Беслане, который, по его мнению, продемонстрировал необходимость еще большего укрепления «вертикали власти». Впрочем, когда правитель стремится к усилению своей власти, любое событие представляется ему аргументом в пользу этого усиления.) Поскольку губернаторы фактически сами стали теперь назначенцами, их представители в Совете Федерации стали назначенцами назначенцев. Совет Федерации превратился из влиятельного органа, представляющего региональные элиты, в собрание полностью зависимых от власти и часто мало связанных со «своим» регионом случайных людей. (В 2009 г. при Медведеве путинский закон о формировании Совета Федерации был несколько подкорректирован. Теперь «сенаторами» могут избираться и назначаться только депутаты региональных собраний или органов местного самоуправления.)

При этом одновременно Путин снял все ограничения на сроки пребывания губернаторов в должности. Нелояльный губернатор, таким образом, может быть тут же снят, но лояльный может править регионом до самой смерти. (По состоянию на октябрь 2009 г. в России 2 руководителя субъектов федерации управляют своими регионами с 1990 г., 6 — с 1991 г., 1 — с 1992 г. и 3 — с 1993 г.)

Последовательная ликвидация угроз для центральной власти, которые могли появиться от региональных обществ и властей, фактически привела к ликвидации федеративного характера государства, реально не совместимого с президентской безальтернативностью. Как в СССР, формальный конституционный федерализм в путинской России сочетается с фактически полной централизацией. Но опять-таки, как и в СССР, особенно на позднем этапе его существования, эта централизация тоже в громадной мере ограничена и формальна.

Как в позднем СССР, так и в постсоветской России, от местных властей требуется полная лояльность, но в обмен им оставляется большая свобода рук в управлении. Система отношений центра (стремящегося прежде всего к стабильности) и периферии в какой-то мере напоминает феодальную систему, где вассал служит сюзерену, но сюзерен не вмешивается в отношения вассала с его поданными. Особенно это относится к национальным регионам, представляющих собой относительно закрытые общества, отношения в которых не «прозрачны» для Кремля и потенциального сепаратизма которых Кремль побаивается. Наиболее независима

в своей внутренней жизни «замиренная» Чечня, правитель которой Р. Кадыров безоговорочно лично предан Путину и каждый раз выдает идеальные для власти и совершенно фантастические результаты выборов, но правит у себя, практически не считаясь с российскими законами. Кадыров, равно как и правящие в своих регионах с «незапамятных времен» Шаймиев, Рахимов, Илюмжинов — это аналоги безоговорочно преданных «руководству КПСС и лично генеральному секретарю» Кунаевых, Рашидовых, Алиевых, выстроивших относительно эффективные системы управления в своих республиках, что позволило им затем без особых потрясений превратить свои вотчины в независимые государства.

2.5. Подчинение «олигархов» и СМИ

Приватизация имела не только экономический, но и политический смысл. Создавался класс собственников, кровно заинтересованных в формирующейся социально-политической системе и страшщихся коммунистического реванша. Причем таких собственников, которые были заинтересованы не просто в системе, но и в сохранении власти именно у Ельцина.

Дело в том, что приватизация, что было неизбежно в ситуации «безальтернативной» и фактически бесконтрольной власти, проходила в громадной мере по произволу самой власти и с многочисленными нарушениями действующих законов. Радикально-демократическая идеология позволяла российским демократам смотреть на это очень спокойно, ибо главным делом они считали скорейшее построение капитализма, рассчитывая, что рыночные механизмы сами расставят все на свои места. А. Чубайс так формулирует эту установку реформаторов-приватизаторов: «Вперед, к частной собственности, в капитализм. Либо назад, в коммунизм (или какое-то новое красное, которое, по моему глубокому убеждению, не могло не быть кровавым)... У нас была одна проблема: все, что способствовало отрыву страны от коммунизма, — все должно быть сделано настолько, насколько это возможно»¹.

Дальнейшее обогащение и спокойная жизнь «олигархов» также были неразрывно связаны с «крышей», которой служила для

---

¹ Приватизация по-русски / Под ред. А. Чубайса. М., 1999. С. 313.

них президентская власть. У менее крупных собственников были свои, менее могучие, «крыши» в государственном аппарате. Одновременно олигархические богатства служили «карманом» для президента. Не случайно «олигарха» Р. Абрамовича называли «кассиром» семьи Ельцина.

«Сомнительное» происхождение крупнейших состояний и «презумпция» их нечестного происхождения в глазах большинства¹ усиливало у олигархов чувство тревоги. Тем более что среди владельцев самых больших состояний значительное место занимали евреи (ими в 1998 г. возглавлялись семь из девяти крупнейших банков), что, возможно, объясняется не только культурными и социально-психологическими причинами, но и тем, что власти легче было иметь дело с людьми «этнически уязвимыми» и видящими в ней заступницу от народного антисемитизма, силу которого олигархи-евреи, естественно, были склонны преувеличивать². Крупные собственники понимали, что приход к власти оппозиции, не только, коммунистической, но любой, угрожает расследованием обстоятельств их обогащения и «переделом собственности», что стало для них «кошмаром, преследующим в ночи». Тесно связанные с криминалом, создавшие свои службы безопасности, где работали ушедшие со службы видные чины КГБ, и контролирующие СМИ олигархи постоянно боролись друг с другом, интригуя друг против друга в Кремле, выливая друг на друга компромат и даже организуя убийства и покушения. Но когда возникала опасность для власти, они могли выступать сплоченно. В 1996 г. сплотившиеся «олигархи» затратили колоссальные суммы на избирательную кампанию Ельцина, за что власть расплатилась, организовав переход в их собственность ряда еще не приватизированных крупных предприятий (через пресловутые залоговые аукционы).

После 1996 г. в отношениях олигархов к власти обозначилась новая тенденция. Олигархи «обнаглели». Сосредоточив в своих руках колоссальные богатства, придя в 1996 г. на помощь власти

---

¹ В двух опросах в 2006 и 2008 г. 70% опрошенных согласились с тем, что в современной России нельзя честно заработать миллионы (Общественное мнение — 2008. Ежегодник. М., 2008. С. 94).

² Очень интересным фактом является то, что, несмотря на явно еврейское происхождение многих олигархов и на всеобщую убежденность в «неправедном» происхождении их богатств, опросы не фиксируют в постсоветский период никакого роста антисемитизма.

по ее просьбе, они резко выросли в собственных глазах. Высокая степень самооценки олигархов породила стремление к частичной конверсии богатства в политическую власть и общественный статус. Некоторые олигархи сами становятся депутатами и участниками исполнительной власти, пытаются воздействовать на политику, прежде всего, в чисто личных интересах, борясь с конкурентами и используя свое положение для дальнейшего усиления и обогащения. В 1999 г. самый амбициозный из них, Березовский, возможно, сыграл роль в том, что Ельцин в поисках преемника остановился именно на Путине (определить реальный масштаб сыгранной им роли невозможно: сам Березовский, конечно, склонен к ее преувеличению), и вполне вероятно — в подготовке второй чеченской войны. Участие Березовского в организации «Единства» и его избирательной кампании несомненно.

Задача «обуздания» олигархов обозначилась при Ельцине (он даже как-то угрожал надоевшему ему Березовскому отправить его в Израиль), но успешно решена она была при его преемнике. Хотя и самим «олигархам», и многим наблюдателям казалось, что они — могучие политические фигуры (сам термин «олигарх» отражает эти представления, возникает даже термин «семибанкирщина» по образцу «семибоярщины» — боярского правительства в период Смутного времени) и чуть ли не реальные правители России¹, в действительности зависимость власти от олигархов была скорее иллюзорной, а зависимость олигархов от власти — вполне реальной. Квазизаконный характер приватизации и обретения крупнейших состояний открывал для президента громадные возможности контролировать «олигархов». Власть в любой момент могла «вынуть из шкафа» дела о приватизации, уплате налогов и т.д. и организовать преследование ставших «неуправляемыми» и политически опасными магнатов даже на совершенно законных основаниях (это, конечно, облегчается значительной фактической подчиненностью судов президентской «властной вертика-

---

¹ Б. Березовский стал пропагандировать даже идею естественности власти крупного капитала. Он мог говорить руководителю ФСБ М. Барсукову: «Если вы не понимаете, что мы пришли к власти, то мы вас просто уберем. Вам придется служить нашим деньгам, капиталу» (*Коржаков А.* Борис Ельцин: от рассвета до заката. М. 1997. С. 289). Очень вероятно, что Березовский верил, что на Западе правит крупный капитал, как это изображала советская пропаганда, но считал, что так и надо, демонстрируя, тем самым, еще одну форму уродливого влияния вульгарного марксизма на постсоветское антикоммунистическое сознание.

ли»). Сам Ельцин писал: «При несовершенстве нашей налоговой системы, нашей бухгалтерской отчетности «привлечь и посадить» можно... практически любого человека»¹.

Путин проделывает эту операцию по отношению к трем крупнейшим и самым амбициозным «олигархам». Двое из них в результате оказываются в эмиграции, потеряв значительную часть состояний. (В. Гусинский, медиа-магнат, связанный с Лужковым и «московской группировкой», в период кризиса преемственности власти бывший активным противником Путина, и Б. Березовский, которому, напротив, Путин едва ли не был обязан своим президентством и которому, правда, по словам самого олигарха, в период своего прихода к власти он говорил: «...Ты для меня больше, чем брат»².) Третий, самый богатый и самый опасный (прежде всего, потому что, в отличие от других, его деятельность имела некоторую демократическую и правовую идейную мотивацию, он стремился к более «прозрачным» отношениям власти и бизнеса и сознательно поддерживал деньгами оппозицию, даже коммунистическую) М. Ходорковский — в тюрьме. Компания Ходорковского была обанкрочена, а ее активы перешли в руки близких к президенту лиц. Арест в 2003 г. Ходорковского³ и последующая ликвидация его «империи» — переломный момент в отношениях власти и крупного бизнеса.

Ненавидящий олигархов народ приветствовал расправу над ними, которая только усиливала престиж власти. Какие-либо серьезные проявления оппозиционности в олигархической среде отныне прекращаются. Но прекращаются и преследования олигархов и антиолигархическая кампания в СМИ. Как и от региональных «баронов», от олигархов власть требует, прежде всего, лояльности, но если эта лояльность подтверждена, их оставляют

¹ Ельцин Б. Президентский марафон. С. 274. С утверждением: «Любой бизнесмен по желанию властей может быть лишен своего бизнеса и собственности и приговорен к лишению свободы» в 2007 г. согласились 40%, а в 2008 г. — 35% опрошенных. (Общественное мнение — 2008. М., 2008. С. 95).

² Гордон Д. Березовский и Коржаков. Кремлевские тайны. Киев, 2008. С. 46. Естественно, что придя к власти, Путин не мог терпеть рядом с собой такого человека и должен был избавиться от него в первую очередь. На пресс-конференции 18.01.2001 г. на вопрос о Березовском Путин отвечает: «Борис Березовский — кто это?», перефразируя, очевидно, задевший его вопрос, адресованный российской делегации, прозвучавший на Давосском форуме: «Кто такой мистер Путин?».

³ Сейчас, судя по всему, власть панически боится выхода из тюрьмы Ходорковского, показавшего себя мужественным человеком и даже завоевавшего некоторые народные симпатии.

в покое и позволяют поражать мир экстравагантным использованием своих сказочных богатств¹.

Установление при Путине большего контроля над собственниками имело целью, прежде всего, обеспечение их политической подчиненности. Но происходит усиление контроля президента и правящей верхушки над бизнесом и в чисто экономической сфере. Наиболее важные отрасли экономики президент стремится контролировать непосредственно через подчиненных и доверенных лиц, а не через частных собственников, преданность которых всегда относительна. Государство «возвращается» в экономику в виде крупнейших государственно-частных компаний, контролирующих «стратегически» наиболее важные и доходные сырьевые отрасли. Складывается система теснейшим образом связанного с властью «государственно-монополистического» капитала. Такая система, очевидно, адекватна сложившейся имитационно-демократической системе безальтернативной президентской власти, стремящейся обезопасить себя от политических угроз, возникающих в экономической сфере. В имитационно-демократической системе «настоящие» рыночные отношения невозможны — квазидемократии соответствует квазирынок.

В ранний период эволюции системы контроль над СМИ, отпущенными на свободу во время перестройки, был невозможен и не нужен. Большая часть журналистов (как и большинство интеллигенции в целом) были демократами и поддерживали Ельцина «не за страх, а за совесть». Абсолютно необъективное освещение деятельности оппозиции, особенно в критические периоды конфликта с парламентом и в 1996 г., создавалось не контролем над СМИ, а по «зову сердца» редакторов и журналистов. Но после 1993 и 1996 гг. страх власти перед коммунистической оппозицией ослабевает. Между тем СМИ, постепенно переходящие в руки

---

¹ Схожие процессы происходили и в других постсоветских государствах. Аналогами наших олигархов, ушедших в политику и вступивших в конфликт с властью, в Казахстане являются бывший одно время даже премьером и находящийся сейчас в эмиграции А. Кажегельдин и прошедшие через тюрьму Г. Жакиянов и М. Аблязов. В Азербайджане — считавшийся «кассиром» алиевской семьи бывший спикером парламента и тоже находящийся в эмиграции Р. Кулиев. Все они были обвинены в экономических преступлениях, как в них же обвинил и посадил в тюрьму в Киргизии президент Акаев Ф. Кулова, в Белоруссии — Лукашенко А. Климова и В. Леонова.

олигархов, все более используются ими в лоббистских целях и как политическое оружие в междоусобных схватках. Находящиеся в руках одного олигарха СМИ выливают компромат на крупных чиновников и политиков, поддерживающих другого, и ошеломленные телезрители видят то министра юстиции в бане с голыми девочками, то «человека, похожего на генерального прокурора» в постели сразу с двумя проститутками, а газеты помещают распечатки записей тайных телефонных переговоров Березовского с чеченскими полевыми командирами и бесконечные истории про коррупцию в «высших эшелонах». Это делало необходимым установление контроля власти над СМИ.

Особое значение имело, несомненно, телевидение. В период избирательной кампании 2000 г. разгорелась настоящая информационная война между НТВ — телекомпанией Гусинского (противника Путина) и телекомпанией ОРТ, поддерживавшего Путина Березовского. Естественно, что после прихода Путина к власти первым потерял НТВ Гусинский, но затем настала очередь и обнаглевшего Березовского. Ликвидация непокорных и подчинение остальных олигархов означали установление прямого или косвенного (через лояльных собственников) контроля власти над СМИ.

Сейчас телевидение превратилось в рупор правительственной пропаганды, по стилистике подачи политических новостей все более напоминающий советское телевидение. Контроль над печатными СМИ — не столь строгий, но также резко возрос.

2.6. Создание «Единой России», движение к «квазиоднопартийности» и установление контроля над парламентом

Политика российской власти по отношению к политическим движениям и партиям прodelывает эволюцию, в которой мы можем различить три этапа.

На первом этапе Ельцин — неформальный лидер и «знамя» движения «Демократическая Россия», основной ударной силы в революционных процессах, приведших его к власти. Но уже в ходе борьбы за власть он начинает понимать, что поддержка пусть влиятельного и активного, но меньшинства для него недостаточна и что одновременно во всех критических ситуациях она ему и так гарантирована («куда они денутся?»). Кроме того, он не

хочет, чтобы это амбициозное меньшинство вмешивалось в его дела и указывало ему, что делать. Ельцин начинает потихоньку дистанцироваться от интеллигентов-демократов — процесс, ускорившийся после завоевания власти, когда демократы стали дробиться на отдельные партии и течения, а узость их электоральной базы на первых же выборах в Думу стала очевидной. В то же самое время стала очевидной и проявившаяся на референдумах 1993 г. мощь традиционалистской поддержки верховной власти. Одновременно интеллигенты-демократы используются Ельциным в качестве идеологически мотивированных проводников наиболее рискованных и непопулярных рыночных реформ. В этой роли их было легко сделать «козлами отпущения», периодически избавляясь от них под давлением оппозиции и периодически вновь приближая кого-то из этой когорты (так падал и вновь возвышался «непотопляемый» А. Чубайс). Таким образом, борьба левой оппозиции из борьбы за власть превращалась в борьбу за влияние на власть и против одной из придворных группировок, за «царя» против обманывающих его «бояр» (Гайдара, Чубайса и т.д.). Эффектно звучавший лозунг «смены курса» не мог особенно пугать Ельцина, который за свою жизнь несколько раз радикально менял курс и идеологию. С другой стороны, демократы также не могли стать реальной оппозицией и связывали свои надежды не с приходом к власти, а с тем, что президент все-таки будет продолжать «курс реформ», освободится от «дурных влияний» (Коржаков, Скоков и т.д.) и вновь их призовет.

Ельцин постулирует себя как беспартийный и надпартийный «президент всех россиян». Он и его окружение стремятся как-то упорядочить партийную систему, создав умеренные и удобные правые и левые партии, которые потеснили бы коммунистов и не полностью контролируемых демократов, но серьезных усилий в этом направлении не предпринимают. Попытка создания «пропрезидентской» партии «Наш дом — Россия» (НДР) не получила поддержки президента (он видел в ней скорее инструмент усиления премьера Черномырдина, которое начало его раздражать) и фактически провалилась (на выборах во вторую Думу НДР получила только около 10% голосов), а призванный стать более умеренным соперником коммунистов на левом фланге «Блок Ивана Рыбкина» вообще не преодолел избирательного барьера.

Ситуация меняется в период перехода власти от Ельцина к Путину и при Путине. Власть сначала создает поддерживающее Путина

движение «Единство», и это движение, процесс организации которого начался только в сентябре 1999 г., уже в декабре на выборах в Третью Думу получает 23% голосов, обогнав, что оно и призвано было сделать, блок «Отечество — Вся Россия», сформировавшийся из спонтанно возникших в 1998 г. движений как результат попытки самоорганизации элиты во время кризиса и политической неопределенности. Затем в 2002 г. организуется объединение «Единства» с утратившими смысл своего существования «Отечеством» и «Всей Россией» в пропрезидентскую партию «Единая Россия». Внешне ситуация начинает напоминать ситуацию раннего ельцинского времени — если Ельцин был «вождем» Демократической России, то Путин — Единой. (Названия пропрезидентских движений и партий отражают смещение идеологических акцентов: «Демократическая Россия», затем нейтральное название «Наш дом — Россия», затем «Единая Россия»).

Но это только внешнее сходство. Если «Демократическая Россия» была движением, возникшим спонтанно, совершенно независимо и от тогдашней власти, и от Ельцина, имевшим свою идеологию и потенциально способным ограничивать ельцинскую власть, то «Единая Россия» — организация, появившаяся по воле власти и никакой самостоятельной идеологии не имеющая. Электоральная поддержка «Единой России» — это перенос лояльности к «государю» на партию «государевых слуг». «Единая Россия» нужна власти для дисциплинирования элиты и установления через собственную партию контроля над Думой и региональными законодательными собраниями, для четкого разграничения «своих», безоговорочно лояльных, и тех, чья лояльность может быть под вопросом, и для создания механизма, облегчающего подбор кадров. Но оказывать какое-либо давление на Путина, как-то ограничивать его власть она не могла.

Общая эволюция общественных настроений, постепенный перенос лояльности к президенту на президентскую партию, сосредоточение в руках власти или зависящих от власти собственников медиаресурсов, громадные возможности в использовании «административных» ресурсов, меры по ограничению возможностей создания новых «спонтанных» партий, запрещение избирательных блоков, увеличение избирательного барьера с 5 до 7%, отказ от мажоритарных выборов и переход к голосованию по спискам — все это способствует громадным успехам этой партии, создавшей даже свой аналог комсомола — организацию «Наши».

Фракция «Единой России» (ЕР), усиленная перебежчиками из других фракций и депутатами-одномандатниками, получает конституционное большинство уже в третьей Думе. На выборах в четвертую Думу в 2003 г. Единая Россия получает 37,6, коммунисты — 12,6, ЛДПР — 11,45% голосов, созданный Кремлем «спойлер», призванный перехватить часть коммунистического электората, «Родина» — 9%. Либеральные партии в Думу вообще не прошли. На выборах в пятую Думу в 2007 г. ЕР получила уже 64,3% голосов, коммунисты — 11,57%, ЛДПР — 8,14%. Также пропрезидентская, но вроде бы более левая «Справедливая Россия», созданная как «спойлер» левой оппозиции по образцу раннего и неудачного «Блока И. Рыбкина» и для создания фасадного плюрализма — 7,74%. Парламент окончательно перестает быть «головной болью» президента и полностью контролируется «Единой Россией», в которой в 2008 г. состояло 1800 тысяч человек. Возникает вполне реальная и даже довольно легкая возможность установления однопартийной или «квазиоднопартийной»¹ системы, возвращения советской партийной системы власти «на новом высшем (или низшем) этапе».

Тем не менее власть сама не дает этому процессу завершиться и, похоже, что он остановился буквально «в двух шагах» от своего логического конца. О причинах этого будет сказано ниже.

2.7. Политика как серия «спецопераций» и усиление роли спецслужб

Усиление роли спецслужб и массовый приход при Путине во власть бывших и нынешних работников КГБ—ФСБ² в какой-то мере — результат действия относительно случайного фактора,

---

¹ Это именно «квазиоднопартийность». Во-первых, установление формальной однопартийности противоречило бы самой природе имитационно-демократической системы. Поэтому власть обязательно сохраняла бы какие-то партии—дублеры или даже псевдооппозиционные партии. Во-вторых, «Единая Россия», в отличие от КПСС (как и в отличие от «Демократической России»), не имеет собственных идеологических основ и собственного, отличного от президентского, авторитета. Это — «квазипартия».

² О массивном подъеме в правящий слой при Путине работников спецслужб, особенно ленинградского (петербургского) происхождения (см.: Крыштановская О. *Анатомия российской элиты*. М., 2005).

«кагэбэшного» генезиса нашего второго президента, естественно переносившего в управление государством свои навыки и также естественно стремящегося опереться на людей, на чью личную преданность и корпоративную лояльность он может рассчитывать. Известна шутка второго президента в его выступлении на банкете по случаю Дня чекиста в 2000 г., когда он сказал, что поставленное перед ним задание по завоеванию власти полностью выполнено. Через год на таком же банкете он повторил эту шутку. Зал каждый раз взрывался аплодисментами¹.

Но как в избрании Ельциным преемником именно работника КГБ, так и в усилении «кагэбэшников» есть определенная закономерность. Дело в том, что в имитационно-демократической системе управление не может осуществляться в соответствии с формальными правовыми нормами. Обеспечить безальтернативность власти можно, лишь нарушая или обходя эти нормы, действуя где-то на грани законного и незаконного или вообще за пределами закона. Устранение опасных кандидатов и обеспечение нужных результатов голосований², контроль над высшей бюрократией, олигархами и региональными «баронами», их проверки на лояльность, подбор компромата на них, организация процессов против непослушных олигархов, подбор кадров на высшие должности, передача стратегически важных объектов в собственность доверенных людей, и т.д. — все эти необходимые для поддержания системы действия по сути своей представляют «тайные спецоперации». Они становятся не чем-то исключительным, а постоянным и важнейшим аспектом любого политического действия. Но для проведения таких операций наиболее подходят специалисты в этой сфере.

Тенденция к усилению роли спецслужб прослеживается уже при Ельцине. Ельцин не очень-то доверял старым, унаследован-

---

¹ Роль «питерских», ленинградских знакомых Путина, прежде всего бывших работников КГБ, аналогична роли региональных и родственных кланов, к которым принадлежат президенты в азиатских постсоветских республиках, например, нахичеванцев в Азербайджане, а также роли ельцинской «семьи», а если вспомнить более старую историю — то и роли «днепропетровских» при Брежнев.

² В книге мемуаров Коржакова приведен замечательный документ — утвержденные Ельциным «Общие принципы работы с оппонентами». В нем есть такие пункты: «4.2 «Отсечение» оппонентов от источников финансирования и информационных каналов; 4.3. Осуществление скрытого воздействия... через значимые для него референтные группы... 4.4. Реализация специальных мероприятий по противопоставлению претендента его союзникам...» и т.п. (*Коржаков А.* Борис Ельцин: от рассвета до заката. С. 435).

ным от советских времен спецслужбам и даже опасался их, но создал мощную, подчиненную лично ему и обслуживающую его спецслужбу на основе Службы безопасности президента, которую боялись все кремлевские чиновники¹, и к руководителю которой Коржакову, по его собственным словам, олигарх Березовский мог обращаться с просьбой организовать убийство его соперника олигарха Гусинского. Поэтому и избрание Ельциным наследника — работника КГБ—ФСБ, как мы уже говорили, не совсем случайно, а усиление роли спецслужб, скорее всего, происходило бы при любом президенте. В других однотипных с нашей системах, в которых правитель — не из КГБ, например, в белорусской, казахстанской, узбекской, роль спецслужб также возрастает.

Усиление роли спецслужб в конечном счете ведет к усилению их самостоятельности и даже к их частичному выходу из-под контроля. (Опять-таки, в предельно смягченной форме повторяются процессы, шедшие на советском «витке спирали»). Какие-то группы внутри них, очевидно, начинают самостоятельно определять врагов власти и России и способы борьбы с ними. Кроме того, возникает сложнейшее переплетение личных, корпоративно-клановых и государственных (как они понимаются этими людьми) интересов. И ельцинская, и особенно путинская эпохи — сплошная череда таинственных и так и не раскрытых убийств лиц, опасных для кого-то во власти или для власти в целом, которые вряд ли будут раскрыты, но, несомненно, в будущем послужат основой множества детективных фильмов. И очень схожая картина — в Белоруссии и Казахстане. Естественно, никто не может обвинять в убийствах политических противников президентов исполнительную власть этих стран. Но связь этих убийств с усилением спецслужб и тенденцией к их все большей независимости — очевидна.

Однако создается впечатление, что процесс усиления роли спецслужб, как и многие другие процессы в наших системах, до-

---

¹ «...Все помощники президента исходили из того, что нас прослушивают, и, если нам нужно было сказать друг другу нечто, не предназначенное для «больших ушей» Кремля, мы просто при разговоре обменивались записочками, которые потом уничтожали» (*Костиков В.* Роман с президентом. М., 1997. С. 11). Позже уже на пенсии Ельцин сам будет жаловаться М. Касьянову, что «они все телефоны слушают» и советовать ему закупить много мобильных телефонов, делать из каждого только по одному звонку и тут же его выбрасывать (*Касьянов М.* Без Путина. Политические диалоги с Евгением Киселевым. М., 2009. С. 296–297).

стигнув определенного уровня, становится дисфункциональным и начинает тревожить власть. В этом отношении очень характерна реакция Путина на совершенное в день его рождения убийство известной журналистки А. Политковской. Путин сказал, что «для действующих властей... убийство Политковской нанесло гораздо больший ущерб, чем ее публикации»¹. С другой стороны, установление общего высокого уровня контроля над политическим процессом несколько снижает потребность в «экстралегальных» формах контроля. Опасных для власти крупных политических фигур практически не осталось.

Поэтому очень вероятно, что на новом, более либеральном «медведевском» этапе нашей эволюции власть усилит контроль над спецслужбами («поставит КГБ под контроль партии») и ограничит их влияние.

2.8. Идеологические поиски

Постсоветская Россия возникает как общество, провозгласившее своей целью «возвращение в мировую цивилизацию» и построение такого же строя, как строй западных демократических стран. Отличия от этих стран отрицаются, затушевываются или объясняются «транзитологически» — особыми трудностями становления демократии и рынка в стране с «тяжелой наследственностью», прошедшей через «ужасы коммунистического тоталитаризма», и ожесточенностью сопротивления коммунистических рваншистов. Все революции порождают схожую по своей структуре историческую схему. Ранние большевики всячески ругали «проклятое самодержавие» и преувеличивали его пороки, а современный им период изображали как трудное время борьбы и лишений, через которое, стиснув зубы, надо пройти, чтобы достичь «Земли обетованной» — социализма и коммунизма. Ранние демократы представили в этой большевистской схеме «плюсы» на «минусы». Место «проклятого самодержавия» занял «проклятый коммунизм», современный период все равно оставался трудным путем, который любой ценой опять надо пройти, чтобы достичь теперь уже рынка и демократии.

---

¹ <http://www.polit.ru/event/2006/10/11/damage.html>.

Но западническая демократически-рыночная идеология с самого начала была идеологией меньшинства, а в ходе нашей социальной и политической эволюции ареал ее распространения не расширялся, а уменьшался. Сами слова «демократы» и «демократия» стали для народа чем-то вроде ругательства, и политики стали их избегать. Все более ориентирующаяся на традиционалистские слои и традиционалистскую лояльность власть должна была менять идеологические акценты, подчеркивая ценности порядка, патриотизма, традиции. В официальной идеологической риторике появляются антизападнические акценты. Этот процесс смены идеологических акцентов идет параллельно с процессом политической трансформации. В ходе этой трансформации российская политическая система не приближалась к западным образцам. Наоборот, она все более удалялась и от той общественно-политической модели, которая существует в «западном мире» и которую успешно заимствовали и воспроизвели центральноевропейские посткоммунистические страны, и от тех принципов, которые были провозглашены при ее создании. И в ней реально стали все отчетливее проступать традиционные для российского общества и российского государства черты. Эти два процесса — традиционалистской идейной переориентации и становления имитационно-демократической системы находились в функциональной связи, предполагали и усиливали друг друга.

Идеологией победителей в революции 1991 г. становится идеология стабильности, отрицания необходимости и возможности новой революции. Уже при Ельцине и затем значительно более активно при Путине, продвигается мысль о том, что Россия «исчерпала лимит на революции и гражданские войны в XX веке», и что она уже пришла к нормальному для себя строю. То, к чему стремились в конце 80-х — начале 90-х годов, уже достигнуто. Дальнейшее развитие может быть только «количественным» и не должно затрагивать основ строя. Но это означает, что «транзитологическое» объяснение наших особенностей уже не годится и нужно как-то иначе объяснять, почему новый строй явно отличается от западной нормы и от того образа прекрасного будущего, который господствовал в умах в начале постсоветского развития. Потребность найти такое объяснение отличий нашего строя от «западного» в силу особенностей русской культуры (ее «западной» ориентации) в России, очевидно, сильнее, чем в мусульманских постсоветских «имитационных демократиях», где президенты

продолжают указывать на отсталость своих народов («с ними иначе нельзя») и опасность исламского фундаментализма¹.

Какое-то обоснование сложившейся системы может дать только апелляция к национальному прошлому, указание на естественность, органичность этой системы для России, ее укорененность в русской истории. Уже при Ельцине возникает тенденция к установлению символической связи с царской эпохой (и даже не слишком серьезная «игра» с идеей восстановления монархии). Православие приобретает характер эрзаца официальной идеологии, патриарх превращается в важнейшую символически-идеологическую фигуру, присутствие которой рядом с президентом как бы сакрализирует его власть, а посещение церкви на праздники становится знаком лояльности чиновников и бизнесменов, в подавляющем большинстве своем — недавних коммунистов. (В антиутопии В. Сорокина «День опричника» автор рисует картину будущего на основании гротескной экстраполяции этой традиционалистской тенденции.)

При Путине данная тенденция сохраняется и развивается, но дополняется установлением символических связей еще и с советским временем, что было невозможно при Ельцине. Естественно, что подчеркивается связь не с революционным этапом и не с социализмом, а с эпохой советской стабильности и имперского величия. Двуглавый орел дополняется советской мелодией гимна (ушедший на пенсию Ельцин попытался возражать, но его, естественно, никто не слушал). В создающемся пантеоне великих имен цари, царские сановники и белогвардейские вожди соседствуют с коммунистическими руководителями, вроде Андропова (все они — «государственники», создатели России), но из него изгоняются все революционеры. Телевидение демонстрирует фильмы про героических советских чекистов и не менее героических царских жандармов. Возникают совершенно гротескные явления — в Кремле торжественно отмечается годовщина ВЛКСМ (т.е. «ленинского комсомола») в то самое время, когда по телевидению показывают научную передачу с участием всяких ученых, где говорится, что Ленин был кровавый маньяк и сифилитик.

Одновременно «затушевывается» значение революции 1991 г. и основателя нового российского государства Ельцина (здесь —

---

¹ Н. Назарбаев: «Если бы здесь (в Центральной Азии. — Д.Ф.) не было пяти авторитарных режимов, здесь было бы десять бен ладенов» (Коммерсант. 12.05.2003. С. 11).

отличие постсоветского «витка спирали» от советского, когда фигура основателя государства Ленина была сакрализована), а 90-е годы начинают изображаться как время «смуты», которое, слава богу, уже позади. Если в начале 90-х советский период изображался «царством тьмы», теперь «царством тьмы» скорее изображаются «лихие девяностые», из которых Россию вывел Путин.

Пропагандируются идеи имманентности России сильной центральной власти, «особого пути» России, приобретает почти официальное значение (цитируется Путиным) русский философ-эмигрант Иван Ильин, работавший на гитлеровскую пропаганду и писавший о неизбежности в России после падения коммунизма «христианской диктатуры».

Сложившаяся система стремится как-то «самоопределиться», приобрести самоназвание и выработать свой язык. В конце путинской эпохи даже возникает термин, который должен был по мысли его изобретателей как-то определить сложившуюся политическую систему и выразить ее своеобразие и отличие от западных систем — «суверенная демократия». (По своей бессмысленности и своему функциональному предназначению этот термин, по-моему, очень близок к позднесоветскому термину «реальный социализм» или к такому термину, как «народная демократия».) Другой термин, призванный обозначить специфику системы и особое место в ней президента, — «национальный лидер» (почти «вождь») в отношении Путина.

Как очень многое в постсоветском развитии, эта эволюция в какой-то мере повторяет эволюцию советского периода, когда власть по мере упадка официальной идеологии и приобретения политической системой традиционных для России черт также пыталась установить символические связи с имперской Россией и обрести традиционалистскую и имперскую идеологическую опору¹. Но, как и в советский период, этот процесс не может быть завершен.

Полностью «оторваться» от своих демократических идеологических корней власть также не может, как не могла полностью

---

¹ «Здесь проглядывает очевидное сходство с использованием имперских (и, отчасти, националистических) мотивов Иосифом Сталиным в 40-е — начале 50-х гг. XX века» (Соловей Т., Соловей В. Несостоявшаяся революция. С. 385). Использование этих мотивов не ограничивается, однако, сталинским периодом. В хрущевское время использование этих мотивов уменьшилось, но они активно использовались в брежневское время...

«оторваться» от марксистско-ленинских корней советская власть. Переход к другой идеологии, во-первых, означал бы угрозу политической дестабилизации, которой власть боится больше всего, а во-вторых, идейной альтернативы демократии сейчас просто нет и выдумать ее не возможно. Поэтому традиционалистские тенденции в сфере идеологии остаются на уровне «символических игр», демократическая риторика никогда не исчезала из лексикона власти, термин «суверенная демократия» был отвергнут, а с приходом к власти Медведева роль демократической риторики вновь и резко усилилась¹.

2.9. «Подъем России с колен» и усиление конфронтации с Западом

Еще одним аспектом российских эволюционных процессов и проекцией нашей внутренней эволюции на внешнеполитическую сферу является возникновение и усиление конфронтации с западными демократиями, признаки которой проявляются уже в ельцинскую эпоху.

Создание нового российского государства мыслилось концом конфронтации с Западом и вступлением России в союз демократических государств. Б. Ельцин пишет о беловежских соглашениях: «Россия отказалась от традиционного образа «властелина полумира», от вооруженного противостояния с западной цивилизацией, от роли жандарма в решении национальных проблем»². Уже в октябре 1991 г. даже не Ельцин, а несколько более «патриотически» ориентированный А. Руцкой говорил о необходимости вступления СССР (тогда доживавшего последние дни) в НАТО. Идея теоретически возможного вступления в НАТО периодически озвучивалась разными российскими политиками, включая даже Путина, а вступление в ЕС до сих пор продолжает оставаться туманной, но желанной перспективой для большинства россиян³.

---

¹ В статье Медведева «Россия, вперед!» происходит даже как бы возвращение к транзитологической схеме. Современная ситуация вновь предстает как переходная, а в неопределенном будущем в России установится полноценная демократия с ротацией у власти разных политических сил.

² Ельцин Б. Записки президента. С. 151.

³ В 2000 г. за вступление в ЕС были 54%, против — 25%, в 2005 г. — 53% и 24% (Общественное мнение — 2005. Ежегодник. М., 2005. С. 164).

И действительно, если вступление в НАТО и ЕС для центрально-европейских стран были логическим и символическим завершением их посткоммунистической демократической эволюции, то естественно полагать, что это же должно было бы стать завершением российской эволюции, — если бы только эта эволюция шла в том же направлении.

Однако реальная эволюция России пошла по совершенно иному пути, чем завершившаяся вступлением в западные союзы эволюция центральноевропейских стран. Интеграция России в западный мир, казавшаяся столь естественной и близкой в начале 90-х, стала невозможной в силу все более очевидной несовместимости социально-политических систем. При этом страны Запада продолжают осознаваться как развитые, передовые, успешные, отношения с которыми имеют большую статусную ценность для страны и ее правителей. Но невозможность интеграции в систему связанных тесными союзническими отношениями государств, которые воспринимаются при этом как передовые, неизбежно порождает амбивалентное, болезненное отношение к этой системе. Тем более, если причины невозможности интеграции не могут быть идеологически обозначены и осознаны и если эта система постепенно расширяется, в том числе за счет стран, которые раньше были советскими сателлитами или даже республиками в составе СССР.

Россия все более ощущает себя униженной, пренебрегаемой¹. По мере нашей эволюции появляется все больше фактов, вызывающих осуждение на Западе, и возникают робкие попытки западных государств как-то воздействовать на наши политические процессы в либеральном направлении, что, естественно, воспринимается как оскорбительные поучения и вмешательство в наши внутренние дела².

Западный демократический строй и тем более его распространение, внешним выражением которого является расширение за-

---

¹ В 2001 г. 6% и в 2007 г. — 20% опрошенных российских граждан считали, что на Западе относятся к России с уважением и 21 и 11% — с презрением. Между тем, наших сограждан, относящихся к Западу с уважением в эти же годы было 34 и 32%, с презрением — 3 и 5% (Общественное мнение — 2008. Ежегодник. М., 2008. С. 149–150).

² В 2008 г. считали «критику со стороны общественности и политиков западных стран в отношении положения дел в России в области демократии и соблюдения прав человека вмешательством во внутренние дела» 51% опрошенных, не считали — 27% (Общественное мнение — 2008. Ежегодник. М., 2008. С. 147).

падных союзов, в том числе и на бывшие советские республики, все более ощущается как угроза окружения нашей «суверенной демократии», превращения России в «остров» в политически чуждом и враждебном мире, и даже в осаждаемую крепость. Ощущение такой угрозы особенно обострилось в период «цветных революций», ликвидировавших значительно более слабые, чем российский, но однотипные с ним режимы Кучмы, Акаева и Шеварднадзе, что возбудило у российской власти иррациональный и панический страх, подобный страху царской власти перед французскими революциями, а у советской — перед «пражской весной». Признать естественность, закономерность падения этих режимов значило бы признать неизбежность конца нашего режима. А это — невозможно. Поэтому власть была убеждена, что все эти революции — дело рук западных спецслужб (совершенно так же, как в свое время советское руководство было уверено, что эти спецслужбы стоят за событиями в Венгрии, Чехословакии и Польше). В. Сурков, главный идеолог путинской эпохи, выступая в июле 2008 г. перед «Нашими», молодежной организацией «Единой России», говорит: «Окрыленные успехом в ближнем зарубежье, они пытались проникнуть во внутренние дела соседних государств, пытались проникнуть и в Россию. Угроза таких импортных потрясений преодолена»¹.

Усиление страхов перед распространением демократии и поддержкой Западом оппозиции и вообще «вмешательством во внутренние дела» происходит по мере становления имитационно-демократических режимов далеко не только в России. Схожие чувства озвучивали и Назарбаев, и Каримов, и Акаев, и Лукашенко, и Кучма. Однако в России растущая конфронтационность по отношению к Западу усугубляется специфическими историческими и культурными факторами — естественными «комплексами», связанными с потерей прежнего имперски-союзного величия, привычкой к роли великой державы, соперника США, — и нашей идеологической трансформацией — тенденцией к установлению связи с имперским (и отчасти даже с советским) периодами, что уже предполагает борьбу за возвращение если не «империи», то «сферы влияния», «великодержавности» и подразумевает соперничество с другими «центрами силы». Историческая традиция России предполагает с ее стороны активность, глобализм и стрем-

---

¹ <http://www.newsru.com/russia/21jul2008/surok.html>.

ление к лидерству, несвойственные другим постсоветским имитационным демократиям.

В какой-то мере Россия даже тяготеет к тому, чтобы стать центром притяжения для стран с аналогичными системами во всем мире. Инстинктивная солидарность с одноптичными режимами и смутные страхи, что начнут с Ирака или Сербии, а кончат Россией, приводят к тому, что Россия всегда выступает в роли более или менее активного защитника подобных режимов от разного рода санкций и угроз интервенции. Особенно сильно Россия ощущала свою солидарность с режимом Милошевича в Сербии. Президенты самых разных стран мира с одноптичными политическими системами или мечтающие о построении таких систем смотрят на Россию с надеждой и рады любым признакам ее активизации. Вот яркий образец игры на российских претензиях и российских страхах. Даниэль Ортега говорит на встрече российской делегации: «Россия по-прежнему несет свет миру. Ее по-прежнему преследует империя, которая думает, что, поскольку распался СССР, она сумеет развалить на части и Россию»¹. Активное стремление У. Чавеса построить имитационно-демократическую систему в Венесуэле и сближение с Россией — настолько же взаимосвязанные процессы, как и появление в освободившихся в период деколонизации странах «третьего мира» всякого рода диктаторов и их сближение с СССР с одновременным принятием идеологии «научного социализма». Как в очень ослабленной форме на новом витке спирали воссоздаются многие характеристики советского строя, так восстанавливается, и тоже в смягченной форме, «холодная война». Она ведется в самых разных регионах, но основное ее поле — постсоветское пространство.

Легкость, с которой распался СССР, имеет оборотную сторону — этот распад не ощущается как естественный, закономерный и бесповоротный. Свыкнуться с мыслью о действительной независимости постсоветских государств российскому сознанию очень трудно. После распада СССР постсоветское пространство начинает восприниматься как естественная «зона российских интересов» и как поле борьбы, с которого Россию пытаются вытеснить.

В начале 90-х годов Россия добилась на пространстве СНГ ряда успехов. Эти успехи были обусловлены рядом объективных причин. Прежде всего, способность многих из этих стран жить

---

¹ НГ-дипкурьер. 05.10.2009. С. 10.

в условиях провозглашенных демократий была даже меньше российской. После периода национально-демократического подъема начинается период реакции и успешного строительства однотипных со складывающейся в России систем безальтернативной власти¹. Строительство имитационно-демократических режимов везде сопровождается усилением российской ориентации. «Классовый инстинкт» говорит постсоветским правителям, что, несмотря на демократическую риторику, ельцинская Россия — их основной союзник.

Усилению центростремительных тенденций способствуют и другие факторы. Новые государства — крайне слабы, в них сохраняется привычка смотреть на Россию «снизу вверх», видеть в Москве естественный центр, место, где решаются их судьбы, и модель успешного решения проблем постсоветского развития. Шаги России по пути построения авторитарной системы власти вдохновляют президентов других стран СНГ. Они имеют и легитимизирующее значение — если в России разгоняется парламент и Запад даже одобряет это, то разогнать парламент в Казахстане «сам Бог велел». Россия имеет громадные возможности вмешиваться во внутренние конфликты постсоветских стран. С российской помощью возникает ряд сепаратистских образований и «замороженные конфликты» в Грузии, в Азербайджане и между Азербайджаном и Арменией и в Молдавии, которые используются российской властью для привязывания к себе этих стран.

Параллельно процессу возвращения в новом обличье и в смягченной форме авторитаризма идет процесс создания как бы «мини-соцлагеря». Защитный пояс имитационно-демократических авторитарных режимов возникает как российскими усилиями, так и

---

¹ В Грузии при помощи России свергается режим Гамсахурдиа и к власти приходит старый партийный руководитель Грузии Шеварднадзе. Совершенно аналогично развиваются события в Азербайджане (свержение Эльчибея и приход к власти Алиева). Как только в Грузии и Азербайджане побеждают Шеварднадзе и Алиев, они вводят свои страны в СНГ. В Армении бескровный военный переворот устраняет Л. Тер-Петросяна, говорившего о необходимости для Армении отказа от вековой ориентации на Россию. В Таджикистане ликвидируется угроза победы блока исламистских и национально-демократических сил и после кровополитной гражданской войны утверждается власть поддерживаемого Россией президента Рахмонова. В Молдавии устраняется румынофильское правительство Друка. В Белоруссии к власти приходит заявлявший о неизбежности объединения с Россией Лукашенко. В Украине участника беловежских соглашений Кравчука сменяет более «пророссийский» Кучма.

само собой, в результате естественного процесса становления этих режимов в не готовых к демократии странах. Однотипные системы «тянутся» руг к другу и слабые ищут покровительства сильного. Но этот процесс оказывается очень недолгим. Центробежные тенденции вскоре берут верх над центростремительными.

Ряд стран СНГ, чья культура создала относительно большие предпосылки демократии, с громадными трудностями и муками, но все же выходят на демократический путь развития. Попытки создания имитационно-демократических режимов в Украине, Молдавии и Грузии проваливаются. В Грузии и Украине они сметаются цветными революциями. «Размягчается» и, возможно, трансформируется в демократическом направлении режим в Армении. Эти процессы естественно сопровождаются внешнеполитической переориентацией. Для новых властей Украины и Грузии вступление в НАТО и в перспективе — в ЕС становится важнейшей целью внешней политики. Молдавия — нейтральная страна по конституции, но вступление страны в ЕС — мечта всех политических сил и всего общества, и в Молдавии вновь усиливаются стремления к сближению с Румынией.

В Белоруссии и мусульманских странах держатся авторитарные имитационно-демократические режимы. В Киргизии после падения режима Акаева возник новый аналогичный режим Бакиева. Прочность этих режимов, однако, очень относительна. Практически несомненно, что впереди их ждут глубокие политические кризисы, которые в наиболее жестких из них наверняка примут форму стихийных и кровавых выступлений, прообразом которых служат андижанские события в Узбекистане.

Но центробежные в отношении СНГ и России процессы затрагивают и страны с авторитарными режимами. Реальная интеграция этих стран с Россией по образцу западноевропейской интеграции невозможна — как в силу разновеликости России и других постсоветских республик, так и в силу того, что персоналистская авторитарная власть неделима, отдать часть этой власти каким-то наднациональным органам невозможно. Отношения России с однотипными странами на постсоветском пространстве могут быть только отношениями «гегемона» и «сателлитов» или «вассалов». Но такие отношения непрочны. В республиках образуется «привычка к суверенитету», исчезает психологическая зависимость от России, ослабляется русское культурное влияние. Они все более втягиваются в мировой рынок, и их экономические связи перест-

раиваются и теряют российскую ориентацию. Сама стабилизация авторитарных режимов делает их более уверенными в себе, менее ориентированными на российскую поддержку, тем более, что масштабы этой поддержки могут быть лишь ограниченными.

В случае угрозы власти Россия может прийти на помощь авторитарным президентам, но, как показывает опыт «цветных революций», обеспечить сохранение их власти она не способна. Поэтому для авторитарных президентов роль российских вассалов не слишком привлекательна. Кроме того, как и для русской власти, для властей стран СНГ партнерство с Западом имеет легитимизирующее значение. Самой выгодной и самой естественной позицией для них поэтому является «балансирование» между Россией и Западом, к которому сейчас пытается перейти даже самый одиозный для Запада и ранее самый пророссийский «последний диктатор Европы» Лукашенко.

Здесь опять-таки мы видим аналогии с процессом распада социал-демократического лагеря. Он шел двояким образом: во-первых, в результате появления спонтанных демократических движений в Чехословакии, Венгрии, Польше, а во-вторых, в результате достижения все большей самостоятельности самыми жесткими коммунистическими режимами в Китае, Корее, Албании, Румынии. Если цветные революции представляют собой аналогии чехословацкого и польского движений, то изоляционистская и независимая позиция режима покойного Туркменбаши — аналог позиции режимов Ким Ир Сена или Ходжи.

Все «возвращается на круги своя». Но, как и с других сферах, советские черты в российской внешней политике возвращаются в очень ослабленной форме. Новая «холодная война» — слабая копия старой. И не только потому, что ресурсы России неизмеримо меньше советских, но и потому, что она ведется без ясной советской идеологической мотивации. Россия, не имеющая даже самоназвания для своего строя, не может последовательно противопоставлять его строю демократических стран. Мы не можем бороться за «победу имитационной демократии во всем мире». Это отсутствие ясной идейной мотивации, более или менее адекватного идеологического «языка» и глобальной перспективы, которая присутствовала в советской политике (хотя к концу советского периода — все более формально) придает российской постсоветской политике специфическую импульсивность и иррациональность. Политика превращается в череду «скандалов» по самым разным

поводам (от цен на газ до переноса «бронзового солдата» в Таллинне), которые внезапно вспыхивают и затем затухают, «полузабываются». И одновременно это снижает накал конфронтационности, не дает ей достигнуть интенсивности и последовательности «настоящей» холодной войны.

Во всех обозначенных выше взаимосвязанных процессах переплетается закономерное и случайное. Закономерна здесь, прежде всего, единая логика установления контроля власти над обществом, устранения реальных и потенциальных угроз безальтернативности власти. Эта закономерность четко видна при сравнении развития нашей системы с развитием других однотипных постсоветских систем.

Все эти процессы — конфликты с парламентами, устранение «старых соратников», установление контроля над региональными элитами, над «олигархами» и над СМИ, переход от дистанцирования власти от партий к созданию президентских квазипартий — мы видим и в других имитационно-демократических системах. «Единая Россия» — полный аналог алиевской партии «Ени Азербайджан», назарбаевской партии «Нур Отан» или «Народно-демократической партии» в Таджикистане. Суды над Жакияновым и Аблязовым в Казахстане совершенно аналогичны суду над Ходорковским, таинственные убийства Сарсенбаева и Нуркадилова в Казахстане или белорусских оппозиционеров — аналоги «наших» таинственных убийств Литвиненко и Политковской.

Закономерность видна и при сравнении процессов становления нашей постсоветской системы с процессами становления советской системы. Советская система с ее догматической тоталитарной идеологией и имитационно-демократическая постсоветская система — изначально очень разные. Но в них есть и общее — в обеих этих системах власть не только может создавать условия, обеспечивающие свою «безальтернативность», но и не может этого не делать, у нее нет возможности «уйти». Следовательно, и эволюция обеих систем подчинена общей логике установления максимально возможного контроля над обществом.

В ходе этой эволюции постепенно устраняются угрозы власти и системы становятся все крепче. В начале 90-х годов постсоветская система еще не оформлена, ее контуры — не определены, она еще слаба и какие-то кризисы типа разразившегося в 1993 г. могли бы ее уничтожить, как в 1917–1921 гг. могла быть уничтожена

советская власть. Но к 2000 г. — это уже мощный организм, с четко определившейся структурой, который справился со всеми угрозами.

Развитая система разительно отличается от своих первоначальных форм. Если прочесть стенограмму какого-нибудь 10-го или 11-го съездов компартии и потом перейти к 16-му и ли 17-му, ты попадаешь из одного мира в другой. И точно такое же ощущение будет, если посмотреть сейчас хронику съезда народных депутатов или Верховного совета начала ельцинской эпохи и теперешнее заседание Думы, председатель которой Б. Грызлов сказал фразу, которая на века останется в нашей истории: «Парламент — не место для дискуссий». У людей, преданных идеалам раннего периода (многих старых большевиков при Сталине, многих «старых демократов» при Путине) это вызывает ужас, и они объясняют эти контрасты различиями личностей правителей (Ленина и «отступившего от ленинских норм» Сталина, «демократа» Ельцина и «кагэбэшника» Путина, превратившегося для многих из них в главный символ зла)¹. Психологически это вполне понятно, ибо для демократов образца 1991 г. признать закономерность эволюции, ведущей от 1991 г. к Путину, как и для большевиков образца 1917 г., — закономерность эволюции, ведущей к Сталину, означало бы признать свои собственные грехи и ошибки, признать, что они пожидают то, что сами посеяли.

Но, как я старался показать, главное состоит не в различиях личностей политиков, а в различиях закономерных этапов развития системы. Более того, само различие личностей наших президентов в какой-то мере является производным от различия этапов. Путин не мог бы выполнить функцию Ельцина, а Ельцин не мог бы избрать в преемники человека, похожего на него самого и вообще принципиально иного, чем Путин. А если бы он избрал в 1999 г., не Путина, а кого-то другого, изменились бы лишь

---

¹ Е. Боннэр пишет: «Путин создал антидемократическое государство. Уничтожение свободной прессы, уничтожение верхней палаты парламента, создание семи ужасных суперадминистративных структур во главе с руководителями, которые подчинены лично Путину, и, разумеется, война в Чечне — все это вместе взятое представляет собой абсолютно антидемократическую тенденцию. К этому надо добавить разрушение избирательного процесса, то есть того, чем и отличается демократическое государство». <http://www.inosmi.ru/stories/01/05/29/2996/209456.html>. (Это говорит человек, в 1993 г. упрекавший Ельцина в чрезмерном либерализме и прямо призывавший его разогнать парламента!)

какие-то частные и стилистические моменты. В «зародыше» 1991 г., как и в «зародыше» 1917 г., можно было не разглядеть контуры будущих взрослых организмов, но никаких принципиально иных организмов из них вырасти не могло. «Через» Ельцина и Путина, через их действия осуществляется закономерный процесс развития нашей постсоветской системы.

При этом главная работа по выстраиванию имитационно-демократической авторитарной системы пришлось на долю первого президента. Путин наследует уже в основных чертах построенную систему, и на его долю приходится «завершение строительства» и «отделочные работы». Но именно Путин мог реально воспользоваться результатами всех трудов по построению системы.

3. «Золотой век».

Развитая система

Второй путинский срок, очевидно, войдет в историю как период расцвета нашей системы, ее «золотой век». Власть достигла положения, когда ей не угрожают никакие видимые враги и опасности.

Чечня покорена, парламент полностью подконтролен, региональные элиты соревнуются в лояльности, олигархи находятся в полной зависимости от власти и о самостоятельных политических действиях более не помышляют, основные СМИ превращены в средства правительственной пропаганды, никаких реальных влиятельных оппозиционных партий, кроме нашедшей свою нишу в системе, но постепенно утрачивающей влияние КПРФ, нет, и нет даже возможности их создания. Политические враги Путина, как олигарх Гусинский, и соперники, как Н. Аксененко, — растоптаны. Ельцин, общение с которым министрам Путин «не рекомендовал», доживал свой век в «золотой клетке» и в дела не вмешивался. В своем окружении Путин избавился не только от тех, кто мог считать, что поскольку они содействовали его приходу к власти, президент должен быть им благодарен и обязан к ним прислушиваться, но и от тех, кто был только относительно независим от него и мог как-то ему возражать, как премьер М. Касьянов. На всех сколь-либо важных постах — люди, полностью зависящие от президента, многие из них — его старые кагэбэшные и питерские друзья и знакомые.

Власть не только достигает громадной прочности внутри страны. Прочно и ее положение на международной арене. Благоприятная экономическая ситуация привела к тому, что не только нет

экономической зависимости России от других стран, но напротив, и наши соседи, и Западная Европа зависят от наших поставок энергоносителей, что резко усилило российскую самооценку и породило мечты об «энергетической империи». Именно при Путине Россия окончательно входит в «Большую Восьмерку» и в 2006 г. принимает в Санкт-Петербурге саммит G-8. Западные лидеры ищут дружбы Путина.

Выборы президента в 2004 г. наглядно продемонстрировали достижения российской власти. Как и в 2000 г., Путин в избирательной кампании делает ставку на традиционалистскую «монархическую» лояльность — он не «сниходит» до споров с оппозицией, не выдвигает каких-то программ, не агитирует за себя, как Ельцин в 1996 г. И это — самая правильная тактика.

От выборов к выборам власть побеждает все более уверенно. В 1996 г. Ельцин победил только во втором туре и при полной мобилизации всех сил, в 2000 г. Путин смог победить уже в первом туре, хотя и с небольшим перевесом, а в 2004 г. он без всяких особых усилий получил триумфальные 70,08%. Лидеры основных оппозиционных и полуоппозиционных партий на этих выборах вообще не выставляли своих кандидатур (чтобы не срамиться), и выдвинули вместо себя фигуры второго плана. Но и этот триумф меркнет перед той демонстрацией полной управляемости политическим процессом, каким явились уход Путина с поста президента и избрание в 2008 г. назначенного им в преемники Д. Медведева.

До самого последнего момента общество, включая, несомненно, даже высших представителей элиты, гадало, что хочет тщательно скрывавший свои планы Путин. Действительно ли он намерен уйти с поста президента, или его заявления на этот счет — лишь проверка реакции общества и лояльности его окружения, и все-таки в последний момент он пойдет на изменение Конституции? А если он действительно намерен уйти, то куда, и кого он поставит преемником. При этом все понимали, что как он решит, так и будет, и любой назначенный им преемник станет президентом. Никаких видимых попыток воздействовать на президента не было (кроме нескольких, скорее ритуальных, призывов особенно преданных представителей интеллигенции остаться у власти). Не только широкие общественные слои реально никак не участвовали в процессе выбора, но и самые высшие представители властной элиты (в этой ситуации даже слово «властной» не очень-то подходит) не знали планов президента и были готовы безропотно

исполнить любое его решение. Самая высшая элита оказалась низведенной до уровня безгласных исполнителей¹.

На выборах Д. Медведев получает 70,28% голосов — практически столько же, сколько Путин в 2004 г., хотя на этот раз в выборах участвовали первые лица КПРФ и ЛДПР. Зюганов получил 17,73, а Жириновский — 9,35% голосов. (Правда, реально опасного кандидата, М. Касьянова, до выборов не допустили.) Всенародные выборы окончательно превратились в ритуал освящения народным голосованием любого решения президента — в нечто, напоминающее советские «выборы» или всенародную присягу на верность монарху. Независимость власти от общества и зависимость общества от власти достигли поистине грандиозных размеров. Такой свободы распоряжаться своей властью не имели ни русские цари, которые все же не могли избрать преемника за пределами династии, ни советские генсеки.

3.1. Второй путинский срок

Второй путинский срок — период расцвета постсоветской российской системы не только потому, что в этот период достигается максимальная степень независимости власти от общества и зависимости общества от власти. Это период расцвета еще и потому, что в это время достигается максимум популярности президента и удовлетворенности общества системой.

Колоссальная власть Путина лишь в минимальной мере жидется на страхе. Страх, очевидно, играет значительную роль в дисциплинировании бюрократии, интеллигенции и бизнес-элиты. Но результаты выборов достигаются не страхом (во всяком случае, не страхом наказания за «неправильное» голосование). И хотя

---

¹ Эта безропотность элиты проявилась, естественно, не только в отношении к главному кадровому решению — избранию преемника, но ко всем кадровым решениям Путина, которые, в соответствии с его стилем управления, всегда были неожиданны и «таинственны» (мотивы их держатся в глубокой тайне). То, что он отправил в отставку премьера Касьянова, — более или менее понятно. Касьянов был тесно связан с ельцинским окружением и сопротивлялся аресту Ходорковского и разгрому ЮКОСа. Но чем мотивированы назначение никому неизвестного Фрадкова, затем отставка Фрадкова и назначение тоже никому неизвестного Зубкова, знает только сам Путин. При этом все эти внезапные назначения и отставки не только не встречали какого-либо сопротивления, но, похоже, что даже их мотивы мало кого интересовали. «Такова воля государя» — и все тут.

элемент фальсификации в этих результатах, несомненно, присутствует, определяющего значения он не имеет. Воздействие государственной пропаганды тоже не может служить достаточным объяснением. При советской власти все СМИ были государственными и пропагандистскими, а во время выборов в первую Думу телевидение было наполнено пропагандой «Выбора России», что не помогло ни советской власти, ни «Выбору России». Пропаганда может падать на благоприятную почву и легко усваиваться, а может «отскакивать». В данном случае государственная пропаганда падала на почву, готовую для ее восприятия. Не пропаганда порождает идею безальтернативности власти, а изначально присутствующая идея безальтернативности способствует усвоению пропаганды¹. Народ добровольно идет на выборы и голосует так, как этого хочет президент, альтернативы которому он не представляет, которому он доверяет и которого даже искренне любит.

В 2006 г. 51% опрошенных российских респондентов считали, что было бы лучше, если бы Путин остался на третий срок, 23% опрошенных «целиком положительно» и 36% просто «положительно» отнеслись бы к изменению конституции, позволяющему Путину баллотироваться на третий срок. Более того, 62% поддерживали бы Путина, если бы он остался на третий срок, нарушив конституцию². «Восхищение» и «симпатии» Путину в 2008 г. выражали 49%, и еще 31% не могли «сказать о нем ничего плохого». 58% были готовы проголосовать за него в 2012 г.³

Громадная популярность «национального лидера» Путина, доходившая до размеров мини-«культа личности» — несомненна и подтверждается многочисленными опросами, в том числе и проводимыми совершенно не подконтрольными Кремлю службами. Но эта популярность лишь в минимальной (и неопределимой) степени связана со случайными личностными факторами —

---

¹ При этом нельзя сказать, чтобы пропаганда усваивалась «тотально». В опросах очень многие ответы говорят о вполне реалистичном и критическом походе к социальной реальности. Например, в 2008 г. только 17% респондентов связывали относительно благополучную экономическую ситуацию с политикой правительства, 50% — с ростом мировых цен на нефть и 16% не считали ее благополучной (Общественное мнение — 2008. Ежегодник. М., 2008. С. 34). 53% считали, что при Путине разрыв между богатыми и бедными увеличился (с. 62). Но все это не влияет на признание «безальтернативности» власти.

² Общественное мнение — 2006. Ежегодник. М., 2006. С. 107–110.

³ Общественное мнение — 2008. Ежегодник. М., 2008. С. 62–63.

качествами второго президента. Это популярность, закономерная для данного этапа развития системы.

Некоторый уровень популярности правителя проистекает из особенностей русской (в какой-то мере — просто человеческой) психологии. Это — та «монархическая» популярность, которой пользовался даже в самые страшные годы Ельцин, популярность, являющаяся следствием безальтернативности. Страх анархии, безвластия и перемены власти заставляет «любить» правителя, искать в нем какие-то достоинства, рационализирующие готовность подчиниться ему и голосовать за него, — если общество бессильно перед властью, ему ничего не остается, как ее любить. Именно поэтому, несмотря на всю гротескность ельцинской фигуры, популярность Ельцина возрастала всякий раз перед дихотомическими голосованиями, и ее хватало для того, чтобы выиграть и референдумы 1993 г. и выборы 1996 г. Глуповцы у Салтыкова-Щедрина в его сатире на русскую политическую культуру искренне любили каждого присланного им градоначальника и называли его «красавчиком» и «умницей». И если бы от глуповцев требовалось, как это стало принятым в демократическую эпоху, не просто любить присланных градоначальников, но и выражать эту любовь голосованием, они, несомненно, голосовали бы за них.

Однако популярность Путина — во много раз больше ельцинской. При этом невозможно сказать, выше или ниже она популярности правителей в других постсоветских имитационно-демократических системах, например, Назарбаева, Алиева, Каримова, Лукашенко. «Культы личности» тех или иных масштабов возникли у всех этих правителей.

Значительно большую, чем ельцинская, популярность второго президента обуславливает, прежде всего, то, что именно при Путине страна выходит из страшного трансформационного экономического кризиса 90-х годов, и именно при нем общество достигает желанных стабильности и порядка. Но и то, и другое — не столько заслуги Путина, сколько результаты естественного развития.

Трансформационный экономический кризис раньше или позже должен был кончиться с достижением психологической и институциональной адаптации общества к новым социально-экономическим условиям. В России выход из трансформационного спада начался до Путина, еще в 1997 г., затем был прерван кризисом 1998 г., после чего рост ВВП и жизненного уровня продол-

жался всю путинскую эпоху. Если в 2001 г. 22% опрошенных сказали, что им не хватает денег даже на питание, то в 2008 г. — только 12%¹.

Завершение кризиса не является лишь российским достижением. Точно так же трансформационный кризис заканчивается и наступает период роста абсолютно во всех посткоммунистических экономиках, даже тех, которые, в отличие от российской, не только не могли пользоваться плодами благоприятной для России конъюнктуры — предельно высоких цен на энергоносители, — но напротив, страдали от этих цен. Естественно, что при благоприятной конъюнктуре рост еще выше. Поэтому экономический рост в России связан с личностью Путина не больше, чем значительно больший рост, например, в Азербайджане с особыми качествами семьи Алиевых. Но в народном сознании россиян экономический рост, естественно, связываются с личностью Путина. Так же, как в Азербайджане он связывается с личностью Алиева-старшего, а в Казахстане — с личностью Назарбаева.

И так же закономерна политическая стабилизация общества. После бурного периода конца 80-х — начала 90-х годов общество испытало «усталость» от своей активности и стремилось к стабилизации и порядку, понимаемому как сильная власть «безальтернативного» правителя. Оно с готовностью и радостью воспринимало меры, направленные на построение режима личной власти², особенно, после того, как ушла вызывавшая отторжение фигура первого президента. В этих условиях укрепление режима личной власти не представляло собой какую-то «титаническую» задачу — оно в значительной мере происходило «само собой», не встречая особого сопротивления. Но хотя самая трудная часть работы пришлось на долю путинского предшественника, именно с приходом к власти Путина стало связываться в народном сознании возвращение желанного порядка. (Опять-таки, как в Белоруссии достижение стабильности и порядка, к которым стремилось общество в бурные 90-е годы, связывается с Лукашенко, в Казахстане — с Назарбаевым и т.д.)

---

¹ Общественное мнение — 2008. Ежегодник. М., 2008. С. 35.

² Считали, что «вертикаль власти», когда решение всех важных вопросов в стране проводится по указаниям из Кремля, а влияние правительства, Государственной Думы и партий сведено до минимума» приносит «больше пользы» в 2005 г. 38%, в 2008 г. — 43%, «больше вреда» — 32% и 30% (Общественное мнение — 2008. Ежегодник. М., 2008. С. 57).

Выход из трансформационных кризисов — экономического и политического, достижение приемлемого уровня благосостояния и «порядка» означает улучшение общественного настроения. Люди чувствуют больше уверенности в завтрашнем дне¹, они довольны политической системой, и им возвращается чувство гордости своей страной². И все эти чувства естественно связываются с Путиным.

Есть еще один и также закономерный фактор, обуславливающий как особую популярность второго президента, так и специфически «общенародный» характер этой популярности. Ельцин был революционным лидером, и его электоральная поддержка на всех выборах в значительной мере обуславливалась социальными факторами — за него всегда скорее голосовали более молодые, более образованные и более обеспеченные и, скорее, жители столиц и больших городов, то есть те, кто был основной движущей силой в революции 1991 г. и кто хотя бы в какой-то мере и в каких-то аспектах от нее выиграл. Коммунистическую оппозицию, напротив, поддерживали скорее бедные, необразованные, пожилые и провинциалы (хотя на дихотомических голосованиях часть этих людей всегда голосовала за Ельцина). При голосовании же за Путина и в опросах, выясняющих уровень доверия к нему, корреляции с социально-демографическими факторами практически исчезают — за президента голосует и выражает ему доверие подавляющее большинство во всех социальных слоях³.

Это объясняется, как я думаю, своеобразным местом второго президента в нашей эволюции. С одной стороны, Путин — назначенный Ельциным преемник и таким образом, «по определению» продолжатель и завершитель его дела. Он не собирается перехо-

---

¹ На вопрос: «Какие чувства укрепились, окрепли у окружающих Вас людей в последние годы?» ответ: «Надежда» выбрали в 1990 г. 13%, 1999 г. — 10%, 2003 г. — 30%, 2008 г. — 41%; «страх» — 29,29, 15 и 9%. «отчаяние» — 28,37,14 и 8% (Общественное мнение — 2008. Ежегодник. М., 2008. С. 8). На вопрос: «боитесь ли Вы безработицы, бедности?» «совершенно не боюсь» в 1994 г. ответили 21%, в 2008 г. — 45%, на вопрос: «боитесь ли Вы публичных унижений, оскорблений?» — 21% и 44%, «боитесь ли Вы возврата к массовым репрессиям?» — 26% и 47% (там же. С. 15).

² На вопрос: «Насколько Вы гордитесь тем, что являетесь гражданином России?» ответ: «Очень горжусь» выбрали в 2000 г. 32%, 2008 г. — 47%; «не слишком горжусь» и «совершенно не горжусь» — 20% и 16% (Общественное мнение — 2008. Ежегодник. М., 2008. С. 135).

³ См.: *Фурман Д., Каарийнен К.* «Я доверяю президенту» // Свободная мысль — XXI. 2003. № 5.

дуть к открытой диктатуре и говорит о развитии демократии, продолжает «рыночные реформы» и не намерен пересматривать основные результаты приватизации. С другой стороны, Путин — антитеза Ельцину по своему месту и функции в развитии страны. Ельцин, прежде всего, — разрушитель старой системы. Как бы он ни пытался войти в роль традиционного русского авторитарного владыки, на нем лежала печать его «революционного самозванничества». Путин же — «созидатель», восстановитель порядка. Его приход знаменует конец революционного периода. Поэтому, не потеряв старой ельцинской социальной опоры, Путин приобрел и новую — тех слоев, для которых революционный период — период хаоса, беззакония, утраты великой России, культурного шока и обнищания¹.

Я думаю, совершенно очевидно, что любой ельцинский преемник был бы популярнее Ельцина. Путинская популярность — закономерное отражение того, что постсоветская российская система вступила в состояние расцвета, и одно из проявлений этого расцвета. И эта популярность как бы снимает имманентное имитационно-демократической системе противоречие «формы» и «содержания», формальной зависимости власти от выборов и фактической зависимости результатов выборов от власти. Степень контроля власти над обществом при Путине — очень велика и, очевидно, максимальна для данной системы, но это еще — не мучительный для общества контроль, от которого оно мечтает избавиться. Он принимается большинством безропотно, даже с радостью. Уровень контроля соответствует состоянию общества и удовлетворяет общество².

---

¹ Безусловно, есть сходство роли Путина и роли Сталина на предшествующем витке спирали. Сталин — такая же «янусообразная» фигура: это «верный ученик» и «продолжатель дела Ленина» и одновременно антипод Ленину и «продолжатель дела» Ивана Грозного и Петра Первого, человек, восстанавливающий традиционный порядок после хаоса. Судить о «рейтингах» Ленина и Сталина невозможно, но ясно, что при Сталине происходит «примирение» с советской властью многих приверженцев «старого режима», убедившихся, что «смутное время» позади, Россия — не погибла и вполне «встала с колен». И это сходство роли вторых правителей порождено более глубоким сходством самих режимов победившего революционно-меньшинства, которое обречено превращать свою власть в «безальтернативную», восстанавливая тем самым русские самодержавные политические традиции. Разумеется, эта аналогия — ни в коей мере не тождество. На втором витке спирали все во много раз «мягче». Если Путин — аналог Сталину, то это — «Сталин суперлайт».

² Характерно, что на протяжении всего путинского периода рос удельный вес лиц, считающих теперешнюю систему самой лучшей для России. В 1998 г. 43%

3.2. Достижение максимально возможного контроля власти над обществом и «пределы роста» системы

Достигнутое при Путине состояние полной безопасности власти от каких-либо видимых угроз, независимость власти от общества сделало дальнейшее движение по пути, на который мы встали в 1991 г., излишним и даже опасным. Самым главным мотивом всех действий власти, основным стимулом всей громадной эволюции, которую пережило общество за это время, было стремление достичь гарантированной безальтернативности власти. Власть сначала расправляется с реальными и опасными врагами, затем борется с теми, от кого исходят сколько-нибудь потенциальные и отдаленные угрозы, и, наконец, она ликвидирует все видимые ей возможности появления таких угроз. Достигается «оптимальное» состояние.

Разумеется, теоретически движение по заданному пути может продолжаться. Сохраняются некоторые независимые от власти СМИ, есть легально действующие противники власти и т.д. На следующих выборах президенты могли бы при некотором старании получать не 70%, а все 99% голосов. «Единая Россия» могла бы стать не просто партией контролирующей парламент, а единственной партией, как КПСС. Православие — перейти из ранга национальной, в ранг официальной государственной религии. Перечень таких шагов можно продолжать, и все равно до той степени контроля над обществом, который был в советское время, останется еще очень далеко. Но, очевидно, разные системы имеют разный оптимальный с точки зрения безопасности власти уровень контроля. Поскольку советская система базировалась на догматической идеологии, уровень контроля в ней должен был быть очень высоким — ей недостаточно было одной политической лояльности. Она была обязана утверждать и поддерживать коммунистическую идеологию, мировоззрение, которое внушалось каждому советскому человеку с детства и сопровождало всю его жизнь. Отрицание этой идеологии было равносильно революционному

считали, что лучшей была бы советская система, 32% — западная и только 13% — та, которая есть. В 2008 г. их соотношение было — 24%, 15% и 36% (Общественное мнение — 2008. Ежегодник. М., 2008. С. 21).

отрицанию системы. Поэтому издание произведений, скажем, Троцкого или Солженицына представляло бы собой реальную опасность для власти. Российская постсоветская система не базируется на жесткой, догматической идеологии. Она может быть в безопасности при относительно большой степени идейной свободы и плюрализма — лишь бы эти свобода и плюрализм не вели к направленным против власти реальным политическим действиям в масштабах, которые могут угрожать власти. Необходимый уровень контроля здесь — значительно ниже. Более того, поскольку это имитационно-демократическая система, ей необходим демократический «фасад», для ее стабильности необходимо поддержание некоторого уровня плюрализма и «демократичности», сохранение «фасада».

В процессе развития системы, установления все большего контроля власти над обществом, возникает громадная инерция движения, которая все время выталкивает за пределы оптимального уровня контроля. Власть естественно стремится «перестраховаться», уничтожить даже отдаленные возможности появления опасностей. Ей мерещатся опасности даже там, где их совершенно нет. Но переход за границы оптимального уровня контроля совершается даже помимо стремлений верховной власти. Например, для сохранения власти на выборах нужен некий гарантированный минимальный уровень голосов. Но поскольку успешность местных властей верховной властью оценивается, прежде всего, по тому, как они обеспечивают нужные результаты голосования, между региональными властями всегда будет соревнование — кто покажет лучшие результаты¹. Губернатор не может допустить, чтобы его область оказалась самой оппозиционной. И это неизбежно будет выводить цифры далеко за пределы необходимого минимума, доводя их до абсурдных величин, вроде 90% голосующих за Путина в Чечне. Кроме того, после достижения определенного уровня электоральной поддержки снижение этого уровня, даже если он все равно значительно превышает необходимый, может быть воспринято как начало упадка, потеря поддержки и контроля. Поэто-

---

¹ В этом отношении очень интересен пример недавних парламентских выборов в Белоруссии. Лукашенко, уставший от международной изоляции и стремящийся подправить свой «имидж», похоже, искренне хотел, чтобы в парламент попали представители оппозиции. Но у него ничего не получилось. Объяснение, очевидно, — в том, что ни один глава местной администрации не хотел, чтобы это произошло именно в его округе.

му все такие цифры будут неизбежно стремиться к росту (и к абсурду). Если от пятидесяти с лишним процентов голосов за президента мы перешли к семидесяти с гаком, то возвращение к пятидесяти — уже очень трудно, а движение к восьмидесяти и далее, напротив, — естественно и просто. Если применить обычное сравнение с «закручиванием гаек», то можно сказать, что система имеет тенденцию «закручивать» эти «гайки» все сильнее и сильнее. Но, продолжая эту метафору, мы можем сказать, что при этом возникает опасность «сорвать резьбу».

В нашей эволюции к 2008 г. мы пришли к уровню контроля, который, очевидно, уже начал выходить за пределы оптимального и становиться избыточным и дисфункциональным. В какой-то мере он даже начал раздражать народ¹. Демократический фасад стал разрушаться, и изображать Россию своеобразным, но все же демократическим государством, становилось все труднее. И создается впечатление, что это как-то ощущается властью, беспокоит ее и заставляет менять поведение, отходить от единой и планомерной политики «закручивания» всех возможных «гаек».

Это замедление или даже прекращение движения ко все большему контролю видно во многих аспектах деятельности власти уже во второй путинский срок. Здесь нужно смотреть не только на то, что делает власть, но и на то, что она могла бы делать, но не делает. Например, установление контроля над СМИ достигает определенного необходимого уровня, но власть не стремится довести его до логического конца и оставляет жить ряд оппозиционных изданий, а Медведев даже дает свое первое интервью российской прессе оппозиционной либеральной «Новой газете». Власть создала и всячески продвигала «Единую Россию». Никаких особых помех для окончательного утверждения ее в качестве единственной «партии власти» нет, и практически нет опасности, что эта партия, являющаяся «тенью власти», могла бы как-то пытаться ограничивать власть. Но отношение самого Путина к его же собственному детищу — явно двусмысленное. Путин так и не стал формальным лидером партии и вместо простой и ясной системы одной и подконтрольной партии стремился создать какой-то тоже подконтрольный

---

¹ В этом отношении очень интересно, что при всем одобрении народом построения «властной вертикали» и всей популярности Путина за возвращение прямых выборов губернаторов высказались 61% опрошенных, а против — только 19% (Общественное мнение — 2008. Ежегодник. М., 2008. С. 57).

противовес ей в лице не менее лояльной ему, но якобы более «левой» «Справедливой России». Затем, уже при Медведеве, началось строительство лояльной правой партии, и появились, правда, довольно робкие попытки власти чуть-чуть оживить партийную жизнь. Вместо простой и легко управляемой партийной системы власть пытается создать систему более сложную, значительно хуже управляемую, но более «демократическую»¹.

Все это можно объяснить только одним — осознанием власти, что дальнейшее движение ко все большему контролю уже становится ненужным и даже опасным, ведет к разрушению демократического фасада. (Разумеется, это осознается и проговаривается не в таких терминах.)

3.3. Чего мог испугаться президент?

Очевидно, такого рода мотивы лежат в основе так и оставшегося в основном не объясненным решения Путина уйти с поста президента. Ясно, что это было абсолютно свободное решение, и если бы Путин захотел, он вполне мог бы продлить свое правление, не встретив никакого серьезного сопротивления ни во властной верхушке, ни в народе. (Это, если бы ему позволяло здоровье, мог бы и Ельцин, хотя ему пришлось бы приложить значительно больше усилий, чем Путину.) Тем не менее Путин решил «не трогать Конституцию» и, так как просто уйти он все же не решился (и это, действительно, было бы очень трудно), создал очень странную, вряд ли комфортную и для него и для его преемника и, скорее всего, неустойчивую ситуацию своего премьерства при президенте Медведеве. Отказавшись продлевать свое президентство, Путин

---

¹ Опять-таки мы видим много аналогий этому в других постсоветских государствах. Нигде, кроме Туркменистана и Узбекистана, не произошло полной ликвидации оппозиции. Везде наряду с главными, президентскими партиями, есть и маргинальные оппозиционные. Эксперименты с управляемой, искусственной многопартийностью ряда лояльных власти партий — тоже не специфически российское явление. Очень долго такие эксперименты проводил в Казахстане Назарбаев — пока в управляемую многопартийность не вторглись неуправляемые конфликты в назарбаевской семье и не появилась тенденция превращения этих партий в опору для отдельных враждующих друг с другом членов семьи. Тогда Назарбаев «слил» эти партии в единую партию «Нур Отан». Сейчас возникающая у нас система управляемой многопартийности наиболее близка к созданной в Узбекистане И. Каримовым, где ряд партий соревнуются в своей любви к президенту.

поступил так, как не поступал ни один глава постсоветских имитационных демократий (уход Ельцина — не в счет, ибо он, очевидно, связан с проблемами с его здоровьем), и в результате российская система отклонилась от нормальной для таких систем траектории развития и даже приобрела несколько более «правовые» формы.

Чего же мог «испугаться» второй президент? Скорее всего, дело не в каком-то особенном пиетете Путина пред Конституцией — он прекрасно знает, как она принималась, и в других вопросах особого пиетета к ней не проявлял. Дело в другом. Изменение Конституции и превращение путинской власти в безгранично продлеваемую, окончательно и явно продемонстрировало бы тождественность нашей системы с разными авторитарными системами «третьего мира» и положило бы конец всем претензиям на то, что она, пусть своеобразный, национальный и «суверенный», но все же вариант «европейской демократии». А это требовало решимости и какого-то морального и идейного обоснования, которых не было. Более того, в какой-то мере это было бы чревато дестабилизацией, ибо нарушало установившийся баланс между реальностью безальтернативной власти и формальными демократическими институтами. Путин как бы остановился перед той чертой, за которой начинается «нормальная» третьемировская диктатура и не решился ее перейти¹. Движение вперед прекрати-

---

¹ Возникает вопрос — почему эту черту не боялись переступить другие постсоветские президенты, правящие при аналогичных системах власти, почему для Путина оказалось трудным то, что было легко, Назарбаеву, Каримову, Рахмонову. Скорее всего, кроме сугубо личностных факторов, о которых мы судить не можем, здесь сыграли свою роль и некоторые культурные факторы. Для России (и соответственно, для российского президента) психологически очень важно ощущать себя «европейской страной». Сравнение с Казахстаном и Узбекистаном нас скорее унижает. Есть и еще два обстоятельства. Центральноазиатские режимы имеют определенные идеологические оправдания авторитаризма, которых нет в России. Это, во-первых, очень преувеличиваемая, но все же реальная угроза исламского фундаментализма, по отношению к которой «светский» авторитаризм — «меньшее зло». (В ельцинской России аналогичную роль играли «красно-коричневые», но эта угроза — давно в прошлом.) Во-вторых, у азиатских правителей есть еще одно, «националистическое» оправдание — демократия придет когда-нибудь потом, но главное, что мы строим первое в истории современное казахское (узбекское и т.д.) государство. Очевидно, таким образом, что оптимальные уровни и формы контроля и роль демократического фасада в разных имитационно-демократических системах — разные и зависят от некоторых культурных факторов. Туркменбаши С. Ниязову целовали руки, и это было «функционально», укрепляло авторитет власти. Целование рук у Путина или Лукашенко было бы «дисфункционально».

лось, и началось «топтанье на месте» у невидимой черты или даже попытки отойти от нее.

В пользу такого объяснения говорит и сам выбор Путиным не кого-либо из его старых товарищей по КГБ, а интеллигентного Д. Медведева, с его «либеральными» и «правовыми» тенденциями. Психологически Медведев почти так же отличается от Путина, как Путин от Ельцина. Очень интересно, что при выборе преемников и Ельцин и Путин очевидным образом не стремились найти человека, максимально похожего на них самих, но подбирали людей, чьи психологические качества соответствовали задачам, объективно возникающим на данном этапе развития системы.

Об этом же говорит и последовавшая сразу за его назначением-избранием серия либеральных и «демократических» заявлений и символических жестов Медведева¹. Медведев отказался от термина «суверенная демократия» и активно использует либеральную лексику («Свобода лучше, чем несвобода»), клеймит в своих статьях и выступлениях традиционные пороки российского общества² и говорит о реальной демократии с ротацией у власти разных политических партий как о цели развития³ (хотя и отдаленной и к которой надо идти медленно и постепенно)⁴. Правда, реальные шаги Медведева в направлении либерализации системы мизерные. Они сводятся к некоторому облегчению усло-

---

¹ Либеральные шаги компенсируются жестким внешнеполитическим поведением Д. Медведева, особенно в отношении к Грузии. Я думаю, что это нормально, ибо Медведев не может допустить, чтобы его «либерализм» воспринимался как проявление слабости.

² Из послания Президента Федеральному собранию: «Государственный аппарат у нас — это и самый большой работодатель, самый активный издатель, самый лучший продюсер, сам себе суд, сам себе партия и сам себе, в конечном счете, народ» (<http://ura.ru/content/svrd/25-02-2009/news/1052093255.html>).

³ «Как в большинстве демократических государств, лидерами в политической борьбе будут парламентские партии, периодически сменяющие друг друга у власти. Партии и их коалиции будут формировать федеральные и региональные органы исполнительной власти (а не наоборот), выдвигать кандидатов на пост главы государства, руководителей регионов и местного самоуправления» (http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml).

⁴ Особые надежды Медведев связывает с развитием Интернета, что не предполагает резких шагов и значительных политических усилий. «Распространение современных информационных технологий, которому мы будем всячески содействовать, дает беспрецедентные возможности для реализации таких фундаментальных политических свобод, как свобода слова и собраний. Для выявления и ликвидации очагов коррупции» (там же).

вий регистрации партий и их участию в выборах, незначительному расширению представительства малых оппозиционных партий в Думе, очередной реформе Совета Федерации, в который теперь будут выбираться-назначаться только депутаты законодательных собраний, делающей его чуть более представительным. А такие его действия, как продление президентского срока до шести лет и переход к фактическому назначению председателя Конституционного суда, просто противоречат заявленным целям Медведева (мотивы этих действий совершенно не ясны и могут быть связаны со сложными отношениями в медведевско-путинском «тандеме»). Что же касается замены Путиным прямых выборов губернаторов их назначением, новый президент сказал, что не видит «условий, при которых мы могли бы от этого решения отказаться ни сейчас, ни через 100 лет». Но хотя сами по себе либеральные шаги президента значат не так много, они, вместе с новым стилем и либеральной лексикой, говорят об изменении вектора движения. Очень характерно, что в либеральных кругах, возлагающих на Медведева надежды, эти надежды определяются словом «оттепель», говорящем об интуитивном осознании параллелизма советского и постсоветского циклов развития.

Я думаю, что все это говорит о том, что мы вступили в новый этап развития постсоветской системы. Если сравнивать нашу политическую систему с живым организмом (а такое сравнение — значительно больше, чем поэтическая метафора), то можно сказать, что этот организм достиг этапа максимального расцвета и зрелости, который одновременно является этапом прекращения роста. Поступательное движение ко все большему контролю над обществом останавливается, дальше двигаться уже некуда. В достигшем зрелости организме начинают действовать силы саморазрушения.

В предшествующем цикле развития советской системы аналогичный этап «топтанья на месте» и отступления после достижения и превышения максимально допустимого уровня контроля (сменивший этап поступательного одновекторного развития), занял большой период времени — от смерти Сталина и хрущевской «оттепели» до начала горбачевских реформ. Сколько времени займет аналогичный этап постсоветского цикла — сказать невозможно, но, скорее всего, значительно меньше.

4. Нарастание противоречий и движение к кризису политической системы

Имитационно-демократической системе имманентны глубокие противоречия, которые с течением времени обостряются и ведут к кризису системы и ее разрушению. Прежде всего — это противоречие между авторитарным «содержанием» и демократической «формой». Система прочна до тех пор, пока это противоречие не осознается. Но вся естественная эволюция системы, равно как и эволюция общества, совершающаяся в рамках этой системы, ведут к тому, что это противоречие все более «выходит наружу».

Логика развития системы ведет к превращению выборов в фикцию, ритуал. Выборы 1991 г. были действительно свободными и действительно «судьбоносными». Выборы 1996 г. еще могли восприниматься как «судьбоносные». Хотя объективно Ельцин уже был «безальтернативным» кандидатом, их участники могли воспринимать свое голосование как результат своего свободного и даже трудного решения. Некоторая «спонтанность» и неполная предсказуемость результатов сохранялась даже в 2000 г. Но в 2004 и 2008 гг. выборы уже вообще не воспринимались как выборы. Их исход был очевиден абсолютно для всех. Они еще не вызывали протеста, но уже перестали вызывать интерес¹. Их психологическое значение приблизилось к значению ритуальных советских выборов.

---

¹ В 2005 г. 30% опрошенных считали, что Путин в 2008 г. «назначит» преемника, как это сделал Ельцин, хотя только 18% полагали, что ему следовало бы так поступить. Только 18% считали, что президентом станет «новый человек, победивший соперников в честной борьбе», 39% — что «Путин и его окружение назовут преемника»

На пике развития системы популярность президента снимает, камуфлирует противоречие самой идеи выборов и реальной «безальтернативности» их результатов. Бесконечно так продолжаться, однако, не может. 70% голосов, полученных Путиным в 2004 г. и Медведевым в 2008 г., — это, очевидно, максимум того, что можно получить без явных и массовых фальсификаций (массовый характер они имели только в отдельных регионах, вроде Чечни), скрыть которые все равно невозможно.

Но прочность любой власти зависит от признания обществом ее легитимности, права правителей на власть. Та старческая немощь, которая поразила СССР в конце его жизни, проистекала именно от утраты веры в идеологию, придававшую легитимность советской системе. При имитационно-демократической системе, как и при демократии, которую она имитирует, власть не имеет иных источников легитимации, кроме выборов, народного голосования. Для поддержания ощущения ее правомерности необходимо поддержание иллюзии народного избрания. Поэтому полное исключение общества из процесса передачи верховной власти, ритуализация выборов и фальсификация их результатов в конце концов неизбежно ведут к делегитимации власти, а значит — к распаду всей системы. Власти кажется, что 70% поданных за нее голосов — это очень хорошо, лучше, чем 60%, а 80% было бы еще лучше. Но на самом деле 80% — это уже не так далеко от конца.

Этот процесс делегитимации — один из аспектов эволюции системы на «нисходящем» этапе ее развития. Сама логика разви-

---

и народу останется только его поддержать», и 26% — что Путин изменит конституцию и останется на третий срок (Общественное мнение — 2005. Ежегодник. М., 2005. С. 88–89). С утверждением, что на предстоящих президентских выборах «будет создаваться видимость борьбы, а президентом все равно признают того, на кого укажет Путин», согласились 57% опрошенных в апреле, 53% в октябре 2005 г. и 51% в октябре 2006 г. (Общественное мнение — 2006. Ежегодник. М., 2006. С. 107).

С утверждением, что «поскольку ясно, кто станет победителем на этих президентских выборах, то нет смысла терять время и ходить голосовать» в 2008 г. согласились 38%, не согласились — 53%. 13% считали, что выборы 3 марта прошли в атмосфере «всеобщего безразличия», 43% — «без особых чувств» и 33% — «со всеобщим одушевлением». 80% считали, что Медведева сделали президентом «люди, стоящие у власти», и только 13% — «рядовые избиратели» (Общественное мнение — 2008. Ежегодник. М., 2008. С. 76, 82).

Протест против превращения выборов в формальность стал выражаться в росте числа голосующих «против всех», что напугало власть и привело к отмене в 2006 г. этой графы в бюллетенях.

тия системы приближает ее естественный конец. Но эта делегитимация ускоряется идущими независимо от эволюции системы процессами развития общества. Если эволюция системы ведет к тому, что выборы становятся все более фиктивными, то эволюция общества ведет к тому, что его способность увидеть эту фиктивность становится все больше. Российское общество пока что в основном — общество людей, живших при советской власти, привыкших к тоталитарным условиям, которые вполне могут воспринимать значительно более свободную, чем советская, имитационно-демократическую систему как вполне демократическую (и многие — даже как «слишком демократическую»)¹. Для многих старых людей, воспитанных в советское время, ритуальное голосование за власть — норма, а голосование за оппозицию и переизбрание власти психологически невозможны. Но это поколение уходит, а следующие поколения формируются уже в иных условиях, и воспринимать имитацию демократии как ее реальность для них, очевидно, будет труднее, чем для старшего поколения².

Таким образом, идут два закономерных «встречных» процесса. С одной стороны, ритуализация выборов, разрушение демократического «фасада» системы, которая становится все более зримой, очевидной. С другой — эволюция общества, в ходе которой оно становится все менее способным обманываться этим фасадом. В какой-то момент эти два процесса неизбежно «столкнутся» и поддержание имитационно-демократической системы станет невозможным.

---

¹ По данным «Левада-центра», в 2006 г. в списке 13 разных эпох российской истории, среди которых респондентам надо было выбрать ту эпоху, когда политический строй был наиболее демократическим, «между февралем и октябрем 1917 г.» выбрали 2%, «в 1905–1916 гг.» — 2%, горбачевскую — 4%, а больше всех (22%) было выбравших эпоху Путина (Общественное мнение — 2006. Ежегодник. М., 2006. С. 17). В 2008 г. 54% опрошенных считали, что Россия «движется к демократии», хотя при этом 30% полагали, что она все-таки «затормозилась» на этом пути (Общественное мнение — 2008. Ежегодник. М., 2008. С. 22).

² Данные опросов показывают систематические различия в отношении к демократическим ценностям между людьми старшего поколения и молодежью. Так, среди лиц 16–25 лет считали, что принесли больше пользы, чем вреда — свобода слова: в 1994 г. — 65%, в 2004 г. — 69%, а среди лиц старше 55 лет — 39% и 31%, многопартийные выборы: соответственно 28 и 36% и 21 и 19%, свобода выезда за границу: 58 и 69% и 28 и 43%, свобода предпринимательства: 63 и 76% и 23 и 41% (Левада Ю. Ищем человека. М., 2006. С. 305).

4.1. Атрофия обратных связей

Усиление контроля власти над обществом означает также постепенную «атрофию» обратных связей с обществом. Власть последовательно закрывает все каналы, по которым ей может поступать информация о реальных процессах.

Выборы перестают давать реальную картину общественных настроений. СМИ так же рисуют все более приукрашенную картинку, никак не отражающую реальную действительность. В наиболее массовых СМИ сейчас отсутствует какая бы то ни было критика власти¹. А это имеет два следствия.

Во-первых, процесс изменения общественного сознания не проникает на поверхность общественной жизни, он происходит в глубоких слоях сознания, не фиксируемый ни результатами выборов, ни даже опросами. Разочарование и раздражение накапливаются незаметно, но в какой-то момент они неизбежно прорвут верхние, «конформистские» слои сознания — как это происходило в конце советского периода, когда переход от 99,9% голосующих за «блок коммунистов и беспартийных» и фиксируемой опросами (настоящими) всеобщей «поддержки политики партии» к полной и бескровной ликвидации КПСС и СССР занял всего несколько лет. Нужен лишь какой-то толчок, чтобы произошел внезапный и быстрый переход от массы индивидуальных смутных и подавляемых негативных чувств к их всеобщему и открытому выражению. И по мере эволюции системы сила толчка, необходимая для ее распада, становится все меньше — потрясение, которое легко переносит молодой организм, может иметь летальный исход для старого.

Во-вторых, власть погружается в иллюзорный мир. У нее исчезают реальные оппоненты, с позицией которых она вынуждена считаться (фактически единственными такими оппонентами остались власти других государств, что, очевидно, усиливает ощущение враждебности внешнего мира). Как и в советское время,

---

¹ Особенно четко это было видно в условиях начавшегося экономического кризиса. Власть прямо требовала от СМИ не употреблять слово «кризис». О возникающих стихийных протестах даже таких масштабов, как во Владивостоке, почти не было сообщений. Были даже попытки преследовать за «экстремизм» тех, кто предупреждает власть об опасностях.

власть верит своей собственной пропаганде. Она слушает тех экспертов, которые говорят ей приятное и укрепляют ее иллюзии. К ней перестают поступать сигналы об опасности (сигналы от спецслужб не в счет — как опять-таки показала советская история, зафиксировать реальные опасности на позднем этапе развития системы они не могут), и она не может просчитать результаты своих действий, предвидеть, где они могут привести к неожиданному взрыву, как это мы видели, например, при проведении монетизации льгот в 2005 г. и затем в 2008 г. во Владивостоке при попытке запретить использование автомобилей с правым рулем, или к явно непредвиденным международным осложнениям и экономическим потерям, как в газовом конфликте с Украиной на рубеже 2008/2009 г. Если сила необходимого для распада толчка становится все меньше, то шансов, что власть своими действиями сама произведет такой толчок, — все больше.

Реальность все равно как-то проникает в сознание правителей, но проникает в искаженной, мифологической форме. Смутные страхи власти перед неконтролируемыми и непонятными ей процессами заглушаются усиленной борьбой с внешними угрозами и «подрывными элементами» — внешние и видимые угрозы всегда менее страшны, чем неизвестные, невидимые и только смутно ощущаемые. И это еще более способствует неадекватности реакций власти. В советское время власть заглушала свои страхи перед невидимыми, неясными, но смутно ощущаемыми и ею процессами наращиванием числа ракет, войной в Афганистане и тем, что против каждого диссидента она могла выставить сотни, если не тысячи работников КГБ. Сейчас власть стягивает громадные силы ОМОНа против горстки «несогласных», постоянно конфликтует с соседями, воюет с Грузией и посылает военные корабли в Карибское море. Обернуть вспять естественный процесс власть не может, а ее борьба с внешними проявлениями или мифическими угрозами лишь ускоряет его.

Внешне полный контроль над обществом, достижение полной предсказуемости в сфере формальной общественной политической активности оборачивается своей противоположностью — полной бесконтрольностью и непредсказуемостью. Никто не знает, где и по какому поводу может возникнуть локальный взрыв общественного протеста по типу кондопожского или владивостокского и насколько реально опасность слияния разнородных частных и локальных проявлений протеста в общую

«смуту». Никто не знает, что происходит на Северном Кавказе. Никто, включая самих участников тандема, не знает, долго ли он продержится и каким будет его конец.

4.2. Социальная мобильность «по-бюрократически»

Еще одним закономерным процессом, ослабляющим власть и, в конечном счете, ведущим к разрушению системы, является установление доминирования специфически бюрократической социальной мобильности.

Эпоха «хаоса» рубежа 80-х и 90-х годов — это эпоха возникновения новых «лифтов» социальной мобильности, эпоха молниеносных карьер и появления на поверхности общественной жизни людей, поднявшихся «наверх» не бюрократическим путем и независимо от воли «начальства», — «выскачок» самого разного толка и рода (от Сахарова до Жириновского и от Лебеда до Березовского). Это эпоха далеко не всегда привлекательных, но «сильных» и ярких личностей — персонажей «Кукол» Шендеровича. Но она уже давно в прошлом.

Установление все большего контроля власти над обществом — это одновременно расширение круга должностей и социальных позиций, занятие которых определяется волей вышестоящих, а в конечном счете — президента. Размеры российского бюрократического аппарата при Путине превысили размеры аппарата всего СССР. Но дело не только в числе чиновников. Дело в том, что бюрократические механизмы мобильности распространяются на сферы, формально не относящиеся к чиновничьему аппарату. Стали назначаться президентом ректоры крупнейших университетов, назначаемой стала должность президента РАН. Формально выборные должности, вроде должностей депутатов, фактически стали назначаемыми.

Механизмы отбора, «карьерные фильтры» и «карьерные лифты» при бюрократической системе мобильности устроены совершенно иначе, чем они устроены в других системах мобильности (рыночной, научной и т.д.) и в системе политической мобильности, определяемой демократической конкуренцией за голоса избирателей. Чтобы понравиться начальству, нужны совсем иные качества, чем для того, чтобы понравиться народу. И если сфера

публичной демократической политики сужается, значит, в элите исчезают и люди, способные к такой политике. Сама по себе эта смена доминирующего типа личности не всегда означает ухудшение качества элиты. Демагоги-популисты, которые в изобилии выносятся наверх в молодых, «неустоявшихся» демократиях (и молодых «имитационных демократиях»), как они выносились у нас наверх на рубеже 80-х и 90-х годов, очень не похожи на бюрократических карьеристов, но вряд ли они всегда умнее и лучше их. Однако демократический способ мобильности не предполагает систематического выдвигания «наверх» все более интеллектуально и морально слабых людей. Демагоги и сумасшедшие характерны для молодых, неустоявшихся демократий и «переходных периодов». Затем они исчезают. А в авторитарном обществе при соответствующей ему бюрократической системе мобильности постоянно действует принцип «выживания слабейших».

У назначающих начальников всегда и неизбежно присутствуют такие мотивы, как страх, что их подчиненные могут их «подсидеть», понравившись еще более вышестоящему начальству, желание иметь рядом с собой послушных и контролируемых людей, наконец, просто людей, сравнивая себя с которыми начальник ощущает себя выше по интеллекту и другим личным качествам. Бюрократическая социальная мобильность поэтому имеет тенденцию к выдвиганию «наверх» все более безликих людей. Качество бюрократически рекрутируемой элиты неуклонно ухудшается, и длительное действие бюрократических механизмов имеет катастрофические последствия для качества элиты.

Данный тезис прекрасно иллюстрирует постепенное снижение интеллектуального и морального уровня советской элиты от эпохи Ленина до эпохи Черненко.

Этот естественный процесс на постсоветском витке спирали пошел уже при Ельцине, последовательно «убиравшем» всех, кто реально был или только мог оказаться его соперником, или же просто в силу своих качеств был недостаточно контролируем и способен сопротивляться каким-то его решениям (это были самые разные люди — Руцкой, Хазбулатов, Бурбулис, Гайдар, Лебедь, Черномырдин). При Путине этот процесс продолжался ускоренными темпами и зашел так далеко, что стал очевиден даже для массового зрителя телевидения, вызвав к жизни анекдоты о «путинских овощах», и, вполне вероятно, породив некоторую

тревогу у самого Путина и у его преемника¹. Очевидно, в нашей теперешней системе он идет даже быстрее, чем в советской. Во-первых, потому что в современной элите есть громадная преемственность с позднесоветской, уже очень «выродившейся» в результате длительного действия бюрократического отбора. Во-вторых, в советское время даже в поздний период в назначениях и карьерах все-таки в какой-то мере присутствовала идейная мотивация, которая сейчас практически отсутствует.

Качество элиты ухудшается не только спецификой бюрократической мобильности, но и имманентным имитационно-демократическим системам высоким уровнем коррупции. Коррупция играет в системах этого вида иную роль, чем в реальных демократиях и чем в недемократических системах иного типа (открытых военных диктатурах, традиционных монархиях), где нет такого разрыва между неправовым содержанием и правовой формой. Отступление от закона ради личных целей носителей власти здесь неразрывно связано с самой сутью системы, поскольку обеспечение безальтернативности власти в условиях формального действия демократических норм может достигаться лишь незаконным или квазизаконным путем. Самая главная форма коррупции — контроль над выборами. Но ясно, что если высшие конституционные нормы принципиально не могут не нарушаться, возможности ограничения коррупции — минимальны. Не случайно, что в путинский период уровень коррупции неуклонно рос — параллельно с ростом контроля власти над обществом², что вызвало тревогу и поиски противодействующих коррупции мер у его преемника.

Послушная, безликая, безынициативная и коррумпированная элита идеальна для авторитарной власти в условиях стабильнос-

---

¹ Возможно, отчасти пониманием того, что подъем талантливых людей по нормальным лестницам политической мобильности невозможен и ощущением низкого качества элиты вызвано создание таких органов, как Общественная палата и Совет по развитию гражданского общества, куда назначаются лица, выдвинувшиеся по не политическим и не бюрократическим лестницам мобильности. Естественно, что эти органы выполняют и функцию нейтрализации потенциально опасных фигур, их «приручения».

² По индексу восприятия коррупции, проставляемому «Транспэрэнси Интернешнл», где 10 — полное отсутствие коррупции, а 0 — максимально возможный уровень, Россия в 1996 г. имела оценку 2,5, 2005 г. — 2,4, 2007 г. — 2,3, 2008 — 2,1. Среди 180 стран Россия была на 147 месте. <http://www.lenta.ru/news/2008/09/23/transparency/>.

ти-«застоя». Такая элита не может стать идейно оппозиционной, в ней ослаблена солидарность, и на отдельных, почему-либо взбунтовавшихся ее представителей у власти всегда найдется управа. Элита всегда будет исправно приносить «дань» (местные власти — «правильное» распределение голосов на выборах, владельцы СМИ — «правильное» освещение событий, судьи — «правильные» судебные решения, олигархи — просто деньги), получая взамен «индულгенцию на коррупцию». Очень характерно, что Путин, став премьером, предупреждает молодого президента против поспешных кадровых изменений — вряд ли ему так уж нравится теперешняя элита, но для стабильности и управляемости она представляется ему оптимальной. Однако для каких-либо иных целей, требующих идейной мотивации, самоотдачи, дисциплины и одновременно способности к самостоятельным решениям, умения убеждать людей, она не пригодна. В кризисной ситуации такая элита неизбежно окажется бессильной и готовой как можно быстрее покинуть «тонущий корабль», с которым ее не связывает ничего, кроме личных интересов. В конце советской власти мы видели поразительно слабое сопротивление антикоммунистической революции со стороны деидеологизированной и деградировавшей позднесоветской элиты, стремительно перебежавшей в лагерь демократов. Сопротивление реальной угрозе власти еще более деидеологизированной и деградировавшей постсоветской элиты будет, несомненно, еще меньшим.

4.3. Единственная идеология — обеспечение лояльности

В отличие от советской системы у теперешней, постсоветской, нет своих идеологических (или мифологических) целей, вроде построения коммунизма и победы социализма во всем мире. Эти цели, в начале советского развития ощущавшиеся как реальные и действительно мотивировавшие деятельность и власти, и миллионов людей, к концу советского периода утратили реальное мотивирующее значение. Но даже в это время они «по инерции» придавали некую логичность и последовательность действиям власти как внутри страны, так и на международной арене.

В начальный период существования постсоветской системы аналогичную роль в какой-то мере выполняли идеи построения

передового демократического рыночного общества, «возвращение в мировую цивилизацию». Но реальное развитие пошло совсем не в направлении демократии, и эта цель быстро отпала. Главным реальным стимулом действий власти и развития системы стало достижение гарантированной безальтернативности власти и возвращение утраченных на рубеже 80-х и 90-х годов порядка и управляемости. Но когда эти цели уже достигнуты, оказывается, что у системы цель исчезла вообще, как исчезла и перспектива развития. Нет никакого ясного образа политического будущего России и тем более никакого плана движения к воплощению этого образа в жизнь¹. Власть не может ни сказать, что система безальтернативных президентов, передающих власть избранным ими преемникам, — идеальная для России (или просто идеальная), ни сказать, что это — порочная система, которая идет к неизбежному кризису и которой суждено уступить место реальной демократии. Она обречена на невнятицу и противоречивость в словах и мыслях. Отсутствие у Путина и Медведева электоральных программ, их отказ полемизировать с соперниками (или «квазисоперниками») символизирует не только их ориентацию на традиционалистскую монархическую лояльность (царь не может полемизировать с поданными), но и отсутствие каких-либо планов и образов будущего, более конкретных, чем благие пожелания передовой, процветающей и сильной России. Единственным мотивом действий становится просто стремление к самосохранению системы, «стабильности», к тому, чтобы будущее было повторением настоящего. Но такое превращение стабильности в самодостаточную цель и есть «застой», который в постсоветское время наступает значительно раньше, чем в советское.

Политика сводится к обеспечению лояльности и проверке лояльности бюрократии и «олигархов», от которых, кроме лояльности, ничего и не требуется, и пресечению всяких спонтанных общественных действий — источников потенциальной дестабилизации. Президент (сейчас тандем президента и премьера) стоит во главе громадной, охватывающей все общество системы «клановых», патронажно-клиентельных связей и его главная забота — следить за стабильностью этой системы.

---

¹ Демократические образы будущего в текстах Медведева носят скорее мечтательный, «маниловский» характер. Они никак не соотносятся с его реальными действиями.

Но контроль, цель которого — обеспечение стабильности и лояльности, неизбежно становится формальным, как он становился формальным в позднесоветский период. Это, например, очень четко видно в отношении Кремля к региональным властям. В позднесоветский период верховная власть полностью удовлетворялась безоговорочной лояльностью республиканского руководства и позволяла ему за это свободно выстраивать в республиках системы клиентельных иерархий. Возникали внутренне независимые, «автономные» системы власти Рашидовых, Кунаевых, Бодюлов и т.д., которые власть даже боялась тронуть, чтобы не «дестабилизировать» ситуацию. Совершенно то же происходит и сейчас. Внешне крайний централизм сочетается с практической бессменностью и «безальтернативностью» Лужковых, Рахимовых, Шаймиевых и Илюмжиновых. О полностью самостоятельной власти, совершенно не считающейся с российскими законами, но соблюдающей вассальную лояльность династии Кадыровых и говорить нечего. Так же стабильно и положение лояльных олигархов, которым в трудную минуту власть приходит на выручку, — ибо эти олигархи уже контролируемы, а их разорение и выдвижение каких-то новых также чревато «дестабилизацией» и опасностями. Страх как-то дестабилизировать ситуацию сковывает власть. Это особенно ясно видно сейчас, в ситуации «тандема», когда стремящийся несколько либерализовать систему Медведев решается только на крохотные шажки. Полная централизация и чуть ли не всемогущество президентской власти при отсутствии иных целей, кроме стабильности, переходят в бессилие.

Быстро пройдя через романтический революционный период становления, через период изживания хаоса и построения авторитарного порядка и достигнув «зрелости» — максимально возможной для нее управляемости, — система погружается в период чисто инерционного существования, аналогичный периоду «застоя» в советском цикле развития, который на втором «витке спирали» наступает значительно быстрее, чем на первом. За этапом зрелости идет этап склеротической старости и приближения «последнего кризиса».

4.4. Неожиданность кризиса — обязательна

Организм «стареет» и становится все более хрупким, все менее способным сопротивляться. Видя этот процесс, мы можем предсказать будущий кризис со стопроцентной уверенностью. Перспектива бесконечного продолжения нашей квазидинастии — *A* назначил преемником *B*, и *B* получил большинство голосов на выборах, *B* назначил *V* и т.д. — вообще не может рассматриваться.

Но предсказать формы этого кризиса и сроки его наступления — невозможно. Это зависит от множества не поддающихся никакому учету факторов. Невозможно сказать, чем закончится и как повлияет на нас текущий экономический кризис. (В какой-то мере, он, очевидно, ускорит наступление системного кризиса, но прямой связи здесь нет.) Очень многое будет зависеть от того, как будут разворачиваться непредсказуемые события в абсолютно закрытой от общества и, несомненно, неустойчивой сфере личных отношений Медведева и Путина и вообще в узком слое кремлевской верхушки.

Опыт других систем этого «вида» говорит о том, что летальный кризис всегда «подкрадывается незаметно» — его неожиданность имманентна системам, в которых нет обратной связи власти и общества, где в избытке поступают сигналы об опасностях не реальных, но не поступают сигналы об опасностях реальных. Однако кое-что относительно будущего кризиса и формы падения системы сказать все-таки можно.

Самым желательным вариантом развития была бы, естественно, «революция сверху» — сознательный демонтаж системы и планомерный переход к демократии вроде того, что пытался сделать в СССР Горбачев. Надежды на такой процесс оживились в связи с демократическими заявлениями нового президента. Но и горбачевские реформы были реализацией отнюдь не самого вероятного варианта развития советского общества, и «горбачевскую модель» нельзя назвать успешной. Горбачев все же не смог предотвратить наступление революционного хаоса, хотя его реформы, очевидно, способствовали его минимизации, избавили нас от каких-то более страшных вариантов. И даже в самом хорошем варианте последовательного и успешного проведения горбачевских реформ и дальше, впереди нас все равно поджидали бы

кризисы, связанные с первой ротацией власти и с центробежными процессами в СССР. Но в нашей системе «горбачевский» вариант ее демонтажа «сверху» представляется даже менее реальным, чем в советской.

Задача перехода от имитационно-демократической системы к реальной демократии видится относительно простой, много проще, чем задача перехода от «коммунизма» к демократии. Масштабы демонтажа и перестройки в этом случае значительно меньше — рынок и частная собственность уже есть (хотя ограниченные и неполноценные), тоталитарной идеологии уже нет, даже конституцию на первых порах менять необязательно. Но здесь есть свои специфические трудности. Именно потому, что задача Горбачева была крайне сложна, он мог относительно долгое время демонтировать и «перестраивать» систему, приобретя и сохраняя колоссальную личную популярность и поддержку и не встречая активной оппозиции. Очень долгое время горбачевская либерализация означала не ослабление, а усиление его личной власти (он освобождался от сковывающих его как личность аппаратных и идеологических уз) и популярности, и оппозиция, с которой он в конце концов не справился, возникает лишь на относительно позднем этапе реформ. Но в постсоветской системе задачи, которые встали бы перед президентом, который действительно стремился бы привести страну к демократии, были бы, как это ни парадоксально, сложнее, чем у Горбачева. Дело в том, что переход к демократии от имитационно-демократической системы практически сводится к созданию активной оппозиции и перехода к ней власти — осуществлению первой демократической ротации, которая открыла бы путь к системе, в которой ротации — норма. Но задача создания оппозиции, которая сменила бы действующую власть, как задача самого носителя верховной власти — психологически «противоестественна». Президент не может создавать оппозицию самому себе и готовить свое собственное электоральное поражение — это противоречило бы всем нормальным человеческим инстинктам. Какие-то либеральные шаги власти, вроде тех робких шагов, которые Медведев пытается предпринять в последнее время, или даже более радикальные, конечно, возможны, и они, наверное, могут до некоторой степени смягчить формы будущего кризиса. Но представить себе, как демонтаж имитационно-демократической системы мог бы произойти сверху, по «плану

президента», — очень трудно, и я лично не знаю таких исторических примеров¹. Максимум, чего можно ожидать от президента в подобной системе, — что в ситуации возникшей против его воли, и ожиданий угрозы власти он, сопротивляясь, не будет «переходить границы» и относительно легко сдастся, как это сделал, например, Э. Шеварнадзе в Грузии.

Относительно мягкий и упорядоченный вариант перехода к демократии может быть связан также с расколом в верхах по типу того, который намечался в 1999 г., когда мы были не так уж далеко от реально альтернативных выборов. Какая-то подобная ситуация теоретически может повториться. Сейчас, например, явно возникает нечто вроде двух верхушечных «партий», порожденных ситуацией тандема, — «путинской» и «медведевской». Но перенос подковерной и символической борьбы этих «партий» в сферу публичной и, тем более, электоральной политики возможен лишь при какой-то очень маловероятной и практически непредставимой комбинации разного рода случайных и личностных факторов. Ситуация 1999 г. также ведь возникла из очень случайной комбинации обстоятельств, и ее возможное перерастание в реально альтернативные выборы и выход за пределы нашей системы требовали еще менее вероятной комбинации. Во всяком случае Путин категорически отверг возможность своего соперничества с Медведевым и четко сказал, что кто будет следующим президентом, они решат по взаимной договоренности без какого-либо общественного участия.

Как очень маловероятны, практически исключены «революция сверху» и «раскол элиты», так для России исключена и такая «естественная» форма кризиса и демонтажа подобных систем, но в их более «мягких» вариантах, как «цветная революция» по типу украинской, грузинской или сербской (как практически невероятны цветные революции и в таких странах, как Узбекистан,

---

¹ Есть примеры успешного перехода к демократии от традиционных монархических систем, когда монарх вводит конституцию, и от военных диктатур, когда армейское руководство уводит армию в казармы и организует выборы. Но в таких системах нет того несоответствия формы и содержания, которое есть в имитационных демократиях. Соответственно, в них значительно проще решается проблема дальнейшей судьбы правителей. Монарх может так и остаться монархом. Военные, если они не совершили особых злодеяний и приведший их к власти переворот признается вынужденной и чрезвычайной мерой, могут так и оставаться военными. Положение президентов и правящей верхушки в имитационных демократиях — сложнее, ибо не нарушать, и систематически, законы они просто не могут...

Туркменистан, Таджикистан, Казахстан). Тот панический страх «цветной революции», который охватил власть в начале этого десятилетия, когда для уличной борьбы с революционерами она создала «Наших» (постсоветскую пародию на комсомол или хунвейбинов), имел скорее невротический, патологический характер. Для такой революции необходимо наличие сильной и организованной легальной оппозиции, которая способна получить большинство голосов на выборах и вывести людей на улицу, когда фальсификация результатов выборов отнимает у нее победу. Теоретическая возможность такого развития событий у нас была только в районе 1996 г., вернее, не была, а была бы, если бы не особенности нашей тогда еще сильной оппозиции, о которых говорилось выше. Сейчас у нас не только нет такой оппозиции, но уже и нет возможности для ее возникновения. И выборы практически уже утратили у нас характер важного события, с которым связываются общественные ожидания. Наша эволюция в направлении установления все большего контроля власти над обществом зашла слишком далеко.

Все варианты относительно «мягкого» и организованного демонтажа системы, таким образом, оказываются невероятными или очень маловероятными. Но это означает лишь то, что все равно неизбежный кризис, скорее всего, примет у нас более неожиданные, стихийные и неорганизованные формы.

В российском сознании существует порожденный нашей историей невротический страх безвластия и хаоса, побуждающий общество легко соглашаться с установлением авторитарной власти (любая власть ощущается как меньшее зло по сравнению с безвластием). Но именно внешне стабильные авторитарные системы в своей естественной эволюции ведут к тем периодам хаоса, которые мы так хотим избежать. За стабильность российского самодержавия в XIX в., так контрастирующую с бурной историей Западной Европы, расплачиваться пришлось катастрофой 1917 г. За застойную стабильность позднесоветского периода — катастрофой 1991 г. И очень вероятно, что за стабильность и управляемость путинского периода нашей истории тоже придется расплачиваться будущим новым периодом хаоса и распада.

5. Возможные исходы предстоящего кризиса. Вместо заключения

Конец жизненного цикла теперешней системы, как я пытался показать, является «безальтернативным» результатом ее развития. Он — не вероятен, а неизбежен. И с каждым годом он — все ближе. Но предсказать сроки и форму будущего кризиса принципиально невозможно. Такие кризисы всегда наступают неожиданно. Неожиданно пало самодержавие, неожиданно пал СССР, неожиданно происходили цветные революции.

Очень вероятным представляется и то, что будущий кризис, как это было при конце советской системы и еще раньше — при падении царской системы, и как это происходит при всех падениях подобных систем, будет вновь сопровождаться апелляциями к демократическим принципам и явится новой попыткой установить реальную демократию. Иную идеологическую форму этого кризиса представить практически невозможно. Но, как я думаю, ясно из всего предшествующего изложения, апелляции к демократии и даже желание ее установить, совершенно не достаточны для ее победы. Поэтому исход будущего кризиса не предопределен, альтернативен. Логически мы можем представить себе два варианта этого исхода — переход к демократии и новый цикл, «изоморфный» предыдущим¹.

---

¹ В российском массовом сознании присутствует еще один вариант будущего России — ее распад на множество государств. Я думаю, что, когда говорят о распаде России, неправомерно соединяют две разных идеи России — России как государства с определенными границами и России как русской этнической территории. Рос-

5.1. Первый вариант — успешный переход к демократии

Первый вариант — это успешный переход к демократии сразу же после падения данной системы.

Демократия провозглашалась в России в 1917 г. и в 1991 г., и оба раза попытки перейти к демократии проваливались. Но при этом «провал» 1917 г. был во много раз страшнее, чем «провал» 1991 г. Постсоветская система значительно «мягче» советской, элементы демократии сохраняются в ней значительно дольше, и роль демократического и правового «фасада» в ней — значительно больше. Со времени падения советской власти прошло 18 лет. 18 лет после падения царизма — это 1935 год. Развитие в обоих циклах шло в направлении установления все большего контроля власти над обществом, но достаточно сравнить степень контроля 2009 г. со степенью контроля 1935 г., чтобы увидеть все колоссальное различие двух систем и двух циклов развития. Это различие циклов — прежде всего, результат той модернизации, которая совершилась в нашем обществе за советский период. Если на поверхности общественной жизни в советское время шел циклический процесс развития и затем упадка советской системы, то «в глубине» шли поступательные, модернизационные процессы¹. И хотя к концу советского периода

сия как государство и русская этническая территория не совпадают. Российское государство включает в себя страны с очень отличными от русской культурами (остатки империи). То, что в ситуации какого-то острого и глубокого кризиса некоторые из них «отвалятся» и станут независимыми государствами, как это чуть не произошло с Чечней, полностью исключить не возможно. Но это не распад России «в узком смысле слова». Распад же самой этнической России, появление множества жизнеспособных русских государств практически не представимы (хотя провозглашение таких республик в ситуации хаоса — вполне вероятно). Найти в истории примеры подобного распада этнически гомогенной территории очень трудно. Я думаю, что идея распада России скорее относится к разряду невротических страхов.

¹ Не только Россия, но все постсоветские страны, «прошедшие через» СССР, «вышли» из него неизмеримо более современными и более близкими к демократии обществами, чем «вошли». Это относится не только к таким обществам, как казахское или таджикское, проделавшим в СССР просто грандиозный путь, но даже к таким развитым и относительно поздно вошедшим в СССР, как прибалтийские. В первом, межвоенном, периоде независимости Литва сумела сохранить демократию только до 1926 г., а Эстония и Латвия — до 1933–1934 гг. Затем наступил период диктатур. Если сравнить это межвоенное развитие балтийских стран с постсоветским, неизбежен вывод, что даже для этих стран советское развитие, при всех его кошмарах, все же было поступательным развитием, движением вперед.

российское общество не было достаточно готовым к тому, чтобы жить в условиях демократии, оно все же было неизмеримо более готовым, чем в 1917 г. Как и в 1917 г., в 1991 г. мы не смогли «взять планку», однако на это раз «до планки» нам не хватило значительно меньшего расстояния и мы создали не тоталитарную, а имитационно-демократическую систему. Но ясно, что в рамках постсоветской системы также «на поверхности» — цикл развития системы, а «в глубине» совершаются не всегда видимые модернизационные процессы, создающие базу для демократии.

Меняется социальная структура общества. Исчезают наиболее традиционалистские социальные слои, прежде всего — традиционное крестьянство, психология которого, сформированная общиной, крепостным правом и затем советской колхозной системой, несомненно, является важнейшим фактором, определившим нашу политическую культуру. Расширяются новые слои, условия жизни которых предполагают меньшую рутинность, большую самостоятельность личности, свободу выбора. Все больше людей экономически становятся независимыми или менее зависимыми от государства. Все более укореняются «рыночные» и частнособственнические отношения и привычки. Российское общество все более включается в мировую систему. Происходит привыкание к той относительной свободе, которую принесла революция 1991 г. и которую не полностью ликвидировал, а частично даже укрепил возникший из революции имитационно-демократический режим¹.

Поколение, воспитанное при советской власти, для психологии которого характерны как страхи перед властью, так и еще большие страхи перед свободным выбором, который воспринимается как несущий угрозу анархии, естественным образом уходит. Старушка, которая говорила, что вот когда Зюганов станет

---

¹ Опросы показывают, как уже глубоко усвоены многие демократические свободы. Например, с утверждением: «Если мне будет гарантированы нормальная зарплата и приличная пенсия, я готов отказаться от свободы слова и права свободно ездить за границу» в 2002 г. согласились 43%, в 2008 г. — 38%, а не согласились — 48% и 52% (Общественное мнение — 2008. Ежегодник. М., 2008. С. 103). С утверждением, что «нам нужна одна сильная правящая партия» в 2008 г. согласились 32%, что нужны две или три большие партии — 45%, много небольших партий — 8%, а с тем, что партии вообще не нужны, — 6% (с. 72). С тем, что России нужна политическая оппозиция власти, согласились 61%, а с тем, что она не нужна, — только 21% (с. 85). С необходимостью существования независимых от государства телеканалов согласны 60% (с. 99).

президентом, она и будет за него голосовать, очевидно, уже умерла. Новое поколение имеет уже иной опыт, воспитано в неизмеримо более свободных условиях. Для послесталинского поколения, пресловутых «шестидесятников», отсутствие массового террора стало нормой, и именно поэтому оно могло стремиться к большему — к политическим и социально-экономическим свободам. Точно так же для подрастающего сейчас поколения частная собственность, свобода информации, жизнь без тоталитарной идеологии и всеохватывающего идеологического контроля, возможность поездки за границу, даже многопартийность — «нормальные» элементы мира, в котором оно родилось и растет, то, что привычно с детства и что воспринимается как норма. И переход этого поколения к политической активности в условиях системного кризиса, очевидно, должен быть мотивирован стремлением к большему, чем то, что оно уже имеет, — к действительной демократии, основанной на честных и реально альтернативных выборах власти. Поэтому вполне можно предположить, что третья российская попытка перехода к демократии, которая произойдет в две тысячи каком-то году, окажется удачной (говорят, «Бог любит троицу»).

Это значит, что после глубокого политического кризиса будут проведены первые в русской истории действительно свободные и неманипулируемые выборы верховной власти, и победители на этих выборах не будут стремиться (или будут, но им это не удастся, это не позволят оппозиция и общество в целом) закрепиться у власти, манипулируя следующими выборами. После нескольких ротаций система реальных выборов закрепляется. Страх свободного выбора и перемены власти уходит в прошлое. Россия выходит из циклов систем с безальтернативными властями, отделяющихся друг от друга «смутными временами» безвластия. Сейчас это выглядит совершенно утопически, но это казалось также утопическим во множестве стран, успешно пришедших к стабильной демократии.

Тем не менее это сценарий возможен, но не неизбежен. Препятствующие установлению демократии глубокие культурные и психологические особенности нашего общества воспроизводятся и в новом поколении, вступая в сложное взаимодействие с новыми, «модерными» особенностями сознания. «Наши», конечно, не комсомольцы или хунвэйбины, но они демонстрируют воспроизводство в молодом поколении традиционалистского сознания,

пусть и в ослабленном и «фарсовом» виде. И в следующем поколении переход к демократии будет очень трудным, значительно труднее, чем просто пресечение правящей президентской «квазидинастии» и приход к власти неких «демократических сил». Будут какие-то элементы анархии, и в обществе снова возникнет желание убежать от этой анархии под сень «сильной власти».

Люди, которые придут к власти, вполне могут приложить все усилия, чтобы закрепиться у власти и не допустить ротаций в будущем, как это сделали победители 1991 г. и как это происходило много раз в истории самых разных народов¹. И вполне может оказаться, что они не встретят достаточного сопротивления. Ведь для демократии нужна не просто победа «демократических сил», но нужно и наличие сильной и также принимающей демократические «правила игры» оппозиции. Но практически несомненная слабость (или просто отсутствие) сопротивления со стороны теперешней элиты не будет благоприятствовать установлению демократии, как ей не способствовала слабость сопротивления революции 1991 г. со стороны советской элиты. Тотальный переход старой элиты к победителю будет скорее благоприятствовать восстановлению в новой форме старых порядков.

Поэтому говорить о неизбежности успеха третьей попытки все же нельзя.

---

¹ Пример такого развития событий на постсоветском пространстве — Белорусия, где А. Лукашенко пришел к власти демократическим путем, в результате спонтанной «электоральной революции», но затем создал жесткий режим безальтернативного президентства. В Киргизии мы видим такой цикл в еще более яркой форме — свержение в результате «революции тюльпанов» акаевского режима породило анархию, из которой общество пытается выйти, установив вполне аналогичный свергнутому и даже более жесткий режим президента Бакиева. Другой пример — Грузия, где два слабых имитационно-демократических режима (З. Гамсахурдиа и Э. Шеварднадзе) были свергнуты народными восстаниями (в первом случае — кровавым, во втором — «цветной революцией»), но у теперешней власти также очень сильная тенденция к авторитарной трансформации и, соответственно, вполне вероятно, что и ее конец наступит не просто в результате поражения на выборах.

5.2. Второй вариант — возврат к безальтернативности власти и новый цикл

Второй вариант исхода будущего кризиса, который тоже нельзя исключать, — это неудача и третьей попытки, новое возвращение безальтернативной власти. В этом случае за двумя циклами перехода от неудачных попыток установления демократии к временному успокоению при авторитарной системе, а затем — к новому кризису и новой попытке, последует третий. Подобные многократно повторяющиеся циклы были в истории очень многих стран «третьего мира». В ряде стран Латинской Америки они повторялись даже десятки раз.

При этом объективная задача перехода к демократии остается неизменной, хотя ее разрешение снова отодвигается в неопределенное будущее, до следующей попытки. Вообще же «снята» эта задача быть не может. Демократия — один из аспектов современного мира и переход к ней — один из необходимых элементов современного развития, модернизации. Это — один из компонентов «взрослости», «развитости» общества. Зона демократий постепенно расширяется — к демократии переходят все новые и новые страны, в том числе и очень далекие по своей традиционной культуре от тех стран Запада, в которых современная демократия родилась¹. В Европе Россия и Белоруссия — последние несвободные страны². И как ни труден в силу особенностей ее традиционной культуры и ее исторического опыта переход к реальной демократии для России, в конечном счете, после кризиса теперешней системы или позже, после кризиса следующей, он неизбежен. Сейчас задача перехода к демократии представляется предельно трудной, если не неразрешимой, но еще относительно недавно совершенно

---

¹ По оценкам неправительственной американской организации «Фридом Хауз», в 2009 г. из 193 государств мира «свободными» были 46%, «частично свободными» — 32%, «несвободными» — 22%. В 1977 г. свободными были 28% стран, в 1987 г. — 35%, 1997 г. — 42%. В Западной и Южной Европе свободными признаны 24 страны из 25, в Центральной и Восточной Европе и бывшем СССР — 13 из 28, Америке — 25 из 35, в Азиатско-Тихоокеанском регионе — 16 из 39, Черной Африке — 10 из 48, Ближнем Востоке и Северной Африке — 1 из 18. Россия включена в число несвободных стран.

² Если включать в Европу закавказские республики, то несвободных стран будет 3, ибо в эту группу стран, по оценкам «Фридом Хауз», входит и Азербайджан. «Частично свободными» европейскими странами признаны Албания, Армения, Босния и Герцеговина, Македония, Молдавия, Турция и Черногория.

неразрешимой казалась задача ликвидации коммунистической системы.

Демократия — не «счастье», а современная норма. Чувство счастья может сопровождать переход к демократии, как у индивида оно сопровождает любое трудное достижение нормы, например, окончание школы или вуза. Но после недолгой эйфории начинаются суровые будни. Пройдет время, и человек может даже начать с ностальгией вспоминать тот период своей жизни, который он так спешил оставить позади и который вернуть уже нельзя. Те проблемы, которые будут стоять перед российским обществом в середине и конце начавшегося века, возможно, будут значительно труднее, чем проблема перехода к демократии. Но мы здесь говорим именно об этой проблеме. А она к этому времени будет уже решенной и забытой проблемой далекого прошлого.

Фурман, Д.Е.
Ф 94 Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем / Д.Е. Фурман. — М.: Издательство «Весь Мир», 2010. — 168 с.

ISBN 978-5-7777-0480-1

В книге известного российского историка и политолога Дмитрия Ефимовича Фурмана, руководителя Центра проблем взаимоотношений между Россией, странами СНГ и Европой Института Европы РАН, анализируется процесс зарождения, развития и современного состояния политической системы России. Автор рассматривает характер российской политической системы в сопоставлении с другими политическими системами стран мира, стран СНГ и с советской системой. Он приходит к выводу, что политическая система России родственна постсоветским системам, установившимся в Беларуси, Казахстане и других странах после распада СССР. Эти политические системы, можно условно назвать «имитационными демократиями». Их становление — естественное явление, отражающее уровень социально-политического развития стран, в которых они возникают. Показывая логику развития и функционирования российской постсоветской системы, автор приходит к выводу, что она уже пережила свой «золотой век» и стоит на пороге упадка и будущего кризиса. Он предлагает вниманию читателей возможные исходы этого кризиса.

Книга рекомендуется ученым, экспертам, политикам, а также всем, кто интересуется развитием современной российской политики.

УДК 321
ББК 66.3(2Рос)

Фурман Дмитрий Ефимович

**Движение по спирали
Политическая система России
в ряду других систем**

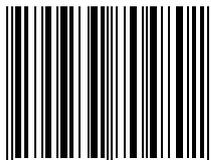
Редактор: *О.А. Зимарин*
Художник: *А.А. Арештейн*
Верстка: *Е.А. Поташевская*
Корректор: *Н.М. Долгова*

Подписано в печать 05.02.2010
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Гарнитура NewtonС.
Печ. л. 10,5. Тираж 2000 экз.
Изд. № 10/09-и
Заказ №

ООО Издательство «Весь Мир»
Адрес: 117342, Москва,
ул. Бутлерова, д. 17б
Тел.: (495) 739-09-71
Факс: (495) 334-85-91
E-mail: info@vesmirbooks.ru;
<http://www.vesmirbooks.ru>

Отпечатано в ОАО ПИК «Идел-Пресс»
в полном соответствии с качеством предоставленных материалов
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2

ISBN 978-5-7777-0480-1

9 785777 704801